Преподобный Иустин (Попович)

Православная Церковь и экуменизм

По благословению
архиепископа Тернопольского и Кременецкого
Сергия

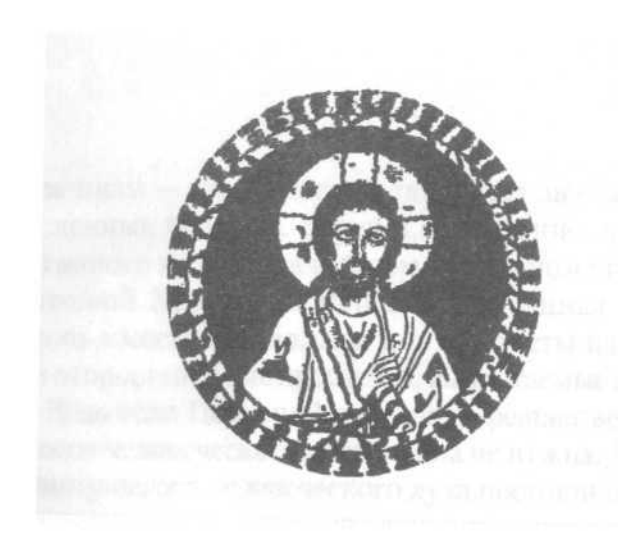
Перевод с сербского
Сергея Фонова

Книга выдающегося сербского богослова преподобного Иустина (Поповича) «Православная Церковь и экуменизм» может быть названа лучшей из того, что написано об экуменизме и против экуменизма на основе святоотеческого Предания. Преподобный Иустин, сопоставляя постулаты экуменизма с православным вероучением, приходит к очевидному и нелицеприятному выводу: экуменизм отторгает человека из ограды единой истинной Церкви, в которой всецело пребывает Богочеловек Христос, совершающий Своей благодатью и Таинствами спасение человека. Экуменизм подменяет вечноживого Богочеловека Христа смертным человеком; обожествляет человека; делает из человека кумира, изгоняя таким образом из его души Бога.

Для настоящего издания сделан новый перевод. Завершает книгу статья диакона Андрея Кураева. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 5-88060-058-0

Часть 1



Православное учение о Церкви

Экуменизм — это движение, порождающее собой многочисленные вопросы. Все они, собственно, проистекают из одного и сходятся в одном — в едином стремлении к истинной Христовой Церкви. А истинная Христова Церковь имеет, да и должна иметь, ответы на все главные и второстепенные проблемы, выдвигаемые экуменизмом. Ведь если Церковь Христова не решает вековечных вопросов человеческого духа, то она не нужна. А главный очаг мятущегося человеческого духа постоянно возжигается именно этими жгучими вечными вопросами. И каждый человек — сознательно или бессознательно, вольно или невольно — как бы постоянно горит и не сгорает в этих вопросах: пламенеет у него сердце, пылает ум, вспыхивает совесть, зажигается душа — огнем объято все его существо. И *нет мира в костях*[*] его. Среди всего мироздания наша планета является средоточием всех вечных и мучительных противоречий: проблем жизни и смерти, добра и зла, добродетели и греха, мира и человека, бессмертия и вечности, рая и ада, Бога и диавола. Человек — это самое сложное и самое загадочное из всех земных существ. И кроме того — он больше всех подвержен страданиям. Поэтому Бог и сошел на землю, для того и соделался совершенным человеком, чтобы как Богочеловек ответить нам на все эти наши вечные мучительные ожидания. По сей причине Он и остался весь на земле, в Своей Церкви, для которой Он — Глава, а она — Его Тело.

---

[*] Пс. 34, 7.— *Ред.*

Она — истинная Церковь Христова, Церковь Православная, и в ней присутствует весь Богочеловек со всеми Своими евангельскими обетованиями и со всеми Своими совершенствами.

Что экуменизм представляет собой по существу, во всех своих проявлениях и намерениях, мы лучше всего увидим, если рассмотрим его с позиций единой истинной Христовой Церкви. Поэтому нужно, хотя бы в общих чертах, изложить основы учения Православной Церкви об истинной Христовой Церкви — Церкви Апостольско-Святоотеческой, Церкви Священного Предания.

Все-благовестие: Богочеловек

Всецело и во всей полноте тайна христианской веры заключена в Церкви; вся тайна Церкви — в Богочеловеке; вся тайна Богочеловека — в том, что Бог стал плотию (*Слово плоть бысть, Слово стало плотию* — Ин. 1, 14), вместил в человеческое тело все Свое Божество, все Свои Божественные качества и совершенства, все тайны Бога. Все Евангелие Богочеловека, Господа Иисуса Христа, можно выразить в нескольких словах: *великая благочестия тайна: Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16). Крошечное тело человека всецело вместило Бога со всеми Его бесчисленными бесконечностями; при этом Бог остался Богом и плоть осталась плотию — всегда в едином Лице: в Лице Богочеловека Иисуса Христа; совершенный Бог и совершенный человек — совершенный Богочеловек. Здесь не одна тайна; здесь все тайны неба и земли, сопряженные в единую тайну — в тайну Богочеловека, в тайну Церкви как Его Богочеловеческого Тела. Все сводится к телу Бога Слова, к воплощению Бога, к вочеловечению. В этой истине — и вся жизнь Богочеловеческого Тела Церкви, и благодаря этой истине мы знаем, *как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15).

*Бог явился во плоти**. «В этом,— говорит Златоуст, благовестник Христова Евангелия,— все домостроитель-

* 1 Тим. 3, 16.— *Ред.*

ство нашего спасения. Воистину, великая тайна... Обратим внимание: апостол Павел повсюду домостроительство нашего спасения называет тайной. И это весьма справедливо, ибо не была она известна никому из людей и даже Ангелам не была открыта. Раскрывается же она через Церковь. И действительно, велика тайна сия, ибо Бог стал человеком и человек — богом. Поэтому мы должны жить достойно этой тайны»[1]. Святой Феофилакт, продолжая благовествование Златоуста, говорит: «Истина — это содержание Церкви. Ибо все, что в ней совершается, есть истина»[2].

Богочеловек: «единственное новое под солнцем»

Самое большое, что мог Бог дать человеку, Он дал ему, Сам соделавшись человеком и навсегда оставшись Богочеловеком и в видимом, и в невидимом мире. Крохотное человеческое существо всецело вместило Бога, невместимого и во всем безграничного. Это свидетельствует о том, что Богочеловек — самое та́инственное Существо во всем окружающем человека мире. Святой Иоанн Дамаскин прав, когда говорит, что Богочеловек — это «единственное новое под солнцем»[3]. А можно добавить: и всегда новое — такое новое, которое никогда не стареет ни во времени, ни в вечности. Но в Богочеловеке и с Богочеловеком и сам человек стал новым под солнцем существом, существом божественно важным, божественно драгоценным, божественно вечным, божественно сложным. Тайна Бога неразрывно соединилась с тайной человека и стала двуединой тайной, всеобъемлющей тайной неба и земли. Так Церковь начала свое бытие: Богочеловек = Церковь. Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, Ипостась Бога Слова, став человеком, соделавшись Богочеловеком, осталась в нашем земном мире, то есть и на небе, и на земле начала существовать как Богочеловек = Церковь. С вочеловечением

Богочеловек = Церковь

Бога Слова человек как особое богоподобное существо почтен Божественным величием, ибо Вторая Ипостась Пресвятой Троицы стала его Главой, вечной Главой Богочеловеческого Тела Церкви. Бог Отец Духом Святым поставил Господа Иисуса Христа — Богочеловека — *выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем* (Еф. **1**, 22–23).

Имея Богочеловека своей Главой, Церковь стала самым совершенным и самым драгоценным существом неба и земли. Все Богочеловеческие качества стали ее качествами; все Его Божественные силы: все воскрешающие, все преображающие, все обо́живающие силы Богочеловека — Христа, соединяющие с Ним верных и преображающие их в Нем, все силы, возвращающие человеку утраченное богоподобие и вводящие его в благодатное единство со Святой Троицей,— навсегда стали ей присущими. И что самое важное, самое удивительное и самое потрясающее — так это то, что Сама Ипостась Бога Слова по непостижимой любви к человеку соделалась вечной Ипостасью Церкви. Нет такого Божиего богатства, Божией славы и Божиего блага, которые не стали бы навсегда нашими, то есть достоянием каждого верного члена Церкви.

Все безмерное величие Своей крепости, все богатство человеколюбия и всемогущество Своей силы Бог особенно явил в Своем воскресении из мертвых, в вознесении на небо превыше Херувимов и Серафимов и всех Небесных Сил и в основании Церкви как Своего Тела, Главой которого Он, воскресший и вознесшийся вечноживой Богочеловек, является. Это безграничное чудо Бог сотворил *во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил*

под ноги Его, и поставил Его выше всего — **ὑπὲρ πάντα**, *главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем* — **τὸ πλήρωμα τοῦ τὰ πάντα ἐν πᾶσι πληρουμένου** (Еф. 1, 20–23).

Церковь — Богочеловеческое Тело

Так в воскресшем и вознесшемся Богочеловеке осуществлен Предвечный Совет Трисвятого Божества, *дабы все небесное и земное соединить под главою Христом* — **ἀνακεφαλαιώσασθαι τὰ πάντα — ἐν τῷ Χριστῷ, τά ἐπὶ τοῖς οὐρανοῖς καὶ τὰ ἐπὶ τῆς γῆς** (Еф. 1, 10): осуществлен в Богочеловеческом Теле Церкви. Церковью, Своим Богочеловеческим Телом, Господь сочетал в единый вечноживой организм всех: ангельские существа, людей и всех богосозданных тварей. Таким образом, Церковь — это *полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23), то есть [полнота] Богочеловека Иисуса Христа, Который как Бог *наполняет все во всем*, а как человек и Вечный Архиерей дает нам, людям, жить всей полнотой в Церкви посредством Святых Таинств и святых добродетелей.

Церковь — полнота всего Божественного и всего человеческого

Это воистину полнота (плерома) всего божественного, всего вечного, всего богоподобного, всего богозданного. Ведь именно Церковь есть вместилище и исполнение Божественной истины, Божественной правды, Божественной любви, Божественной жизни, Божественной вечности; полнота всех божественных совершенств, а также и лучших человеческих качеств, ибо Господь Иисус Христос, Богочеловек — это двуединая полнота Божественного и человеческого. Это — Богочеловеческое всеединство (всеединство полноты, Церковь), обретшее бессмертие и вечность тем, что его Глава — Сам вечный Богочеловек, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы.

Церковь как полнота Богочеловеческого Тела живет бессмертными и животворящими логосными силами воплощенного Бога Слова. Это ощущают все истинные члены Церкви, а наиболее полно — святые и Ангелы. Эта **πλήρωμα** Богочеловеческих совершенств Иисуса Христа и есть *надежда призвания Его* и *наследие Его для святых* (Еф. 1, 18). Церковь — это не только цель и смысл всех тварей и всего сотворенного, от Ангела до атома, но и их единственное высшее предназначение и высшее оправдание. В ней нас Бог, действительно, *благословил всяким духовным благословением* (Еф. 1, 3); в ней Он даровал нам все средства для нашей святой и непорочной жизни пред Богом (см.: Еф. 1, 4); в ней Он нас усыновляет через Своего Единородного Сына (см.: Еф. 1, 3–8); в ней Он открыл нам вечную тайну Своей воли (см.: Еф. 1, 9); в ней Он соединил время с вечностью (см.: Еф. 1, 10); в ней Он отверз двери к единению всех существ и тварей со Христом и к благодатному их преображению во Христе, к приятию и стяжанию Святого Духа, к соединению всего сотворенного со Святой Троицей и к благодатному пребыванию в Ней (см.: Еф. 1, 13–18). Поэтому Церковь знаменует собой самую великую, всесвятую Божию тайну. В сравнении с остальными тайнами она — тайна, объемлющая все прочие, то есть все-тайна. В ней каждая Божия тайна — благовестие и блаженство, каждая — рай, ибо каждая из них преисполнена Сладчайшим Господом. А Сладчайший Господь? Именно Им рай становится раем и блаженство — блаженством; именно Им [в Церкви] Бог есть Бог и человек есть человек; именно Им истина становится Истиной и

Церковь — главная цель и смысл всего

Церковь — все-тайна Божия

правда — Правдой; именно Им любовь делается Любовью и благость — Благостью; именно Им жизнь становится Жизнью и вечность — Вечностью.

Основное благовестие, и в нем — основная и величайшая радость, преисполняющая все существа неба и земли,— это: Богочеловек есть всё и вся на небе и на земле, и в Нем — Церковь. А величайшее для всех благовестие — то, что Глава Церкви — это Богочеловек Иисус Христос. И действительно, *Он есть прежде всего, и все Им стоит* (Кол. 1, 17). Ибо Он — Бог, Творец, Промыслитель, Спаситель, Жизнь, из Которой источается любая другая жизнь, источное Бытие и Причина бытия всего сущего; *все Им и для Него создано* (Кол. 1, 16). Он — и цель всего сущего. Всё творение создано как Церковь и составляет Церковь, а *Он есть глава тела Церкви* (Кол. 1, 18). В этом — логосное всеединство твари и логосная целесообразность твари. Грех отторгнул часть твари от этого всеединства и всецелесообразности и погрузил ее в безлогосную бесцельность, в смерть, в ад, в мучения. По этой причине Бог Слово нисходит в наш земной мир, становится человеком и как Богочеловек совершает спасение мира от греха. Его Богочеловеческое домостроительство спасения направлено к тому, чтобы всё очистить от греха, всё о-логосить, освятить, вочленить в Богочеловеческое Тело Церкви и, таким образом, всё вернуть к логосному всеединству и логосному целесообразию.

Церковь — все-тайна человека

Соделавшись человеком и основав Церковь на Себе, Собой и в Себе, Господь Иисус Христос безмерно возвеличил человека, как никто и никогда ранее. Своими Богочеловеческими подвигами Он не только спас человека от греха, смерти и диавола, но и вознес его над всеми прочими существами и тварями. Не стал Бог ни Бого-ангелом, ни Бого-херувимом, ни Бого-серафимом, но — Богочеловеком. И тем самым воздвиг человека выше Ангелов и Архангелов, превыше всех ангельских существ. При этом Господь Церковью покорил ему все и вся: **πάντα ὑπέταξεν ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ** (Еф. 1, 22). Церковью и в Церкви как Богочеловеческом Теле человек возрастает до над-ангельских и над-херувимских высот, так что путь его восхождения, его совершенствования более долгий, чем у Херувимов, Серафимов и всех Ангелов. Речь здесь идет о тайне, более сокровенной, чем все другие [тайны]. Пусть умолкнет всякий язык, ибо глаголет неизреченная и ненасыщаемая любовь Божия, несказанное и не знающее границ человеколюбие поистине Единого Человеколюбца — Господа Иисуса Христа! Здесь мы приступаем к *видениям и откровениям Господним* (2 Кор. 12, 1), не выразимым никаким языком, не только человеческим, но и ангельским. Здесь всё превыше ума, превыше слов, превыше самой природы и всего сотворенного. Если же говорить о тайне, то здесь — все-тайна человека во все-тайне

Богочеловека, Который есть Церковь и при этом — Тело Церкви и Глава Церкви. И во всем этом — человек: воцерковленный, вжившийся в Церковь, сопричастный Христу, преображенный в Нем, соединенный с Богочеловеком и ставший богочеловеком по благодати, вступивший в благодатное единение со Святой Троицей и обитающий в Ней; человек — *сонаследник, составляющий одно тело* со всеми верными в Богочеловеческом Христовом Теле, в Церкви (ср.: Еф. 3, 6), в этой самой святой и умилительной Божией тайне, в тайне всех тайн, во всесвятой все-тайне. Церковь — это Богочеловек Иисус Христос через все века и через всю вечность. Но с человеком и после человека — и вся богосозданная тварь; все сотворенное Богом Словом на небе и на земле — вочленяется в Церковь как в ее Тело, Глава которого — Господь Иисус Христос; но Глава — это Глава Тела, а Тело — это Тело Главы; неотделимо одно от другого, полнота одного с другим — *полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23). Становясь через Святое Крещение членом Церкви, каждый христианин составной частью входит в *полноту Наполняющего все*, и сам исполняется Божией полнотой (Еф. 3, 19), достигая, таким образом, всесовершенного исполнения своего человеческого существа, своей человеческой личности. По мере своей веры и благодатной жизни в Церкви каждый христианин восходит к этой полноте через Святые Таинства и святые добродетели. Это действует для всех христиан и на все времена. Все преисполнено *полнотой Наполняющего все во всем*: всё в нас, людях, всё в Ангелах, всё в звездах, всё в птицах, всё в растениях, всё в минералах, всё во всех богозданных тварях. Ведь где Божество Богочеловека, там и Его Человечество: там все верные всех времен и из

Церковь — Богочеловек через все века и всю вечность

всех существ — из Ангелов и людей. Именно так мы, члены Церкви, исполняемся *всею полнотою Божиею* (Еф. 3, 19): Богочеловеческая полнота — Церковь, Богочеловек — ее Глава, Церковь — Его Тело, и на протяжении всего нашего существования мы всецело зависим от Него, как тело от Главы. Из Него, из бессмертной Главы Церкви, по всему Телу Церкви струятся благодатные животворящие силы, оживляющие нас бессмертием и вечностью. Все Богочеловеческие чувства Церкви — от Него, и в Нем, и Им. Все Святые Таинства и святые добродетели в Церкви, которыми мы очищаемся, возрождаемся, преображаемся, освящаемся, усвояемся Богочеловеку, Господу Иисусу Христу, обожаемся, благодатно сочетаваемся со Святой Троицей и тем самым спасаемся,— бывают от Отца через Сына в Духе Святом, и это благодаря ипостасному единству Бога Слова и нашей человеческой природы в преисполненном чудес Лице Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа.

Богочеловеческая полнота Церкви

Для чего Богочеловек, Господь Иисус Христос, Второе Лицо Пресвятой Троицы,— все и вся в Церкви? Для чего Он — Глава Тела Церкви и для чего Церковь — Его Тело? Для того, чтобы все члены Церкви *истинною любовью все возращали в Того, Который есть глава Христос... доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* — **εἰς μέτρον ἡλικίας τοῦ πληρώματος τοῦ Χριστοῦ** (Еф. 4, 15, 13). Это означает, что Церковь есть как бы Богочеловеческая «мастерская», в которой каждый человек при действии Святых Таинств и святых добродетелей соединяется с Богочеловеком, Господом Иисусом Христом, достигает обóжения, преображается в богочеловека по благодати, в бога по благодати. Здесь все совершается

Богочеловеком, в Богочеловеке, по Богочеловеку — всё в категории Бого-человеческого. В Своем Лице Господь Иисус Христос как Богочеловек объемлет, пронизывает, проницает во все даже самые укромные уголки, где живут и движутся человеческие существа; нисходит Он в преисподние места земли, в самый ад, в царство смерти; и Он же восходит выше всех небес, дабы наполнить Собою всё и вся — **ἵνα πληρώσῃ τὰ πάντα** (Еф. 4, 8–10; ср.: Рим. 10, 6–7).

Богочеловек растет

Всё в Церкви путеводимо и направляемо Главой Церкви — Господом Иисусом Христом. Так возрастает Богочеловеческое Тело. Богочеловек — растет! И это чудо непрерывно совершается для нас, людей, ради нашего же спасения через сочетание со Христом. Приумножается Христово Тело — Церковь. Приращается с каждым человеком, который становится членом Церкви — составной частью Богочеловеческого Тела Христа. И это возрастание каждой человеческой личности в Церкви происходит от Главы Церкви — от Господа Иисуса Христа. От Него — через Его святых, Христо-носных соработников. Всечеловеколюбивый Господь даровал и апостолов, и пророков, и евангелистов, и пастырей, и учителей — *к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова* (Еф. 4, 11–12). А потому из Господа Иисуса Христа, как из Главы Церкви, *все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение* (Еф. 4, 16).

В чем состоит надежда нашего христианского звания? В нашем соединении с Господом Иисусом Христом, а через Него — с теми, кто в Нем, в Его Богочеловеческом Теле, в Церкви. А Его Тело — это *одно тело* (Еф. 4, 4),

тело воплощенного Бога Слова; и дух в этом теле — *один дух* (Еф. **4**, 4), Дух Святой. Это — Богочеловеческое единство, которое совершеннее и полнее всякого иного вида единения. В земном мире нет более реального, более всеобъемлющего и бессмертного единства, чем единство человека с Богом и в Боге — с другими людьми и со всеми тварями. Средства же для того, чтобы войти в это единство, доступны всем: это Святые Таинства и святые добродетели. Первое Святое Таинство — Крещение, первая святая добродетель — вера. *Одна вера* (Еф. **4**, 5; ср.: Иуд. 3), и нет другой, кроме нее; *один Господь* (1 Кор. **8**, 6; **12**, 5), и нет другого, кроме Него (см.: Еф. **4**, 5); и *одно крещение* (Еф. **4**, 5), и нет другого, кроме него. Только в органическом единстве с Богочеловеческим Телом Церкви, только будучи членом этого удивительного организма, человек приходит к полному ощущению, осознанию и убеждению, что, и в самом деле, есть только *один Господь* — Пресвятая Троица — и только *одна вера* — вера в Пресвятую Троицу (Еф. **4**, 5; ср.: **3**, 6; **4**, 13; Иуд. 3); только *одно крещение* — крещение во имя Пресвятой Троицы (см.: Мф. **28**, 19) — и только *один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас* (Еф. **4**, 6; ср.: Рим. **11**, 36; 1 Кор. **8**, 36). «Един над всеми Отец, Который через всех Словом, Которое — из Него, и во всех — Духом Святым»[4]. Это ощущать и этим жить — значит поступать достойно христианского звания (см.: Еф. **4**, 1; ср.: Рим. **12**, 2; Кол. **3**, 8–17; 1 Фес. **2**, 12). Одним словом, это значит — быть христианином.

Через Господа Иисуса Христа все люди: и евреи, и язычники — имеют *доступ к Отцу, в одном Духе* (Еф. **2**, 18), ибо только через Христа приходят к Отцу (см.: Ин. **14**, 6). Своим домостроительством спасения Богочеловек открыл всем нам путь и доступ к Троичному Божеству (см.: 1 Пет. **3**, 18; Рим. **5**, 1–2; Еф. **3**, 12). В Богоче-

ловеческом домостроительстве спасения все совершается от Отца через Сына в Духе Святом. Это верховный закон в Богочеловеческом Теле Церкви, в жизни каждого члена Церкви. Ибо что такое спасение? Жительство в Церкви. А что означает это жительство в Церкви? Жизнь в Богочеловеке. А что такое жизнь в Богочеловеке? Жизнь (бытийствование) в Святой Троице, ибо Богочеловек — это Второе Лицо Пресвятой Троицы, всегда единосущное и единожизненное с Безначальным Отцом и Животворящим Духом (см.: Ин. **14**, 6–9; **15**, 24–26; **16**, 7, 13–15; **17**, 10–26). Таким образом, спасение — это жизнь, это бытие во Святой Троице.

Богообразное триединство человека

Только в Господе Иисусе Христе человек впервые ощутил себя совершенно единым по существу, триединым. И в этом богоподобном триединстве обрел и единство своего существа, и свое бессмертное богоподобие, и вечную жизнь; потому что вечная жизнь заключается в познании Триединого Бога (см.: Ин. **17**, 3). Уподобиться Триединому Господу, исполниться *всею полнотою Божиею* (Еф. **3**, 19; ср.: Кол. **2**, 9–10), сделаться совершенным, как Бог (см.: Мф. **5**, 48),— вот наше призвание, и в нем надежда нашего звания — *звания святого* (ср.: 2 Тим. **1**, 9), *звания небесного* (ср.: Евр. **3**, 1), *звания Божия* (ср.: Рим. **11**, 29; Еф. **1**, 18; Флп. **3**, 14). Только в Христовой Церкви мы живо и бессмертно ощущаем, что [мы] *призваны к одной надежде нашего звания* (ср.: Еф. **4**, 4). Одно звание для всех людей и одна надежда. Это звание живет и непосредственно переживается Церковью и в Церкви *со всеми святыми* через Святые Таинства и святые добродетели (Еф. **3**, 18–19). И тогда мы ощущаем себя *одним телом и одним духом — со всеми святыми. Так мы, многие, составляем одно тело во Христе* (Рим. **12**, 5), *ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... членов много, а тело одно* (1 Кор. **12**, 13–14, 20). *И вы — тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. **12**, 27). Надежда, наставляемая верой и евангельской любовью, приводит нас

к осознанию и осуществлению нашего звания, нашей цели, нашего призвания — богосовершенства. А все это может совершаться лишь в Богочеловеческом Христовом Теле (в Церкви), при содействии Его Богочеловеческих сил, которыми живут все члены этого единого Святого Тела, в котором один дух — Дух Святой. Дух Истины (см.: Ин. **15**, 26) — это Тот, Кто соединяет все души христиан в одну душу — в душу соборную, и все сердца — в одно соборное сердце, и все духи — в один дух, в соборный дух Церкви, в одну веру — в соборную веру Церкви. Это и есть то соединение, то единство тела и единство духа — в котором всё совершается от Отца через Сына в Духе Святом, ибо *один Бог, производящий все во всех* (ср.: 1 Кор. **12**, 6; Рим. **11**, 36).

Так мы, многие, составляем одно тело во Христе — только во Христе (Рим. **12**, 5). Через Святые Таинства и святую жизнь в подвиге святых добродетелей мы делаемся членами единого Тела Христова, так что между нами нет никакой удаленности, никакого промежутка; все мы сжились между собой и связаны единым бытием, подобно тому как сопряжены между собой члены человеческого тела. Твоя мысль — до тех пор, пока она *во Христе*,— образует *одно тело* с мыслями всех святых членов Церкви, и ты, действительно, мыслишь *со всеми святыми*, ибо твоя мысль благодатно и органически соединена с их мыслями. То же самое относится и к твоим чувствам, и к твоей воле, и к твоей жизни, пока они *во Христе*. В нашем теле членов много, но одно тело — *так и Христос* (1 Кор. **12**, 12). *Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело* (1 Кор. **12**, 13), и один Дух ведет нас к одной Истине. В Своем Богочеловеческом теле, из которого и в котором Церковь имеет свое бытие, Господь Иисус Христос Крестом объединил всех людей (см.: Еф. **2**, 16). В этом вечном Богочеловеческом Теле *дары различны, но Дух*

один и тот же (1 Кор. **12**, 4): Дух, действующий через все святые дарования, обитающий во всех членах Церкви и объединяющий их в один дух и в одно тело, *ибо все мы одним Духом крестились в одно тело* (1 Кор. **12**, 13).

«Что это такое *одно тело?*» — спрашивает богомудрый Златоуст и отвечает: «Верные со всех концов вселенной, живущие ныне, жившие прежде и еще имеющие жить. А равно и угодившие Богу до Христова пришествия составляют одно тело. Почему? Потому, что и они познали Христа. Откуда это видно? Сказано: *Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой: и увидел и возрадовался* (Ин. **8**, 56); и еще: *если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне* (Ин. **5**, 46). Ведь и в самом деле, они не писали бы о том, о ком не знали, что сказать, но так как они знали Его, то и почитали. По сей причине они и образуют одно тело. Тело же не отделяется от духа, иначе оно не было бы телом. Кроме того, о вещах, которые между собой сопрягаются и имеют прочную связь, мы обычно говорим: они — одно тело. Точно так же и мы во взаимном соединении составляем одно тело под единой Главой»[5].

В Церкви все Богочеловеческое: Бог всегда на первом, а человек всегда на втором месте. Без Божественной силы христиане не могут жить Богочеловеческой, евангельской жизнью, а тем более преуспевать в совершенстве. Для всего Богочеловеческого человеку нужна Божия помощь. Лишь облекшись *силою свыше* (Лк. **24**, 49; ср.: Деян. **1**, 8), Божественной силой Святого Духа, люди могут по-евангельски жить на земле. Поэтому Спаситель и открыл на Тайной вечери великую Божественную истину о Духе Святом как Совершителе и Исполнителе человеческого спасения силой Его Божественного действия в Богоче-

Дух Святой — душа Церкви

ловеческом Теле Церкви (см.: Ин. **14**, 16–17, 26; **15**, 26; **16**, 7–13). Господь Иисус Христос Духом Святым вселяется в человека, обновляет и освящает его, делает его частью Самого Себя (см.: Еф. **3**, 16–17). Без Святого Духа человеческий дух рабствует греху, дробится и рассеивается в бесчисленное множество смертей, уклоняется в бытие ложное, в небытие — во всех его бесконечных проявлениях. Дух Святой — благодаря Христу и Христом — пришел в мир и стал душой Тела Церкви; Он и преподается людям только Христом и благодаря Христу. Это означает, что Святой Дух лишь благодаря Христу и Христом обитает в людях. Где нет Богочеловека Иисуса Христа, там нет и Святого Духа; там нет Бога, ибо нет Троичного Божества. Как Христос Духом Святым в Церкви, так и Церковь Духом Святым во Христе. Христос — Глава Церкви, Дух Святой — душа Церкви.

Дух Святой созидает Церковь

Своей Божественной силой Святой Дух соединяет всех верных в одно Тело, в Церковь, *ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... и все напоены одним Духом* (1 Кор. **12**, 13). Он — Устроитель и Созидатель Церкви. По боговдохновенному изречению святого Василия Великого, «Дух Святой созидает Церковь»[6]. Духом Святым мы встраиваемся, включаемся в Церковь, становимся членами ее Тела. Им мы совоплощаемся в Христовом Богочеловеческом Теле Церкви, делаемся Его сопричастниками, сонаследниками (см.: Еф. **3**, 6). Духом Святым не только начало существовать, но и непрестанно устрояется святое Богочеловеческое соборное Тело Церкви, всегда единое и неделимое. Несомненно то, что только Духом Святым мы становимся Христовыми через Святые Таинства и святые добродетели. Ведь где Дух Святой, там и Христос, а где Христос, там и Дух Святой. Одним сло-

вом – здесь вся Святая Троица. А из Нее и в Ней – всё. Доказательство – Святое Таинство Крещения: в нем человек соединяется со Святой Троицей, чтобы в течение жизни посредством евангельских подвигов всецело по благодати усвоиться Ей (отроичиться), то есть чтобы жительствовать от Отца через Сына в Духе Святом. Принимая Святое Таинство Крещения, человек облекается в Господа Иисуса Христа*, а через Него – в Святую Троицу.

Соделавшись в Крещении членом Христовой Церкви, этого вечного Богочеловеческого Христова Тела, христианин начинает исполняться святыми Божественными, Богочеловеческими силами, постепенно его освящающими, обóживающими, сочетавающими с Богочеловеком на протяжении всей его жизни и во всей его вечности. В нем непрерывно зарождаются и созидаются все новые и новые качества, которые суть Христовы, а чтó Христово, то всегда ново, ибо всегда бессмертно и вечно. Наша вечная радость состоит в том, что досточудный Господь Иисус Христос – не только Спаситель, Вседержитель и Промыслитель, но и вечный Творец, а посему – и вечный Чудотворец. Поэтому Он и свидетельствует: *се, творю все новое* (Откр. **21**, 5). И Его первое новое творение в Церкви – это наше крещение, наше новое рождение, наше новое бытие – ***παλιγγενεσία*** – *пакибытие* (ср.: Мф. **19**, 28; Ин. **3**, 3–6).

Христианин тем христианин, что Святым Крещением он стал живой, органической частью Богочеловеческого Тела Церкви, ее членом, объятым и проникнутым Богом со всех сторон, снаружи и изнутри, совоплощенным Ему, Его Божественной полноте. Через Крещение христиане призваны жить в воплощенном Боге и воплощенным Бо-

---

* Ср.: *все... во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. **3**, 27).– *Ред.*

гом, Господом нашим Иисусом Христом: жить в Церкви и Церковью, ибо она *тело Его* и *полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23). Христианин призван осуществить в себе вечный Божий совет о человеке (см.: Еф. 1, 3–10). И христиане, действительно, его осуществляют жизнью во Христе и Христом, жизнью в Церкви и Церковью.

В Богочеловеческом Теле Церкви Дух Святой благодатию Святых Таинств и святых добродетелей содержит в единстве всех крещеных Им верных, составляющих тело Церкви. В Церкви общение и единство каждого члена Церкви со всеми остальными членами опосредствовано Духом Святым, Который всегда один. Все дары в Церкви, все служения, все служители Церкви: апостолы, пророки, учители, епископы, священники, миряне,— составляют единое тело, Тело Церкви. Все нужны каждому, и каждый нужен всем. Всех их связывает в одно соборное Богочеловеческое Тело Дух Святой, Соединитель и Устроитель Церкви. Верховный закон Богочеловеческой соборности в Церкви гласит: каждый служит всем и все — каждому, каждый член живет и спасается с помощью всего Тела Церкви, с помощью всех членов Церкви: и земных, и небесных; вся жизнь христиан есть не что иное, как жизнь *со всеми святыми* в Духе Святом и Духом Святым: непрестанное служение, непрерывное богослужение всем сердцем, всей душой, всем умом, всем существом. Дух Святой, обитая в христианах, участвует во всей их жизни: Им они ощущают и самих себя, и Бога, и мир; Им они мыслят и о Боге, и о мире, и о самих себе; всё, что делают,— делают Им: Им молятся, Им любят, Им веруют, Им трудятся, Им спасаются, Им освящаются, Им усвояются Богочеловеку, Им вступают в бессмертие (см.: Рим. 8, 26–27). Да и вообще в Богочеловеческом Теле Церкви весь подвиг спасения совершается Духом Святым. Он — Тот, Кто в Иисусе открывает нам Господа; Он — Тот, Кто че-

рез веру вселяет Господа Иисуса Христа в наши сердца; Он – Тот, Кто посредством Святых Таинств и святых добродетелей сочетавает нас Христу; Он – Тот, Кто наш дух настолько соединяет со Христом, что мы становимся *одним духом с Господом* (ср.: 1 Кор. **6**, 17); Он – Тот, Кто по Своему всемудрому Божественному Промыслу разделяет и подает нам Божественные дары; Он – Тот, Кто утверждает нас в этих Своих дарованиях и возводит к совершенству (см.: 1 Кор. **12**, 1–27); Он – Тот, Кто через Святые Таинства и святые добродетели совоплощает нас Христу и соединяет со Святой Троицей, так что мы делаемся Ее сопричастниками. И еще: Он – Тот, Кто в человеческом мире совершает всё Христово, всё Богочеловеческое домостроительство спасения, ибо Он – душа Богочеловеческого Тела Церкви. В этом и причина того, что и жизнь Церкви как Богочеловеческого Христова Тела началась с сошествия Святого Духа и из века в век продолжается в силу Его пребывания в ней, ибо Церковь есть Церковь только Духом Святым. Отсюда и Богочеловеческое благовествование святого и богоносного отца Церкви, Иринея Лионского: «Где Церковь, там и Дух Божий, а где Дух Божий – там и Церковь, и всякая благодать»[7].

Дух Святой в Церкви — благодаря Господу Иисусу Христу

Но при всем этом никогда не нужно забывать того, что всё, чтó мы, христиане, имеем от Духа Святого, а также и Самого Духа Святого,– всё это совершается благодаря человеколюбивому и чудотворящему Спасителю нашему, Сладчайшему Господу Иисусу Христу, ибо «Его же ради и Дух Святый в мир прии́де»[8], Его ради Он и продолжает в Церкви спасительное Христово Богочеловеческое домостроительство. Ведь если бы Господь Иисус Христос, воистину «Единый Человеколюбец», не пришел в наш земной мир и не совер-

шил великого человеколюбивого подвига спасения, то не пришел бы в наш мир и Дух Святой.

С явлением Господа Иисуса Христа в нашем земном мире и благодаря Его Богочеловеческому домостроительству спасения все Божественное стало человеческим, земным, нашим: это — наша «плоть», наша самая непосредственная реальность. *Слово стало плотию* — человеком (Ин. 1, 14), и тем самым люди получили самый большой и самый драгоценный дар, который может даровать только Бог любви. Что такое *дар Христов* (ср.: Еф. 4, 7–8)? Все, что́ Господь Иисус Христос как Богочеловек принес миру и совершил для мира. А принес Он *полноту Божества,* чтобы люди стали ее общниками, то есть сопричастились бы Его дару, и жительствовали бы в ней и ею — и исполнили бы себя *всею полнотою Божиею* (Еф. 3, 19; ср.: 1, 23; 4, 8–10; Кол. 2, 10). И еще: Он даровал людям Духа Святого, чтобы они с помощью Его благодатных даров вселили в себя полноту Божества. А всё это и составляет главный дар Богочеловека Иисуса Христа миру, дар всесвятой — Церковь.

«Слово стало плотию»

И в ней — все дарования Троичного Божества. Вся эта благодать подается каждому из нас *по мере дара Христова* (Еф. 4, 7). Однако от нас самих: от нашей веры, любви, смиренномудрия и остальных подвигов — зависит, насколько мы восприемем этот дар и насколько будем жительствовать в нем. По Своему безмерному человеколюбию Господь Иисус Христос всем и каждому оставил всего Себя, все Свои дары, все Свои святыни, всю Свою Церковь. Насколько человек воцерковится, насколько врастет в Церковь, насколько сживется со Хрис-

Христов всесвятой дар миру — Церковь

том и соделается Его благодатным уделом — настолько будет иметь часть в Его дарованиях. А главный Его дар — это вечная жизнь. Посему апостол и благовествует: *дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 6, 23).

В Богочеловеческом Теле Церкви преподана вся благодать Троичного Божества: благодать, спасающая нас от греха, смерти и диавола, возрождающая, преображающая, освящающая, обожающая нас, усвояющая нас Христу и Троичному Божеству. Однако каждому из нас подается благодать *по мере дара Христова*. А Господь Иисус Христос наделяет нас благодатию по нашему усердию (см.: 1 Кор. 3, 8): по усердию в вере, в любви, в милосердии, в молитве, в посте, в бдении, в кротости, в покаянии, в смирении, в терпении и в прочих святых добродетелях и Святых евангельских Таинствах. Прозревая Своим Божественным всеведением, как каждый из нас воспользуется Его благодатию и Его дарами, Господь Иисус Христос разделяет Свои дары *каждому по его силе*: одному дает пять талантов, другому — два, третьему — один (Мф. 25, 15). И именно от нашего личного труда и приумножения Божественных Христовых дарований зависит наше место в животворящем Богочеловеческом Христовом Теле — в Церкви, простирающейся от земли превыше всех небес над небесами. Чем совершеннее жительствует человек полнотой Христовой благодати, тем больше преподается ему Христовых даров и тем обильнее изливаются на него как на сопричастника и сонаследника Христова Богочеловеческие силы Христовой Церкви, Христова Тела: силы, очищающие нас от всякого греха, освящающие, обожающие, сочетавающие с Богочеловеком, преображающие в богочеловеков. При этом каждый из нас живет во всех и для всех, оттого и сорадуется дарам своих братьев, когда эти дары больше его собственных.

Для осуществления Церковью Предвечного Совета Троичного Божества о человеческом роде Господь Иисус Христос даровал Церкви и апостолов, и пророков, и евангелистов, и пастырей, и учителей (см.: Еф. 4, 11). Он *поставил* их в Церкви и наделил их всеми необходимыми Богочеловеческими силами, с помощью которых они исполняют свои служения. Дары различны, но один Господь, их подающий, и один Дух, их объединяющий. Апостол тем апостол, что живет, мыслит и действует Богочеловеческой благодатию апостольства, воспринятой от Господа Иисуса Христа; так же и евангелист, и пастырь, и учитель совершают вверенные им служения благодаря тому, что первый из них живет, мыслит и действует Богочеловеческой благодатию благовествования, второй — Богочеловеческой благодатию пастырства, а третий — Богочеловеческой благодатию учительства, которую они восприняли от Господа Иисуса Христа (см.: 1 Кор. **12**, 28, 4–6, 11; ср.: Еф. **2**, 20). Ибо Господь Иисус Христос — это и апостольство апостолов, и пророчество пророков, и святость святых, и вера верующих, и любовь любящих. Кто такой апостол? Служитель Церкви. Что такое апостольство? Служение Церкви. И все это *по домостроительству Божию* — **κατὰ τὴν οἰκονομίαν τοῦ Θεοῦ** (Кол. **1**, 25). Таково Богочеловеческое домостроительство спасения мира, **ἡ οἰκονομία**. Ибо спасение — это служение Церкви. А служение Церкви состоит в послушании Церкви. Послушание Господу Иисусу Христу во всем по любви — вот верховный закон Богочеловеческой жизни в Церкви.

Предвечный Совет Троичного Божества о человеческом роде

Для чего Господь поставил святых служителей? Для дела служения, *для созидания Тела Христова* — **εἰς οἰκοδομὴν τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ** (Еф. 4, 12). В чем за-

ключается дело служения? В созидании Тела Христова, Церкви. В этом святом деле Господь вождями и руководителями поставил исключительно святых людей. А христиане? Все христиане призваны освятить себя с помощью благодатных сил, подаваемых им через Святые Таинства и святые добродетели.

Как осуществляется *созидание Тела Христова*? Умножением численности членов Церкви: каждый христианин Святым Крещением встраивается в Тело Христово, в Церковь, делается ее сопричастником (см.: Еф. **3**, 6), и так происходит увеличение, рост, созидание Церкви. Богодухновенный апостол говорит, что христиане суть *живые камни*, из которых устрояется духовный дом — Церковь (1 Пет. **2**, 5). Но есть еще и другой путь созидания Тела Христова: он заключается в духовном преуспеянии, совершенствовании, во внутреннем устроении членов Церкви как сопричастников Тела Церкви. Над таким созиданием Тела Церкви трудится каждый ее член, проходя какой-либо евангельский подвиг. Ведь каждый подвиг врастает, вживляется в Церковь — и так получает приращение, возрастает ее Тело. Растет оно нашей молитвой, нашей верой, нашей любовью, нашим смирением, нашей кротостью, нашим милосердием, нашей молитвенностью,— всем евангельским, всем, что́ помогает нам в подвиге святых добродетелей, что́ направляет нас ко Христу, что́ преисполняет нас любовью к Нему, что́ созидает в нас внутреннее Христо-образие. Церковью духовно созидаемся мы, а тем самым возрастает и она. Поэтому *все да будет к созиданию* — **πάντα πρὸς οἰκοδομὴν γινέσθω** (ср.: 1 Кор. **14**, 26), к возведению Церкви Христовой, ибо все мы призваны устрояться в жилище Божие Духом (см.: Еф. **2**, 22). Кто такие христиане? *Вы... Божие строение* — **Θεοῦ οἰκοδομή** (1 Кор. **3**, 9). Каждым благодатным дарованием, каждым благим делом, каждым подвигом хрис-

тианин *созидает* – **οἰκοδομεῖ** – *Церковь* (ср.: 1 Кор. **12**, 26; **14**, 4–5). Все мы Церковью возрастаем к небу; каждый из нас растет всеми, и все – каждым. Поэтому ко всем и к каждому относится следующее благовестие и заповедь: *да растет* (в синод. переводе *получает приращение.– Пер.*) *тело (Церкви) для созидания самого себя в любви* – **εἰς οἰκοδομὴν ἑαυτοῦ ἐν ἀγάπῃ** (ср.: Еф. **4**, 16). А созидательная, зиждущая сила – это Святые Таинства и святые добродетели, а прежде всего – любовь: любовь **οἰκοδομεῖ** = созидает, устрояет, назидает (см.: 1 Кор. **8**, 1).

Какова цель созидания Тела Христова и нашего духовного в нем возрастания? Дабы мы *все пришли* (достигли): 1) *в единство веры и познания Сына Божия*; 2) *в мужа совершенного*; 3) *в меру полного возраста Христова**.

* Еф. **4**, 13.– *Ред.*

Возрастание «в мужа совершенного»

1. К единству веры и познания Христа можно прийти только в единении *со всеми святыми* (Еф. **3**, 18), только через соборное жительство *со всеми святыми*, под верховным руководством святых апостолов, пророков, евангелистов, пастырей, отцов, учителей. А ими свято руководит и наставляет их Дух Святой, от Пятидесятницы и далее, через все века, вплоть до Страшного Суда. Дух Святой и есть Тот *один дух* в теле Церкви (Еф. **4**, 4). В Нем и от Него — и *единство веры и познания Сына Божия*, Господа нашего Иисуса Христа. Вся истина апостольской, православной веры во Христа и познания Христа обитает в Духе Истины, Который и вводит нас в эту истину, одну и единственную (см.: Ин. **14**, 26; **15**, 26; **16**, 13). Наше внутреннее чувствование Христа Он соединяет с соборным сердцем Церкви и наше познание Христа — с соборным познанием Церкви. Тело Церкви одно и имеет *одно сердце* и *одну душу* (ср.: Деян. **4**, 32). В это единое сердце, соборное сердце Церкви, и в эту единую душу, соборную душу Церкви, мы входим и соединяемся с ними под благодатным действием Святого Духа, смиряя свой ум перед соборным умом Церкви и свой дух — перед Святым Духом Церкви. И, таким образом, мы взращиваем в себе непреходящее чувство и сознание того, что у нас одна и та же

вера в Господа Иисуса Христа со всеми святыми апостолами, пророками, отцами и праведниками; одна вера и одно познание о Господе.

Вера и знание

Вера в Господа Иисуса Христа и знание о Нем образуют существенное, нераздельное единство. В Церкви эти двое суть одно. И вместе, как единое целое, они подаются Духом Святым за смиренные подвиги, прежде всего — за смиренномудрие. «Единство веры — это не различаться в догматах. Равно как и единство познания Сына Божия означает — не различаться в понятии о Нем»[9]. «Единство веры — это когда у всех нас будет одна вера. Ибо это и есть единство веры, когда все мы — одно (**ὅταν πάντες ἓν ὦμεν**), когда все мы одинаково понимаем это единение. Однако, чтобы достигнуть сего, тебе предлежит труд, если получил ты дар назидать (**οἰκοδομῆς**) других. Когда же все мы одинаково веруем — то это и есть единство веры»[10]. «Единство веры означает, что все мы содержим одну веру, не различаемся в догматах и не имеем между собой разделений в жизни. Истинное единство веры и познания Сына Божия — это когда мы православно исповедуем догматы (букв.— “православствуем в догматах, **ἐν τοῖς δόγμασιν ὀρθοδόξωμεν**”.— *Пер.*) и жительствуем в любви. Ибо Христос есть любовь»[11].

2. Достигнуть в *мужа совершенного*. Но что это такое — *совершенный муж*, совершенный человек? Пока Богочеловек Иисус Христос не явился на земле, люди не знали ни что такое совершенный человек, ни кто может им быть. Человеческий дух был не в состоянии ни сконструировать образ совершенного человека, ни даже представить его себе как некий идеал, а

Что такое «муж совершенный»

тем более — как реальность. Отсюда столько блужданий в поисках идеального человека даже у таких выдающихся мыслителей рода человеческого, как, например: Сократ, Платон, Будда, Конфуций, Лао Цзы и другие дохристианские, внехристианские и нехристианские искатели идеального, совершенного человека. И лишь после явления Богочеловека в человеческом мире люди узнали, что такое совершенный человек, ибо узрели Его в живой действительности, в своей среде. Для человеческого сознания нет больше сомнений: Иисус Христос — вот совершенный человек. Если взять истину, то она — вся в Нем, причем настолько вся в Нем, что вне Его и нет истины, ибо Сам Он — Истина; если рассмотреть правду — она также вся в Нем, и опять-таки настолько, что вне Его и нет правды, ибо Сам Он — Правда. И все самое лучшее, самое возвышенное, самое совершенное, Божественное — все это обрело в Нем свое воплощение. Нет такого блага, которое бы человек при желании не смог в Нем найти. Равно как нет и греха, который бы христоборец, имея в своем умопредставлении, мог в Нем отыскать. Он весь без греха и весь исполнен всеми совершенствами. Следовательно, Он — совершенный, идеальный человек. А если не так, то укажите на кого-то еще, кто хоть отчасти был бы Ему подобен. Но разумеется, такого человека никто показать не может, потому что в истории человеческого рода его просто не существует.

Вопрос заключается в том, как можно достигнуть в *мужа совершенного*? Но уникальность Единственного как раз и состоит в том, что Он всем предоставил возможность уникальным способом не только соприкоснуться с «совершенным человеком», но и соделаться Его сопричастниками, общниками Его тела: *от плоти Его и костей Его* (Еф. 5, 30). Как? Только вместе *со всеми святыми*, через святые евангельские добродетели, через святую

соборную жизнь Церкви. Ведь Церковь есть не что иное, как *муж совершенный* на всем своем пути через все века и вплоть до конечного исполнения Божия совета о мироздании. Так и малейшим среди нас, и самым презренным, и убогим дана возможность вместе *со всеми святыми* в подвиге евангельских добродетелей достигнуть в *мужа совершенного*. Ибо сказано: *доколе все достигнем в мужа совершенного*. Значит, всё это подается не гордому одиночке, а смиренному сопричастнику Церкви, и причем благодаря общению *со всеми святыми*. Жительствуя *со всеми святыми* в Богочеловеческом теле *совершенного мужа* — Христа, каждый христианин, по мере своих подвигов, и сам вступает в это совершенство, и сам становится совершенным человеком. Таким образом, в Церкви для каждого доступен и осуществим Божественный идеал: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* — Бог (Мф. 5, 48). Святой апостол особенно подчеркивает, что цель Церкви — это *представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе* (Кол. 1, 28). Богочеловек Самого Себя, «совершенного мужа», по Своему безграничному и непостижимому человеколюбию преобразил в Церковь, чтобы всех тех, кто станет ее членом, соделать людьми совершенными. Все Богочеловеческое домостроительство спасения имеет одну цель: *да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 3, 17).

Цель Богочеловеческого домостроительства спасения

3. Достигнуть *в меру полного возраста Христова* — εἰς μέτρον ἡλικίας τοῦ πληρώματος τοῦ Χριστοῦ (= «в меру роста полноты Христовой»). Что это означает? Что составляет Христову высоту и полноту? Чем Он исполнен? Божественными совершенствами. *Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно* (Кол. 2, 9) — в границах челове-

ческого тела. Этим Спаситель и показывает, что человеческое тело способно вместить в себя полноту Божества, и в этом, действительно, заключается цель человеческого бытия. Поэтому *достигнуть в меру полного возраста Христова* — значит: возрасти и врастить себя во все Его Божественные совершенства; духовно, при содействии благодати, сочетаться, сопрячь и срастворить себя с ними и в них жительствовать. Или же: Христа, обитающую в Нем полноту Божества, опытно переживать как свою жизнь, как свою душу, как свою все-ценность, как свою вечность, как свою всеконечную цель и как свой высший смысл. Осознавать и ощущать Его как единого истинного Бога и как единого истинного Человека, в котором всё человеческое достигло вершины своего [человеческого] преуспеяния. Воспринимать Его как совершенную Божественную Истину, как совершенную Божественную Правду, как совершенную Божественную Любовь, как совершенную Божественную Премудрость, как совершенную Божественную Жизнь — как Жизнь вечную. Одним словом, это значит — опытно восприять и усвоить Его как Богочеловека, как источный смысл всех богозданных миров (см.: Кол. 1, 16–17; Евр. 2, 10).

Как это возможно? Это возможно опять лишь в единении *со всеми святыми*. Ибо сказано: *доколе достигнем все в меру полного возраста Христова*,— не только я и ты, не только мы, но и все, и причем лишь под водительством святых апостолов, пророков, евангелистов, пастырей, отцов и учителей. Только святые знают путь, имеют все святые средства и подают их всем жаждущим Бога, дабы и те возросли *в меру полного возраста Христова*. А высота Христова и глубина Христова, что это такое, если не Его Богочеловеческое Тело — Церковь? И поэтому достигнуть *в меру роста полноты Христовой* есть не что иное, как соделаться истинным членом Церкви, ибо Цер-

ковь и есть *полнота Христова, полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23). Ты член Церкви? Это значит, что ты постоянно — *со всеми святыми*, а через их посредство — с чудоносным и чудотворящим Господом Иисусом Христом. А с Ним ты весь бесконечен,

В Церкви всё соборно

весь свят, весь вечен, весь любовь, весь истина, весь правда, весь молитва. Все твое имеет одно сердце и в одну душу *со всеми святыми*; соборен у тебя ум, соборно сердце, соборна душа, соборна истина, соборна жизнь. Все соборно Духом Святым, весь соборен и ты; ты не свой, ты во всех и через всех; и все в тебе и через тебя. Нет у тебя ничего собственного, ибо, на самом деле, твое это — только через *всех святых*; и ты не свой, а Христов, и лишь через Него свой для самого себя, и причем свой только *со всеми святыми*. Они с неизреченной радостью и делают тебя Христовым, и исполняют Христовой полнотой, а от Христа, для Христа и во Христе — всё (см.: Кол. 1, 16–17). Итак, Церковью и лишь в Церкви люди достигают цели и смысла человеческого бытия на небе и на земле.

Преуспевая возрастом Христовым *в мужа совершенного*, человек постепенно выходит из духовного детства и духовной немощи, набирает силы, созревает душой, умом и сердцем. Живя Христом, он весь вживается во Христа, в Христову истину, сродняется с нею — и она становится вечной истиной его ума, его сердца и его души. О таком человеке можно с уверенностью сказать: он знает истину, потому что имеет истину. Эта живая Божественная Истина обитает в нем, служа ему не-

Непогрешимый критерий истины и лжи

погрешимым мерилом для различения добра и зла, истины и лжи в человеческом мире. Поэтому никакая че-

ловеческая лженаука не может его ни увлечь, ни соблазнить. Он сразу ощутит, какого духа то или иное предлагаемое ему человеческое учение. Ибо знает он и человека, и то, чтó в человеке, и какие теории тот может строить и предлагать. Любая человеческая наука, не приводящая к Божественной Истине, разве не соткана из лжи? Какое человеческое учение определяет истинный смысл жизни и объясняет тайну смерти? Никакое. Потому-то оно и есть не более чем ложь и обман как в том, о чем говорит, так и в том, что предлагает в качестве решения вопроса жизни и смерти. Равно как и нет такой человеческой науки, которая объяснила бы нам проблемы человека и мира, души и совести и раскрыла бы тайну добра и зла, Бога и диавола. А если всего этого они нам не говорят, то не уводят ли от истины, не прельщают ли своими внешне блестящими формами и не завлекают ли в тупики вредных умствований и губительных разделений? В среде людей лишь Богочеловек, Иисус Христос разрешил все главные вопросы мироздания и бытия, от решения которых зависит судьба человеческого существа на небе и на земле. Имеющий Христа имеет всё потребное для существования не только в этой временной, но и в бесконечной, вечной жизни. Человека, живущего во Христе, никакой вихрь человеческих умопостроений не может даже пошатнуть, а тем более увлечь и отторгнуть от Христа. Без веры во Христа, без утверждения в Христовой истине любой человек есть и в самом деле не более чем трость, колеблемая и уносимая любым ветром ложных человеческих учений (см.: Еф. **4**, 14).

Поэтому богомудрый апостол советует и заповедует христианам: *Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца* (Евр. **13**, 9). Чаще невольно, чем намеренно, люди очаровываются разного рода лжеучениями. И тем самым прельща-

ют себя грехом, который через навык становится их мыслящей силой и настолько входит в естество человека, что люди уже не могут ни ощущать, ни видеть, как этот грех влечет их за собой, как понукает ими в их рассуждениях и теоретических выкладках и как через грех властвует над ними сам изобретатель греха и «главная логика» греха, то есть диавол. Ведь своими бесчисленными и очень изощренными методами соблазна он вводит в человеческие науки свои обольстительные идеи, удаляющие людей от истинного Бога. Более того, в эти самые «человеческие науки» он, используя логику греха, во всей полноте вносит все свое лукавство, тем самым искусно совращая и обманывая людей, так что они, погрязая в самопрельщении, отрицают Бога, не хотят [знать] Бога, не видят Бога, отворачиваются от Бога и пытаются оградить себя от Него.

Грех — интеллектуальная сила

Грех — это, в действительности, душевно-психическая, разумная, интеллектуальная сила, подобно прозрачной жидкости, разлитая по сознанию и совести человека, по уму, по душе, по рассудку. Она действует через сознание и совесть как [якобы] составная, образующая их сила, и потому все соблазны и прельстительные мечты, вторгающиеся в сознание и совесть, люди всецело принимают за свои собственные, человеческие, естественные, ибо им невозможно — поскольку они пребывают в состоянии самообмана и интеллектуальной прелести — ощутить и усмотреть, что всё это — диавольская хитрость, диавольское вселукавство (πανουργίαν), которым диавол низвергает человеческий ум, сознание и совесть во всякую смерть и во всякую тьму, из которой они не могут лицезреть ни Бога, ни вообще всего того, чтó Божие — и оттого нередко и отрицают Его, и отвергают, и поносят. По плодам таких наук можно ясно

заключить, что они и вправду суть *учения бесовские*, **διδασκαλίαι δαιμονίων** (ср.: 1 Тим. **4**, 1). Этой «разумной жидкостью» демонического лукавства пропитаны, вольно или невольно, все философии «по человеку», *по преданию человеческому* (Кол. **2**, 8); оттого-то их адепты и не ведают Божественной истины о мире и человеке, о добре и зле, о Боге и диаволе, в то же время отравляя и одурманивая себя изощренными бесовскими лжеумствованиями, тогда как в философии *по Христу* — по Богочеловеку — заключена вся без остатка истина неба и земли (Кол. **2**, 9). Философии «по человеку» *ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных* (Рим. **16**, 18). Несомненно то, что все философские системы, известные человеку, можно в конечном счете подразделить на философии «по человеку» и философию «по Богочеловеку». В первых главный гносеологический и деятельный фактор — диавол, а во второй — Богочеловек, Иисус Христос. Основной принцип философии по Богочеловеку: «Богочеловек есть мера всех существ и вещей». Основной же принцип «гуманистической», или, лучше сказать, хоминистической (от homo — «человек») философии «по человеку» — это: «Человек — мера всех существ и вещей».

Философия «по человеку»

Философия по Богочеловеку

В философии по Богочеловеку Иисусу Христу пребывает вся Истина, вечная Божественная Истина, ибо во Христе *вся полнота Божества телесно** присутствует и в этом мире, а через эту полноту обитает в нем и сама вечная Истина, и причем — телесно, в Богочеловеке Иисусе Христе, Который есть одновременно и совершен-

* Кол. **2**, 9.— *Ред.*

ный Бог, и совершенный Человек, во всех Своих свойствах истинный Бог и во всех Своих свойствах подлинный Человек. В философиях же «по человеку», прямо или косвенно, наличествует ложь, каждым своим нервом связанная с отцом лжи и всегда уводящая к нему. Посему надо денно и нощно бодрственно стоять на страже, на высочайшем наблюдательном пункте человеческого существа — в совести, чтобы эта ложь не проникла ни в тебя, ни в меня и не повергла нас — нашу мысль и наш ум — в царство лжи, в ад. Поэтому в Священном Писании дана заповедь: *по уму будьте совершеннолетни* (1 Кор. **14**, 20). И вы, действительно, достигнете совершеннолетия ума, если возрастете *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова*, ибо тогда ваш ум благодатно и священно сопряжется с умом Христовым, с соборным, святым и Богочеловеческим умом Церкви, и вы вместе со святым Христо-носцем сможете возгласить: *мы имеем ум Христов* (1 Кор. **2**, 16). И тогда никакой ветер человеческих лжеучений не сможет нас — по хитрости и наущению диавольскому — поколебать и ввести в заблуждение, но всем своим существом мы пребудем в Вечной Истине, Которая есть Сам Господь Иисус Христос — Богочеловек (см.: Ин. **1**, 17; **8**, 32, 36; **14**, 6).

Истина?

Если бы истина была чем-то другим, а не Богочеловеком Христом, то она оказалась бы относительной, не довлеющей себе, тленной, смертной. Иными словами, она и в самом деле была бы именно такой, если бы под ней подразумевали или понятие, или идею, или теорию, или схему, или разум, или науку, или философию, или культуру, или человека, или всё человечество, или мир, или всю вселенную, или кого бы то и что бы то ни было, или же всё это в совокупности. Но Истина — это Лицо, Личность; это Личность Богочеловека, Иисуса Христа, поэтому она и совершенна, и нетленна, и вечна. Ведь в Господе Иисусе Христе Истина и Жизнь единосущны между собой: Вечная Истина и Вечная Жизнь (см.: Ин. 1, 4, 17; 14, 6). Верующий в Господа Иисуса Христа всем своим существом, всем умом, всем сердцем, всей душой постоянно возрастает Его Истиной во все ее Божественные бесконечности. При этом он не перестает жить Христовой Истиной, потому что она составляет самую жизнь во Христе. Во Христе живут *истинною любовью* (букв. «истинствуя», ἀληθεύοντες — Еф. 4, 15.— *Пер.*), ибо жизнь во Христе — это «истинствование», постоянное всем своим существом пребывание в Христовой Истине, в Истине вечной. Такое «истинствование» хрис-

Истина — это Лицо Богочеловека, Господа Иисуса Христа

тианина рождается из его любви ко Господу Иисусу Христу; в ней он возрастает в преуспеянии, непрерывно и вечно восходя к совершенству, ибо *любовь никогда не перестает* (1 Кор. **13**, 8). Любовь ко Господу Иисусу Христу поощряет человека жительствовать в Его Истине и постоянно соблюдает его в ней. Она и дает христианину возможность постоянно расти во Христе, так что он простирается во все Его Богочеловеческие высоты, широты и глубины (см.: Еф. **3**, 17–19). Впрочем, никогда не растет в одиночку, но всегда *со всеми святыми*, то есть в Церкви и с Церковью, ибо иначе и нельзя возрастать *в Того, Который есть глава* Тела Церкви, Христос (Еф. **4**, 15). И когда мы «истинствуем», то «истинствуем» вместе *со всеми святыми*, и когда пребываем в любви — то также пребываем в ней *со всеми святыми*, ибо в Церкви всё соборно, всё совершается *со всеми святыми*, потому что все составляют единое духовное тело, в котором все соборно живут одной жизнью, одним духом, одной истиной. Только *истинной любовью* (Еф. **4**, 15) со всеми святыми мы можем *все возращать в Того, Который есть глава Христос*. Неизмеримые силы, необходимые для возрастания всех христиан в Богочеловеческом Теле Церкви, Церковь непосредственно приемлет от своей Главы, от Господа Иисуса Христа, ибо только Он, Бог и Господь*, обладает этими бесконечными силами и всемудро ими распоряжается.

В Церкви всё соборно

В Церкви, в Богочеловеке Христе, вся Истина воплотилась, вочеловечилась, соделалась человеком. Истина = человек,— вот Кто Такой Христос, вот что Он с Собой приносит. Если же вся истина

Богочеловек: Истина

* Ср.: Ин. **20**, 28.— *Ред.*

могла воплотиться и действительно воплотилась в человеке, то, значит, человек сотворен быть телом Истины (плотью Истины), воплощением Истины. Главное благовестие Богочеловека заключается в следующем: быть человеком — это не что иное, как быть воплощением Истины, воплощением Бога. Для этого Бог и соделался человеком, и навсегда остался Богочеловеком. Поэтому жизнь во Христе = жизнь в Церкви — это и есть жизнь во всецелой Истине.

Господь Иисус Христос — весь в Церкви: всем Своим Логосным и Богочеловеческим существом, всей Своей Истиной, всей Своей Жизнью, всей Своей Правдой, всей Своей Любовью, всей Своей Вечностью, словом — всей полнотой Своего Божества и всей полнотой Своего Человечества. Лишь от Него, Богочеловека, мы, люди на земле, а также и Ангелы на небе, знаем, что Он — Истина. Всеистинно благовестие: *истина произошла чрез Иисуса Христа* (ср.: Ин. 1, 17). Значит, Истина — это Богочеловек, Господь Иисус Христос, Истина — это Вторая Ипостась Святой Троицы, Истина — это Лицо, Личность Богочеловека Иисуса Христа. В нашем земном мире Истина есть не что иное, как всецелая Личность Богочеловека Христа. Она — не понятие, не мысль, не логическое построение, не интеллектуальная сила, не человек, не Ангел, не человечество в целом, не что-либо человеческое в частности, не нечто сотворенное и не все видимые и невидимые миры, но она несравненно и безмерно выше всего этого: Истина, Вечная и Всесовершенная Истина в нашем земном мире, а через него и во всех иных видимых и невидимых мирах,— это Второе Лицо Пресвятой Троицы, это Сама историческая Личность Богочеловека, Господа Иисуса Христа. Поэтому Господь Иисус Христос и благовествует о Себе человеческому роду: *Я есмь... Истина* (ср.: Ин. 14, 6; см. также: Еф. 4, 24, 21). А так как Он — Истина,

то Истина и Его Тело — Церковь, для которой Он — Глава. Отсюда — удивительное и радостное благовестие апостола: *Церковь Бога живаго есть столп и утверждение истины* (ср.: 1 Тим. 3, 15). Посему ни Церковь, ни ее Истину не могут ни разрушить, ни истребить, ни обессилить, ни убить никакие противники, откуда бы они ни явились: с земли или из ада. Богочеловеком Иисусом Христом Церковь всесовершенна, всемогуща, всебожественна, всепобедна, бессмертна. Обладая такими качествами, она и освобождает — дарованной ей от Господа силой — каждое человеческое существо от греха, смерти и диавола, от этой триединой лжи; и ею же даруется каждому человеку в отдельности и всем людям вместе вечная жизнь и бессмертие. Совершает же она это, освящая человеческие существа, сопричащая их Богочеловеку Христу с помощью Святых Таинств и святых добродетелей. Отсюда и всеспасительное благовестие из Божественных уст Спасителя: *и познáете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8, 32) от греха, смерти и диавола, и исполнит вас собою, и дарует вам все небесные блаженства. Поэтому весьма справедливо устами одного из отцов Церкви изречено следующее: «Истина — это содержание Церкви. И все совершаемое в ней — истинно и спасительно»[12].

По всем вышеуказанным причинам воплощенный Бог, Бог во плоти, Богочеловек, Господь Иисус Христос — это Истина всех новозаветных истин; с Ним стоит или падает вся Церковь, все Богочеловеческое домостроительство спасения. Это душа всех церковных деяний, подвигов, добродетелей и вообще всех новозаветных событий; это благовестие всех благовестий, а точнее — все-благовестие. Более того, оно есть мера всех прочих вещей. Им как самым надежным критерием измеряется всё и вся в Цер-

Мера всех вещей

кви, в христианстве. Вот верховный закон этой истины: кто не признаёт воплощенного Бога, Богочеловека Иисуса Христа, тот не член Церкви, тот не христианин. Более того, он — антихрист.

Об этом непогрешимом мериле благовествует и возлюбленный Христом святой боговидец и тайновидец Иоанн Богослов: ***Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире*** (1 Ин. **4**, 1–3; ср.: **2**, 22; 1 Кор. **12**, 3).

Вообще говоря, все духи, населяющие наш земной мир или привходящие в него, делятся на два вида: на тех, которые от Бога, и на тех, которые от диавола. От Бога — те, которые признают и исповедуют, что Иисус Христос есть воплощенный Бог Слово, Господь и Спаситель; а от диавола — те, которые этого не признают. В этом заключается вся диавольская философия: не признавать Бога в мире, отрицать Его присутствие и спасительное влияние на мир, отвергать Его воплощение, вочеловечение в мире; во всеуслышание твердить, что нет Бога ни в мире, ни в человеке, ни в Богочеловеке и что бессмысленна вера в то, что Бог воспринял человеческое естество и что Божество может обитать в человеке; утверждать, что человек — весь без Бога, что он — такое существо, в котором нет ни Бога, ни чего-либо Божиего: ничего Божественного, бессмертного, вечного; что человек всецело тленен и смертен, что по всем признакам он принадлежит к миру животному и почти ничем

Философия антихриста

от животных не отличается, поэтому для него, дескать, и естественно жить, подобно бессловесным тварям, которые будто бы и являются его единственными законными предками и прародителями, а также и природными собратьями.

Такова в своей сути философия антихриста, любой ценой стремящегося заменить Христа и занять Его место в мире и в человеке. Несметное множество предтеч, исповедников и почитателей антихриста появлялось в человеческом роде с течением веков. *Всякий дух* — а этим духом может быть или личность, или учение, или идея, или мысль, или человек, или ангел, или сам диавол. Любое же учение, любая личность, любая идея, любая мысль, любой человек — если они не признают, что Иисус Христос есть Бог и Спаситель, воплощенный Бог и Богочеловек,— ведут свое происхождение от антихриста и принадлежат ему. Впрочем, такие личности, и учения, и идеи имели место в мире начиная с самого явления Господа Иисуса Христа. Поэтому святой тайновидец и говорит об антихристе, что он *и теперь есть уже в мире.* Любой человек, любая идея в мире, отрицающая Богочеловека Христа и Его Церковь, происходит от антихриста. Прямо или косвенно, антихрист есть «творец» любой теории и идеологии, ополчающихся на Христа. По существу, все учения можно разделить на два вида: на те, которые от Христа, и на те, которые от антихриста. Собственно говоря, человек пребывает в этом мире именно для того, чтобы разрешить одну-единственную проблему: идти ли ему за Христом или против Него. И каждый человек, хочет ли он того или нет, только и делает, что решает этот вопрос, заключающий в себе все прочие недоумения. Ведь каждый из нас — либо христолюбец, либо христоборец, то есть каждый чтит либо Христа, либо диавола, третьего не дано.

Евангелие Богочеловека определяет главную задачу и цель нашей человеческой жизни следующим образом:

в нас *должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе* (Флп. 2, 5), мы должны *о горнем помышлять*, о воскресшем и вознесшемся Богочеловеке, Господе Иисусе Христе (ср.: Кол. 3, 1–4). А что это такое? Всё, что́ Он как Вечная Истина есть и что содержит в Себе как Бог Слово: все Божественные свойства, особенности и совершенства. А также и все то, что Он имеет и содержит в Себе как воплощенный человек, как Богочеловек, Господь Иисус Христос: все Его человеческие качества, мысли, чувства, подвиги, переживания, дела,— вся Его жизнь от Рождества до Вознесения, и от Вознесения вплоть до Страшного Суда, и от Страшного Суда на всю Божественную вечность. Помышлять об этом — наша первейшая христианская обязанность, обязанность денно-нощная... Другими словами, если человек размышляет об истине или заблуждении, о жизни или смерти, о добре или зле, о правде или неправде, о рае или аде, о Боге или о диаволе,— если обо всем этом он мыслит не *во Христе Иисусе*, иначе говоря, если умозрения человека обо всем этом не переходят в мысли о Христе, то они непременно выльются в бессмысленные и самоубийственные истязания. Точно так же если и об обществе, о личности, о семье, о нации, о человечестве вообще — человек не мыслит *во Христе* и Христом, то ему никогда не удастся ни обрести их истинного смысла, ни правильно решить хотя бы одну связанную с ними проблему.

Христианский «категорический императив»

Мыслить обо всем *во Христе* или Христом — вот главные заповеди для каждого христианина, вот наш христианский категорический императив, вот наша христианская гносеология. Но Христом можно мыслить лишь тогда, когда имеешь *ум Христов*. Святой апостол говорит: *мы имеем ум Христов*

(1 Кор. 2, 16). Как они его приобрели? Жительствуя в Богочеловеческом Теле Церкви, которому Он — Глава, ибо жизнь в Церкви с благодатной помощью Святых Таинств и святых добродетелей сплачивает все наше бытие с бытием Церкви, сопрягает и наш ум с Богочеловеческим умом Церкви и научает нас умствовать по Христу и иметь *те же чувствования, какие и во Христе Иисусе**. Мысля же умом Христовым, соборным разумом Церкви, христиане могут иметь *одни мысли*, одни чувства, *одну любовь*, быть одной душой и одним сердцем — то есть *единодушными и единомысленными* (ср.: Флп. **2**, 2; см. также: **3**, 16; **4**, 2; Рим. **15**, 5; **1** Кор. **1**, **10**). Бог и Господь Иисус Христос снизошел с наднебесных Божественных высот и даже Сам соделался человеком, чтобы люди могли возыметь *те же чувствования, какие и во Христе Иисусе*, и жить *достойно Бога* (Флп. **2**, 6; ср.: **1**, 27). Святые отцы говорят, что Бог стал человеком, чтобы человека сделать богом; или: Бог вочеловечился, чтобы человек обóжился. Вот в чем вся истина Церкви, истина Богочеловеческая, истина небоземная, бессмертная и вечная.

Церковь — самый сложный организм

Во всех отношениях организм Церкви — это самый сложный организм, о котором только ведает дух человеческий. Почему? Потому что это единственный организм Бого-человеческий, в котором все Божественные и человеческие тайны, все Божественные и человеческие силы составляют одно Тело. Лишь всемудрый и всемогущий Богочеловек, Господь Иисус Христос, мог все это соединить и сочетать в одно Тело, в Свое собственное Тело, вечной Главой которого Он является. Всей жизнью в этом чудоносном и чудотворном Теле руководит и предводительствует Он, чудоносный и

* Флп. 2, 6.— *Ред.*

чудотворящий Бог и человек. Малейшая частичка этого Тела живет всем Телом, и все Тело живет малейшей частичкой. Все живут каждым и в каждом, и каждый живет всеми и во всех. Каждая клеточка растет с общим возрастанием всего Тела, и все Тело приумножается с ростом каждой клеточки. Все эти многочисленные частички Тела, все эти óрганы, все эти телесные члены, все эти чувственные составы, все эти его малейшие ячейки сплачивает в одно вечноживущее Богочеловеческое Тело Сам Господь Иисус Христос, сообразуя действие каждой частицы со всей соборной жизнью Тела. Но и каждая частица трудится *по мере* своих сил. Силу же каждого члена Церкви составляют евангельские добродетели. Евангельские подвиги каждого члена Церкви, хотя они и личные, частные подвиги того или иного христианина,— всегда соборны, совместны, общи. Ибо все они вливаются во всеобщее подвижничество всего Тела. И по мере того как человек своими евангельскими подвигами преображает себя, возрастая во Христе, Господь Иисус Христос все эти его подвиги включает во всеобщую, соборную, Богочеловеческую силу (энергию) — и так Тело *получает приращение для созидания самого себя в любви* (Еф. 4, 16). Следовательно, деятельность каждого члена Церкви всегда индивидуально-соборна, индивидуально-всеобща. И когда кажется, что кто-то трудится лишь для себя (взять, например, подвиг отшельничества), на самом деле, будучи членом Церкви, он всегда трудится ради нее, для ее всецелого Тела. Таково устройство Богочеловеческого организма Церкви, присно руководимой и путеводствуемой Самим Господом Иисусом Христом.

В соборной жизни Церкви переплетены бытие Ангелов и людей, кающихся и грешников, праведных и неправедных, усопших и живых, причем более праведные помогают менее праведным, чтобы и те возрастали в пра-

ведности и святости возрастом Божиим. По всем членам Церкви струятся Богочеловеческие святые Христовы силы, не исключая самых малых и незначительных, по мере их благодатного прививания к организму Церкви — с помощью спасительных подвигов веры, любви, молитвы, поста, покаяния и остальных святых добродетелей. Таким образом, все мы сообща возрастаем в *святый храм в Господе* (Еф. 2, 21), благодатно и органически связанные между собой одной верой, одними Святыми Таинствами и святыми добродетелями, одним Господом, одной Истиной, одним Евангелием. И все участвуем в единой Богочеловеческой жизни Церкви, каждый в этом Теле на своем месте, которое Господь, Глава Церкви, ему определил, ибо Тело Церкви растет из Него и Им, *составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей* (Еф. 4, 16). При этом каждому Господь назначает место, согласующееся с его духовными качествами и христианскими свойствами, а особенно же — с его святой евангельской любовью, которую каждый добровольно в себе возгревает и при содействии которой проходит все другие подвиги. В этой соборной жизни Церкви каждый созидает себя с помощью всех, и причем — в любви, и все — с помощью каждого, поэтому даже апостолу необходимы молитвы самых незначительных членов Церкви.

В Церкви всё соборно

Члены Церкви, вступившие в благодатно-добродетельное единство с Богочеловеком, живут тем, что́ Его, и имеют то, что́ Его, и познают Его познанием, ибо мыслят соборным умом Церкви, чувствуют соборным сердцем Церкви, желают соборной волей Церкви и живут соборной жизнью Церкви: все им присущее принадлежит, прежде всего, Ему и непременно Ему, а они для себя всегда свои лишь Им и в Нем.

Все верные — одно Тело в Церкви, для чего это так? Для того, чтобы все мы жили одной святой и соборной жизнью Церкви, одной святой и соборной верой Церкви, святой и соборной душой Церкви, святой и соборной совестью Церкви, святым и соборным умом Церкви, святой и соборной волей Церкви. И, таким образом, всё у нас соборно и совместно: и вера, и любовь, и правда, и молитва, и пост, и истина, и печаль, и радость, и боль, и спасение, и обóжение, и со-усвоение Богочеловеку, и бессмертие, и вечность, и блаженство. А через всё это путеводствует нас и наставляет, всем этим управляет и всё это приводит в единство благодать Святого Духа. Мы не свои; мы принадлежим всем в Церкви, а прежде всего — душе Церкви, Святому Духу. Это главное и непрестанное евангельское чувство каждого истинного члена Церкви. Никому в Церкви не принадлежит все, но каждому лишь столько, сколько определил ему Дух Святой, сообразно его месту в Богочеловеческом Теле и по мере его веры.

Отличие каждого христианина — это чувство соборности, чувство личной за всех и вся ответственности. Он знает, что если падает, то увлекает и низвергает с собой и других; если же восстает от падения — то и других поднимает. Его жизнь не принадлежит лишь ему одному, она органически вплетена в жизнь других братьев по вере, так как все мы составляем единое тело Церкви. В Церкви все у нас общее: и Бог, и святыни, и душа, и совесть, и сердце. Молитвенно и благодатно каждый присутствует во всех и все в каждом. Кто знает, сколько каждый из нас — и своей верой, и самой душой, и всем своим спасением — обязан Божиим святым и их молитвам! Ты член — Церкви; значит, ты органически связан со святыми апостолами, мучениками, исповедниками и всеми ангельскими Силами. Любовь святой соборности в Церкви соединяет, Богочеловечески сплачивает между собой ее членов. Так что все

они вместе и каждый из них в отдельности живут соборной жизнью Церкви. Эта святая любовь соборности зависит от их веры во Христа и от жизни во Христе. Посему богомудрый апостол и благовествует христианам: *Посему, как вы приняли Христа Иисуса, Господа, так и ходите в Нем* (Кол. 2, 6). Ничего не изменяйте в Господе Иисусе Христе, ничего к Нему не прилагайте: такой, какой есть, Он и Божественно, и по-человечески всесовершенен. Мы, апостолы, проповедали и передали вам такого Господа Иисуса Христа, Богочеловека; вы Его такого «приняли». *Так и ходите (живите) в Нем.*

Ходите (живите) в Нем — это заповедь всех заповедей, то есть *живите*, не Его приноравливая к себе, а себя к Нему; не Его переиначивая по себе, но себя по Нему; не Его изменяя по себе, но себя по Нему; не Его пересоздавая по своему образу, но себя — по Его образу. Лишь надменные еретики и неразумные враги собственной души пересоздают, переиначивают, изменяют Богочеловека Иисуса Христа по своим понятиям и похотям. Оттого-то в мире столько лжехристов и столько лжехристиан. А истинный Господь Иисус Христос, во всей полноте Своей евангельской, Богочеловеческой историчности и реальности, весь пребывает в Своем Богочеловеческом Теле — в Православной Церкви, как во времена святых апостолов, так и сейчас; и так будет вовек. Его Богочеловеческая жизнь простирается в Богочеловеческом Теле Церкви через все века и через всю вечность. Живя в Церкви, мы живем *в Нем* так, как и заповедует нам богоносный апостол. А в самой полной мере так живут святые. Они блюдут [в себе] Богочеловеческий образ Христа в Его удивительной всеживотворности, всеистинности, в велелепнейшей красоте и непреложности. Вместе с тем эти святые, живущие по образу Христа и шествующие вслед Спасителя, сохраняют — во всем его Богочеловеческом

совершенстве и неизменности — и Богочеловеческое предназначение человеческого существа и человеческой жизни, установленное Господом Иисусом Христом и осуществимое лишь в Его Богочеловеческом Теле — в Церкви. Между тем любое изменение, умаление, упрощение, сокращение, антропоморфизирование христианской цели погубляет христианство, лишает его *соли**, пригвождает к земле, превращает его в обычную, человеческую, человекопоклонническую, нездоровую религию, в гуманистическую чахоточную философию, в гуманизирующую болезнетворную этику, в гуманизирующуюся в собственной тяжелой патологии науку, в гуманизированное чахлое новообразование, в человекообразную общность, чуждую всякого здравомыслия и жизни.

Каждый новый член Церкви знаменует собой приращение в Теле Церкви и возрастание Тела Церкви. Ибо

Личность и общество

каждый *при действии в свою меру*, то есть сообразно своему подвигу, делается органическим членом, сопричастником Тела Церкви, и Сам Господь определяет ему соответствующее место в Теле Церкви, делая его ее живой составной частью. Поистине лишь в Богочеловеческом организме Церкви все трудятся на благо каждого и каждый — на благо всех, все живут для каждого и каждый для всех. И действительно, лишь в Церкви самым совершенным образом решена и проблема личности, и проблема общества; и лишь в Церкви осуществились и совершенная личность, и совершенное общество. Вообще говоря, вне Церкви нет ни настоящего общества, ни настоящей личности.

Святой Дамаскин благовествует: «Христос, наша Глава, вручает нам Самого Себя — **μεταδίδωσιν ἡμῖν ἑαυτόν**,

* Ср.: Мф. 5, 30; Мк. 9, 50; Лк. 14, 34.— *Ред.*

соединяя нас тем самым как с Собой, так и одного с другим; по сей причине есть у нас взаимное согласие, соразмерность, хотя каждый приемлет помощь от Духа Святого настолько, насколько способен вместить»[13].

Глава и Тело Церкви

Господь Иисус Христос — *глава Церкви*, и лишь как Таковой Он — *Спаситель тела* Церкви (Еф. 5, 23). Будучи Главой Церкви, Господь Иисус Христос непрестанно вверяет Телу Церкви все необходимое для его Богочеловеческой жизни и спасения всех его членов от греха, смерти и диавола. Церковь — это всегда Церковь Христова, Церковь тем, что Он — ее Глава, а она — Его Тело. Все в ней зависит от Него: Им она живет, Им стои́т, Им спасается, Им обретает бессмертие, повинуясь Ему во всем и служа Ему всем своим существом. В Церкви Бог — всё и вся для человека. Церковь — самая совершенная организация, ибо она — самый совершенный организм, организм Богочеловеческий. В ней Бог и человек соединены в единую духовно-благодатную Богочеловеческую живую общность: Бог обитает в человеке и человеком и человек обитает в Боге и Богом; человек во всем добровольно повинуется Богу, возводится Богом к совершенству, *растет возрастом Божиим — в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Кол. 2, 19; Еф. 4, 13), не переставая, впрочем, быть и человеком;

Церковь: личность и общество

все совершается и протекает в духе Богочеловеческого единства, Богочеловеческого сожительства, Богочеловеческого со-трудничества, Богочеловеческого равновесия и полноты. Поэтому Церковь — это единственная истинная общность, единственное истинное общество; в ней и отдельная личность возрастает

и совершенствуется всем обществом, и всё общество — отдельной личностью; для такого подвига и личность, и общество получают силы от чудесного Господа Иисуса Христа, Который одновременно и Глава общества как единого целого, и Глава отдельного человека как личности. Поэтому вне Церкви нет ни настоящего общества, ни настоящей личности.

Святость Церкви

От Святого исходит освящение, как от светильника свет. Церковь, объемлющая собой и небо, и землю, могла освящаться только таким Всесвятым и Всеобъемлющим Существом, как Богочеловек, Господь Иисус Христос. *Чтобы освятить ее*, Он *предал Себя за нее*, отдал за нее всего Себя, всего Себя оставил ей и на Себе ее основал (Еф. **5**, 26, 25). Вся жизнь Богочеловека — это не что иное, как спасение мира от греха, смерти и диавола через создание и сохранение Церкви в мире сем. Все бытие Церкви Он исполнил Собой, Своими святыми Божественными силами и, таким образом, всю ее освятил, так что Святыми Таинствами и святыми добродетелями она спасает людей от греха, смерти и диавола, от которых не может избавить никакая сила. Он, собственно, все это осуществил, крестив ее Духом Святым в день Святой Пятидесятницы, дабы и она сама приняла силу к освящению других через крещение Духом Святым и водой (см.: Еф. **5**, 26; ср.: Ин. **3**, 5; Тит. **3**, 5). И лишь этой совершенной и всемогущей Божественной святостью она очищает человеческое существо от всего несвятого, греховного, диавольского. И ныне в ней каждый человек очищается и освящается *банею водною посредством слова* (Еф. **5**, 26; ср.: Ин. **3**, 3; Тит. **3**, 5). Слово Божие освящает воду Духом Святым. Дух Святой незрим, но видима святая вода. Предлагается же и то и дру-

гое, потому что человек — существо двусоставное: видимая плоть и невидимый дух. Если слово Божие освящает мертвую воду, то как тогда не освятит оно живую, богоподобную, бессмертную человеческую душу? *Чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова* (Еф. **5**, 26; ср.: Ин. **3**, 3; Тит. **3**, 5), ибо только святая и всеосвящающая Христова сила, Божиим словом присутствующая в воде крещения, очищает человека от всякого греха, нечистоты, диавола и исполняет его Божественной святостью и Богом, ибо каждый, во Христа крестившийся, во Христа облекается (см.: Гал. **3**, 27). В Церкви всё от Христа и всё во Христе; Он — весь в ней, и она — вся в Нем.

Христос — весь в Церкви, и она — вся в Нем

Так как Христос — весь в Церкви и она — вся в Нем, то она и славна, и свята, и непорочна (см.: Еф. **5**, 27). Дабы сделать ее такой, Он даровал Себя ей, воплотил в ней как в Своем Теле всю Свою Богочеловеческую Личность, всю Свою Богочеловеческую жизнь, весь Свой Богочеловеческий подвиг. В самом своем бытии и в своем самом непосредственном выражении вся Церковь — это Он, Богочеловек Иисус Христос, простершийся через все века и всю вечность. Поэтому она не имеет *пятна, или порока, или чего-либо подобного* (Еф. **5**, 27). И в самом деле — чего ей недостает, за что ее можно укорить? Разве не очищает она от всех грехов, начиная от самых тяжких до самых незначительных? Разве не освобождает от всех смертей и не избавляет от всех бесов? Разве не принимает всякого к ней обращающегося? Разве не спасает каждого от греха, смерти и диавола? Разве есть какой-либо предел ее человеколюбию и силам? И все это совершает в ней Божественная Христова сила, всегда святая и всегда всемогущая (см.: Кол. **1**, 29).

Богочеловеческая Кровь и ее сила

Такою соделал Церковь Господь: Своим Крестом, Своей пролитой на Кресте Богочеловеческой Кровию. Эта Кровь — очищение Церкви и ее спасение. Эта Кровь и есть ее Богочеловеческое сплочение и ее единство с Богом и людьми. Кровь Богочеловека Христа — вечно новая, искупительная, спасительная, всесозидательная и соединяющая сила Церкви. В Лице Богочеловека всесовершенно сочетались Божественное и человеческое естество, Бог и человек, так что в силу этого люди, дотоле удаленные грехом от Бога, Богочеловеческой Кровию стали близкими Богу, стали одно с Богом (см.: Еф. **2**, 13–14), соделались *членами тела Его, от плоти Его и от костей Его* (ср.: Еф. **5**, 30). Богочеловеком, Господом Иисусом Христом, на земле осуществлена немыслимая реальность: мы, люди, мы, грехолюбивые млекопитающие, вступили через Его посредство в кровное родство с Богом, ибо Его Богочеловеческая Кровь — этот источник нашей вечной жизни, нашего Богочеловеческого бессмертия — теснейшим образом соединяет нас с Ним, с единым истинным Богом, в Котором и *жизнь вечная* (ср.: 1 Ин. **5**, 11, 20; 1, 2). Божественная Кровь Господа Иисуса Христа — это Богочеловеческая сила, освящающая, очищающая, преображающая, воцерковляющая, спасающая нас, делающая нас сопричастниками Богочеловека Иисуса Христа — Церкви и вводящая в благодатный удел Святой

Троицы. Посему Новый Завет — это Завет в Крови Богочеловека Христа. И этот Завет евхаристически продолжается в Богочеловеческом Теле Церкви, сочетавая Богочеловеческой Кровию нас, людей, и с Богом, и между собой. Налицо исторический факт: настоящее, истинное, бессмертное единство каждого человека со всеми прочими людьми совершается через Богочеловека: ибо Бог ближе к каждому человеку, нежели каждый человек к самому себе; ближе Он и ко всем людям, нежели они к себе самим. Поэтому без Бога, без Богочеловека, без кровного родства и единения с Ним, для человека невозможен союз ни с самим собой, ни с прочими. А такое кровное сродство и сочетание человека с Богом и такое кровное Богочеловеческое свойство и единение человека с себе подобными людьми совершается лишь в Богочеловеческом Христовом Теле — в Церкви. В ней оно явственно и опытно переживается в Святой Евхаристии, в Святом Причащении Тела и Крови Христовой.

Евхаристия: кровное сроднение с Богом

Кровь Богочеловека соединяет человека с Богом, как на Голгофском кресте, так и в Богочеловеческом Теле Церкви: через животворящую и боготворящую Кровь Святого Таинства Причащения на святой литургии. И еще: так как это Кровь Богочеловека Христа, а Церковь — Его Тело, то эта Кровь и есть та всесоединяющая сила, которая из всех членов Церкви составляет одно тело, одну жизнь, одну душу, одно сердце, одно Богочеловеческое со-общество — **κοινωνία**. *Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение* — **κοινωνία** — *Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. **10**, 16–17). Эти Бого-человеческие слова Христо-носного апостола раскрывают нам самую сущность Церкви, ее евхаристическую тайну и евхаристическую природу. Святая Евхаристия, Святое Причащение соединяет нас не только с Ним, Незаменимым, но и между собой. Приобщаясь Его Святого Тела, мы *многие* делаемся *одно тело*. Сочетаваясь Ему, мы святым единством сплачиваемся и между собой. Это — святое единение людей во Христе, единая Богочеловеческая общность. Единственное истинное и единственное вечное взаимообщение людей. Ведь в

Богочеловеке, Господе Иисусе Христе, мы не только вечно живы, но и вечно одно; и причем это единство сродни телу. Есть ли вообще более тесное единство? И еще: есть ли какое-либо общение прочнее и долговременнее этого, если это тело — вечно? Так обстоит дело в Богочеловеческом Христовом Теле, в Церкви; здесь мы *многие одно тело*. Им, Богочеловеком — мы *многие одно тело*. Выражением же этой Богочеловеческой реальности и является Святая Евхаристия, святая литургия, Святое Причащение. А чудотворящий и всегда исторический Богочеловек Своим воплощением сочетал в Себе, прежде всего, Бога и человека вечным единством. И все это перенес и постоянно — в силу ипостасного единства Бога и человека в Его Лице — переносит и на нас, людей. Ибо Церковь Он основал на Своем Богочеловеческом теле, на непосредственной данности Его Богочеловеческой жизни на земле и Его присутствия в нашем мире. Воплотился Всеблагий, дабы совоплотить нас Себе (см.: Еф. **3**, 6) и тем самым обóжить и все Свое нам даровать. Совершает же Он все это преимущественно через Святое Причащение.

Мы *многие одно тело*, ибо никто из нас не составляет целого тела, но каждый — лишь его часть, дабы мы всегда чувствовали и знали, насколько мы друг от друга зависим: все от каждого и каждый от всех. И насколько мы необходимы один другому; все каждому и каждый всем; и еще: каждый каждому. Наша сила, и крепость, и жизнь, и бессмертие, и блаженство — лишь в этом единстве, которое дарует нам кто? Тело Христово, Тело Божие. Досточудный Господь Иисус Христос — это наша истинная пища и истинное питие (см.: Ин. **6**, 55–56, 48). Он — тот *один хлеб*, которым мы питаемся, *ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. **10**, 17). Он — и сама эта общность, и сила этой святой общности, то есть святой соборности Церкви. Причащаясь Святому Телу и Святой Крови Господа Иисуса

Христа, мы пребываем с Ним в непреложном и вечном общении и составляем всегда и повсюду *одно тело. Так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены* (Рим. **12**, 5; ср.: 1 Кор. **12**, 27).

Эту божественную мудрость святого апостола боголепно продолжает воспевать святой Златоуст: «Наименовав Святое Причащение *приобщением Тела Христова*, апостол хотел выразиться еще точнее и понятнее, потому и добавил: *Ибо один хлеб, а мы многие одно тело*. Да что я говорю: *приобщение*? Мы — самое это тело. Что такое хлеб? Тело Христово. Чем же становятся причастники? Телом Христовым; не многими телами, но одним телом. Как хлеб, составленный из множества зерен, делается одним, так что зерен не видно из-за их смешения, так и мы соединяемся со Христом и между собой»[14].

Об этой Богочеловеческой реальности богомудрый Кавасила благовествует: «Церковь являет себя в Святых Тайнах (Тела и Крови Христовой) причем не как в символах, но как сосредоточенные в сердце члены и как сходящиеся в корне дерева ветви, и, по слову Господню, как ветви на лозе (см.: Ин. **15**, 1–5). Ведь здесь не только общность — κοινωνία — имен или аналогия по подобию, но тождество — ταυτότης. Ибо эти Тайны — Тело и Кровь Христовы — и есть истинная пища и питие Церкви Христовой; и она, причащаясь Ими, не Их претворяет в человеческое тело, как это бывает с человеческой пищей, но сама она (то есть Церковь) претворяется в это Тело и Кровь Христову... И если бы кто мог видеть Церковь Христову по тому, насколько она соединилась с Ним, причащаясь Его Тела, то он не увидел бы ничего другого, как только Господне Тело. По сей причине и пишет Павел: *вы — тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. **12**, 27)»[15]. «Если Христос один,— говорит святой Григорий Богослов,— то и у Церкви одна Глава и одно Тело»[16]. Та-

ким образом, мы Христом и во Христе *одно тело, а порознь — члены* со всеми святыми апостолами, пророками, мучениками, исповедниками и со всеми святыми. А для человеческого существа нет ничего лучшего, ничего более светлого, блаженного, вечного, сладостного и любезного ни в одном из известных нам или умопредставляемых нами миров, нежели это со-общество во Христе *со всеми святыми* (Еф. 3, 18; ср.: 4, 11–16). Радость всех радостей — быть *одним телом*, и причем — *Телом Христовым.*

Если бы все тайны Нового Завета, Завета Богочеловеческого, и все тайны Христовой Церкви, Церкви Богочеловека, можно было свести к одной тайне, то такой тайной было бы Святое Таинство Причащения, Святое Таинство Евхаристии. Оно нам и являет, и преподает Господа Иисуса Христа во всей чудоносной полноте Его Богочеловеческой Личности и Его Богочеловеческого Тела, которое есть Церковь. Ведь Святое Причащение, Святая Евхаристия,— это самое Его Божественное Тело и самая Его Божественная Кровь, это — весь Он со Своей Церковью в неизреченной полноте Своего Божества и Своего Человечества — Своего Богочеловечества. Новый Завет и в самом деле уникально и исключительно нов: это Завет в Божией Крови, Завет в Божией Плоти. И такой Бого-человеческий союз Бога и человека осуществлен досточудным Богочеловеком, Господом Иисусом Христом, и Его Богочеловеческой Церковью.

Святое Причащение — это всегда Тело Всеживого Господа Иисуса Христа: *сие есть Тело Мое*; и мы Им и через Него присно Ему принадлежим, и причем всегда принадлежим Ему вновь. Но принадлежим мы также и сопричастникам этого Святого Тела. И тем самым все мы образуем одну всесвятую Богочеловеческую общность — Церковь. И действительно, в Святой Евхаристии — вся Церковь, все ее Таинства и все ее святыни. В ней — весь

Господь Иисус Христос, в ней — весь Новый Завет, Завет во всеживотворящей Божией Крови: *Новый Завет в Моей Крови* (ср.: 1 Кор. **11**, 25). Через Святое Причащение мы постоянно обновляем свой союз (завет) с Господом Иисусом Христом: и как личности, и как народ Божий (см.: 2 Кор. **6**, 16; Тит. **2**, 14; Евр. **2**, 17; **8**, 8–10) — и непрестанно в нем утверждаемся, так что Он для нас и в самом деле знаменует собой всегда новый союз, Новый Завет в Богочеловеке Христе. Этого никогда не следует забывать, мысленно обновляя этот союз, и постоянно, таким образом, вновь оживлять себя в Церкви Богочеловеческой жизнью. Посему Спаситель и узаконивает эту благодатную заповедь: *сие творите в Мое воспоминание* (Лк. **22**, 19; ср.: 1 Кор. **11**, 24–25).

Это литургическое и евхаристическое воспоминание включает в себя весь Богочеловеческий подвиг спасения мира, совершенный Господом Иисусом Христом. По богодухновенному слову святого Иоанна Дамаскина, «совершение этих Святых Тайн (на литургии) исполняет всё духовное и преестественное домостроительство воплощения Бога Слова». Это свято-евхаристическое воспоминание есть, по сути дела, всецелое преподание нам Самого Господа Иисуса Христа во всей полноте Его Богочеловечества. Ибо ничто новозаветное не преподает нам в такой полноте Господа Иисуса Христа, как Святая Евхаристия и Причащение; они преподают нам Его всего: Вечного, Всеживого и Всеживотворящего; и причем всегда Того же — *вчера и сегодня и во веки* (Евр. **13**, 8). Через Святое Причащение мы переживаем весь совершенный Спасителем Богочеловеческий подвиг спасения как свой собственный; в первую очередь — Его спасительную смерть и Воскресение, ведь они полностью вводят нас в самое сердце и в самую вечность спасения, совершенного Богочеловеком. Поэтому святой апостол благо-

вествует: *Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет* (1 Кор. **11**, 26).

Тело воплощенного Господа Иисуса Христа, воспринятое Им от Пресвятой Богородицы и Духа Святого, и Его Тело в Святой Евхаристии, а также Его Тело как Церковь,— все это в итоге есть одно Тело, единственное и всеспасительное, ибо Господь Иисус Христос *вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. **13**, 8). Об этом по-херувимски проницательно свидетельствует златоустый благовестник: «Причащающиеся Тела и Крови Господа Иисуса Христа — помните: мы причащаемся Тела, Которое ничем не отличается от того Тела, Которое восседает горе́ и Которому поклоняются Ангелы; именно это Тело мы и вкушаем — **τούτου ἀπογευόμεθα**. О, сколько путей открыто нам ко спасению! Господь преподал нам Свое Тело, соделал нас Своим Телом. Ведь как то Тело соединено с Христом, так и мы через этот хлеб вступаем с Ним в единение. Ибо Ему было недовольно стать человеком, претерпеть бичевания и быть за нас распятым; но Он и сопричащает Себя с нами, и причем не только верой, но и действительно делая нас Своим Телом»[18].

Тело воплощенного Бога Слова — это верховная всеценность для человеческого существа как на земле, так и на небе. В нем — все вечные Божественные, человеческие и Богочеловеческие ценности и свойства. Второе Лицо Пресвятой Троицы, Бог Слово, воплотилось и соделалось Богочеловеком, чтобы стать Церковью; и в ней Бог Слово совершил и непрестанно совершает подвиг спасения мира и людей от греха, смерти и диавола. Бог соделался человеком, стал плотию, чтобы человек, через посредство Богочеловека, в Его Богочеловеческом Теле, Церкви, стал богом. В этом — все благовестие Богочеловека и Его Церкви. Вся полнота Божества обитает в Цер-

3 Зак. 3002

кви σωματικῶς, телесно (см.: Кол. **2**, 9). Как сопричастники Христа и как члены Его Богочеловеческого Тела, Церкви, мы приемлем от этой Божественной полноты Спасителя все потребное нам для вечной жизни и на этом, и на том свете: приемлем благодать на благодать и всю Божественную Истину со всеми ее непреходящими богатствами, ценностями и радостями (см.: Ин. **1**, 17; Еф. **3**, 19; Кол. **2**, 9–10).

В Церкви — всё соборно и в то же время — всё лично

Речь идет о *великой тайне*, о самой великой тайне неба и земли,— о Христе и Церкви (см.: Еф. **5**, 32). Человеческому роду не хватает ни разума, ни слов, чтобы по крайней мере приблизительно выразить эту пресвятую и превеликую тайну. Христос — одновременно и Бог Слово, и Человек; Бог Слово и Церковь, Бог Слово с плотию на небе и в Теле Своем, в Церкви, на земле. Разве это не *великая тайна*? Члены Церкви составляют единый организм, одно тело, и при этом каждый из них все же остается отдельной личностью. Разве это не *великая тайна*? В Церкви есть и великие грешники, но все-таки она *свята и непорочна* (Еф. **5**, 27), без какого-либо пятна и порока. Разве это не *великая тайна*? И так по порядку, от самого малого до самого великого в Церкви — всё *великая тайна*; ибо во всем всей полнотою присутствует досточудный Господь Иисус Христос со всеми Своими бесчисленными Богочеловеческими тайнами. Поэтому Церковь представляет собой самое великое чудо для всех сотворенных миров — чудо, которому дивятся и Ангелы на небе. В ее благовестие, единственное в своем роде, в ее всебожественное Евангелие желают проникнуть и Ангелы, ибо и им

Церковь — все-тайна

через Церковь делается известной многоразличная премудрость Божия (ср.: Еф. 3, 10; см. также: 1 Пет. 1, 12).

Богочеловек Христос в Своей Церкви *соединил все земное и небесное* (ср.: Еф. 1, 10); все тайны неба и земли слились в одну тайну, и так начала свое бытие *великая тайна*, тайна, объемлющая все другие тайны,— Церковь. Эта *великая тайна* простирается на всех членов Церкви, на всю их жизнь, на все их взаимоотношения. Поэтому в Церкви всё — чудо, всё — тайна, «паче смысла» = выше разума. Здесь нет ничего упрощенного, малозначительного, второстепенного, ибо всё здесь — Богочеловеческое, всё внутренне связано в единый Богочеловеческий организм, в единую всеобъемлющую Богочеловеческую *великую тайну*, все-тайну — Православную Церковь.

Свойства Церкви

Свойства Церкви бесчисленны, ибо ее свойства суть, на самом деле, свойства Богочеловека, Господа Иисуса Христа, а через Него — и свойства Троичного Божества. Но святые и богомудрые отцы Второго Вселенского Собора, руководимые и наставляемые Святым Духом, свели их в девятом члене Символа веры к четырем: «Верую... во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь». Эти свойства Церкви: единство, святость, соборность и апостоличность — вытекают из самой природы Церкви и из ее предназначения. Они точно и ясно определяют характер Православной Христовой Церкви, которым она как Богочеловеческое установление и общность отличается от любой человеческой организации и коллектива.

1. Единство и единственность Церкви

Как Личность Богочеловека Иисуса Христа одна и единственна, так одна и единственна и Церковь, основанная Им, в Нем и на Нем. Единство Церкви непреложно вытекает из единства Лица Богочеловека, Господа Иисуса Христа. Церковь как органически единый и единственный Богочеловеческий организм неба и земли не может разделяться ни по какому небо-земному закону, ибо всякое такое деление означало бы для нее смерть. Вся пребывая в Богочеловеке, она есть прежде всего Бого-чело-

веческий организм, а затем уже Богочеловеческая организация; в ней всё Богочеловеческое: и естество, и вера, и любовь, и Крещение, и Евхаристия, и любое ее Святое Таинство, и любая святая добродетель, и все ее учение, и вся ее жизнь, и все ее бессмертие, и вся ее вечность, и все ее устройство. Да, именно так: все в ней: и освящение, и обóжение, и спасение, и усвоение Христу и Святой Троице (отроичение) — Богочеловечески едино и неделимо. Всё в ней органически и благодатно связано в единое Богочеловеческое Тело под единой Главой — Господом Иисусом Христом, и все ее члены, хотя как личности они всегда целостны и неприкосновенны, единой благодатию Святого Духа через Святые Таинства и святые добродетели сопряжены в органическое единство, составляя одно Тело и исповедуя одну веру, соединяющую их как между собой, так и с Господом Иисусом Христом.

Христо-носные апостолы богодухновенно благовествуют о единстве и единственности Церкви, обосновывая это единством и единственностью ее Основателя — Богочеловека, Господа Иисуса Христа: *Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11).

Наряду со святыми апостолами святые отцы и учители Церкви по-херувимски богомудро и по-серафимски ревностно исповедуют единство и единственность Православной Церкви. Поэтому понятна пламенная ревность святых отцов Церкви при любом отмежевании и отпадении от Церкви кого бы то ни было и их строгое отношение к ересям и расколам. В этом смысле исключительную Богочеловеческую важность имеют Святые Вселенские и Святые Поместные Соборы. В согласии с их богомудрым духом Церковь не только едина, но и единственна, уникальна. Как у Господа Иисуса Христа не может быть нескольких тел, так у Него не может быть и нескольких

Церквей, то есть по своей Богочеловеческой природе Церковь одна и единственная, как один и единственен Богочеловек Христос. Отсюда вытекает, что разделение Церкви — это явление онтологически и по существу невозможное. Разделения Церкви никогда не было и быть не может, а были и будут только отпадения от Церкви, как добровольно бесплодные ветви засыхают и отпадают от вечноживой Богочеловеческой Лозы — Господа Иисуса Христа (см.: Ин. 15, 1–6). От единой и неделимой Церкви в разные времена отделялись и отпадали еретики и раскольники, перестав тем самым быть членами Церкви и сопричастниками ее Богочеловеческого Тела. Сначала отпали гностики, затем ариане, а за ними духоборцы, монофизиты, иконоборцы, католики (включая будущих протестантов), униаты и... так по порядку, словом — все приверженцы еретическо-раскольнического легиона.

2. Святость Церкви

Благодаря Своей Богочеловеческой природе Церковь есть, несомненно, единственная святая организация в земном мире. В таковой ее природе заключается и вся ее святость. По существу, она есть своего рода Богочеловеческая «мастерская» освящения людей, а через них и всех прочих тварей. Она свята как Богочеловеческое Тело Христа, у которого Сам Христос — бессмертная Глава, а Святой Дух — бессмертная душа. Поэтому в ней всё свято: и ее учение, и благодать, и Таинства, и добродетели, и все ее силы, и все ее спасительные средства, которые хранит она в своих сокровищницах для освящения людей и всех тварей. По Своему беспримерному человеколюбию соделавшись — через воплощение — Церковью, Господь Иисус Христос освятил ее Своим страданием, воскресением, вознесением, учением, чудотворениями, молитвою, постом, Таинствами и добродетелями, словом — всей Своей

Богочеловеческой жизнью. Посему и изречено богодухновенное благовестие: *Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна* (Еф. 5, 25–27).

Но евангельская и вся последующая история такова: Церковь полна грешников, переполнена ими. Но умаляет ли, нарушает ли, уничтожает ли их присутствие в Церкви ее святость? Нисколько и никоим образом. Ибо неумалима и неизменна святость ее Главы — Иисуса Христа и святость ее души — Духа Святого, а также вечно и неизменно святы ее Божественное учение, Таинства и добродетели. Церковь терпит грешников, принимает их под свои крылья, поучает их, стараясь пробудить их и поощрить к покаянию, к стяжанию духовного здравия и преображению; и они не мешают Церкви быть святой. И лишь грешники нераскаянные, упорствующие во зле и в своей богоборческой злой воле, отсекаются от Церкви либо видимым действием церковной Богочеловеческой власти, либо невидимым мановением Божия суда, так что и в этом случае святость Церкви соблюдается. *Извергните развращенного из среды вас* (1 Кор. 5, 13).

Святые отцы и в своих трудах, и на Святых Соборах исповедали святость Церкви как ее существенное и неизменное свойство. Отцы же Второго Вселенского Собора возвели в девятом члене Символа веры святость Церкви в догмат. Последующие Вселенские Соборы также подтвердили это печатью согласия.

3. Соборность Церкви — кафоличность = καθολικότης Церкви

Богочеловеческая природа Церкви всеобъемлюща, вселенска, соборна; Богочеловечески вселенска, Бого-

человечески кафолична, Богочеловечески соборна. Богочеловек, Господь Иисус Христос, Собой и в Себе самым совершенным образом сочетал Бога и человека, а через человека — и всю тварь. Участь твари сущностно связана с человеком (см.: Рим. 8, 19–24). Своим Богочеловеческим организмом Церковь охватывает *все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли* (Кол. 1, 16). Все — в Богочеловеке, а Он — Глава Тела Церкви (см.: Кол. 1, 17–18). В Богочеловеческом организме Церкви каждый живет полнотой своей личности как живая богоподобная клеточка. Закон Богочеловеческой соборности охватывает все и действует через всех; при этом всегда соблюдается Богочеловеческое равновесие между Божиим и человеческим. Мы, люди, в Церкви, как сопричастники ее Тела, воспринимаем и переживаем всю полноту своего бытия во всех ее богоподобных масштабах. И еще: в Церкви человек осознаёт свое бытие как некое высшее все-бытие, все-бытие Богочеловеческое; он опытно ощущает себя не только как все-человека, но и как все-тварь, все-создание. Одним словом — себя как богочеловека по благодати.

Богочеловеческая соборность Церкви — это, по сути дела, непрерывное благодатно-добродетельное вживание человека во Христа: всё собирается в Богочеловеке Христе и все воспринимается Им как Свое собственное, как единый и неделимый Богочеловеческий организм. Ибо жизнь в Церкви — это непрерывное вхождение в благодатную соборность, это постоянный благодатно-добродетельный подвиг воцерковления, сопричащения Богочеловеку Христу, обóжения, отроичения, освящения, преображения, спасения. Богочеловеческая соборность поддерживается и живет Господом Иисусом Христом, самым совершенным образом соединяющим и Бога, и человека, и всю тварь, которую вседрагоценная Кровь

Богочеловека и Спасителя омывает от греха, зла и смерти (см.: Кол. **1**, 19–22). Лицо Богочеловека, Господа Иисуса Христа, и есть душа соборности Церкви, ибо оно — *полнота Наполняющего все во всем* (Еф. **1**, 23), поэтому Оно вселенско в каждой пребывающей в Нем личности, в каждой Своей частице. Эта вселенскость, эта соборность, эта καθολικότης громогласно возвещается святыми апостолами, святыми отцами, Святыми Вселенскими и Поместными Соборами.

4. Апостоличность Церкви

Святые апостолы были первыми богочеловеками по благодати. Каждый из них всей своей жизнью, вместе с апостолом Павлом, свидетельствует: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. **2**, 20). Каждый из них — это как бы вновь являемый благодатный Христос, или, точнее, Христос, простершийся на всю вечность. Всё в них Богочеловеческое, потому что всё — от Богочеловека. Апостоличность есть не что иное, как Богочеловечность Господа Иисуса Христа, свободно усвоенная и воспринятая в подвигах святых добродетелей: веры, любви, надежды, молитвы, поста и прочих. А это значит, всё человеческое в них добровольно живет Богочеловеческим, мысля Богочеловеком, чувствуя Богочеловеком, желая Богочеловеком, действуя Богочеловеком. Для них исторический Богочеловек, Господь Иисус Христос,— это высшая все-ценность и верховное все-мерило. Всё в них от Богочеловека, для Богочеловека и в Богочеловеке. И причем всегда так и везде так. В этом — их бессмертие уже в земном времени и пространстве; и в силу этого они уже на земле связаны со всей Богочеловеческой, Христовой вечностью.

Эта Богочеловеческая апостоличность нашла свое совершенное продолжение в земных наследниках богоносных апостолов — в святых отцах. Между ними, по

существу, нет никакой разницы: в них во всех вечно и бессмертно живет и действует Богочеловек Христос, Который *вчера, сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8). Через святых отцов продолжается преемство святых апостолов во всей полноте их духовного мира и со всеми их Богочеловеческими богатствами, Богочеловеческими святынями, Богочеловеческими Таинствами, Богочеловеческими добродетелями. Святые отцы, по сути дела, непрестанно апостольствуют и как отдельные святые личности, стяжавшие благодать Бого-человечности, и как епископы Поместных Церквей, и как члены Святых Вселенских и Святых Поместных Соборов. Для них для всех — одна Истина, единая Все-Истина: Богочеловек, Господь Иисус Христос. И действительно, все Святые Вселенские Соборы, от первого до последнего, исповедуют, защищают, благовествуют и бдительно охраняют лишь одну-единственную Все-ценность — Богочеловека Иисуса Христа и веру в Него.

Главное в Священном Предании Православной Церкви — это живой Богочеловек Иисус Христос, во всей полноте пребывающий в Богочеловеческом Теле Церкви, для которой Он бессмертная и вечная Глава. Это не какое-то частное благовестие святых апостолов и святых отцов; напротив, это — главное, всеобъемлющее благовестие. Они ничего не знают, кроме Христа распятого, Христа воскресшего, Христа вознесшегося. Все они своей жизнью и учением единодушно и единогласно свидетельствуют: Богочеловек Иисус Христос — весь в Своей Церкви как в Своем Теле. Каждый из святых отцов может по праву засвидетельствовать вместе с преподобным Максимом Исповедником: «Я ни в коем случае не говорю ничего своего, но говорю то, чему научился от отцов, ничего не изменяя в их учении»[19].

Соборное исповедание святых богопрославленных отцов преизобильно источается и из бессмертного бла-

говестия святого Иоанна Дамаскина: «Все переданное нам как чрез закон, так и чрез пророков, апостолов и евангелистов мы принимаем, и разумеем, и почитаем, не разыскивая ничего свыше этого... Да удовольствуемся этим и да пребудем в нем, *не прелагая предел вечных* (ср.: Притч. **22**, 28) и не преступая Божественного Предания»[20]. Трогательный святоотеческий призыв святого Дамаскина обращен ко всем христианам: «Поэтому, братие, станем на скале веры и на Предании Церкви, не передвигая *предел яже положиша* святые *отцы* наши и не давая места тем, которые желают нововведений и стремятся разрушить здание Святой Божией Вселенской и Апостольской Церкви. Ибо если будет дана свобода всякому желающему, то маломалу разорится все Тело Церкви»[21].

Священное Предание — всё от Богочеловека, всё от святых апостолов, всё от святых отцов, всё от Церкви, в Церкви, Церковью. Святые отцы — это не кто иные, как «хранители апостольских преданий». Все они, как и святые апостолы, суть лишь свидетели одной-единственной Истины = Все-Истины: Богочеловека Христа. Эту Все-Истину они немолчно исповедуют и проповедуют; они — «всезлатыя уста» Слова, **τὰ πάγχρυσα στόματα τοῦ Λόγου**[22]. Богочеловек, Господь Иисус Христос — один, единственен и неделим. Точно так же и Церковь и единственна, и неделима, ибо она — воплощение Богочеловека Христа, продолженное через все века и через всю вечность. Как таковая и по своей природе, и в своей земной истории, Церковь не может разделяться. От нее можно лишь отпасть. Это единство и единственность носит Богочеловеческий характер с самого начала и через все века и через всю вечность. Апостольское преемство, апостольское наследие от начала до конца имеет Богочеловеческую природу. Что святые апостолы оставляют своим преемникам в наследие? Самого Богочеловека,

Господа Иисуса Христа, со всеми непреходящими богатствами Его досточудной Богочеловеческой Личности; Христа — Главу Церкви, ее единственную Главу. Если же это не передается, то апостольское преемство перестает быть апостольским, и нет в нем больше ни апостольского предания, ни апостольской иерархии, ни апостольской Церкви.

Священное Предание — это Евангелие Господа Иисуса Христа, а также и Сам Господь Иисус Христос, вселяемый силой Святого Духа в каждую верующую душу* и во всю Церковь. Всё Христово силой Духа Святого становится нашим, человеческим; и причем в Теле Церкви. Дух Святой — душа Церкви — вживляет в Тело Церкви каждого верующего, как своего рода клеточку, делая его сопричастником и сонаследником Богочеловека (см.: Еф. **3**, 6). Иными словами, Святой Дух Своею благодатию преображает каждого верующего в богочеловека. Ведь что такое жизнь в Церкви? Не иное что, как благодатное обóжение (о-богочеловечивание) каждого верующего через его личные евангельские добродетели, через его усвоение Христу и воцерковление, через его благодатное пребывание во Христе и в Церкви (оцерковление). Вся жизнь христианина — это непрекращающаяся возводящая ко Христу Пятидесятница: Дух Святой через Святые Таинства и святые добродетели вверяет Христа Спасителя каждому верующему, делая Его нашим живым преданием, нашей живой жизнью. *Христос — жизнь наша* (ср.: Кол. **3**, 4), а тем самым и всё Христово: и Его Истина, и Его Правда, и Его Любовь, и Его Жизнь, и вся Его Божественная Ипостась — навечно становятся нашими, нашими на всю вечность.

Что есть Священное Предание? Это Сам Богочеловек, Господь Иисус Христос, со всеми богатствами Своей Бо-

* См.: Еф. **3**, 17.— *Ред.*

жественной Ипостаси, а через Него и благодаря Ему — и со всеми благами всей Святой Троицы. Это наиболее полно преподано и выражено в Святой Евхаристии, в которой для нас и для нашего спасения совершается, вновь осуществляется всецелое Богочеловеческое домостроительство спасения. Здесь — весь Богочеловек со всеми Своими чудоносными и чудотворными дарами; здесь, как и вообще в молитвенной, богослужебной жизни Церкви. И над всем этим непрестанно и громогласно раздается всечеловеколюбивое благовестие Спасителя: *се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20),— весь в апостольстве и через апостольство со всеми верными до скончания века. В этом и состоит всецелое Священное Предание Апостольской Православной Церкви: жизнь во Христе = жизнь во Святой Троице; сопричащение Христу и благодатное соусвоение Святой Троице и общение с Ней (см.: Мф. 28, 19–20).

Исключительно важно следующее: в Православной Христовой Церкви Священное Предание, всегда живое и животворящее, составляют: святая литургия, все святые богослужения, Святые Таинства и святые добродетели, вся вечная истина, вся вечная правда, вся любовь, вся вечная жизнь, весь Богочеловек, Господь Иисус Христос, вся Святая Троица, вся Богочеловеческая жизнь Церкви во всей своей Богочеловеческой полноте, с Пресвятой Богородицей и со всеми святыми.

Личность Богочеловека, Господа Иисуса Христа, преображенная в Церковь, погруженная и в молитвенное, богослужебное безбрежное море благодати, вся — в Евхаристии и вся — в Церкви; вот что такое Священное Предание. Эту истину благовествуют и исповедуют святые отцы и Святые Вселенские Соборы. Молитвой и благочестием охраняется Святое Предание от всякого человеческого демонизма и диавольского гуманизма, и в нем — весь

Господь Иисус Христос, Который и есть вечное Священное Предание Церкви. *Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16),– явился как человек, как Богочеловек, как Церковь, и Своим всечеловеколюбивым подвигом спасения и обогочеловечения человека возвеличил и вознес человеческое существо превыше пресвятых Херувимов и всесвятых Серафимов.

Пятидесятница

Кто такой Богочеловек Христос: где в Нем Бог, а где человек? Как распознаётся в Богочеловеке Бог и как Человек? Что нам, людям, в Богочеловеке и с Богочеловеком даровал Бог? Всё это сказует нам Дух Святой — *Дух истины* (Ин. **15**, 26; **16**, 13), открывая нам всю истину о Богочеловеке: о Боге в Нем и о человеке в Нем, и о том, что́ нам даровано Им. Что же это такое? Дарованное нам безмерно превосходит все то, что когда-либо видели глаза, слышали уши и что только могло прийти на сердце человеку (см.: 1 Кор. **2**, 4–16; Еф. **3**, 5).

Своей жизнью во плоти на земле Богочеловек основал Свое Богочеловеческое Тело — Церковь, приготовив тем самым земной мир к пришествию, обитанию и спасительному действию Святого Духа в Теле Церкви как Души этого Тела. В день Святой Пятидесятницы Дух Святой сошел с неба в Богочеловеческое Тело Церкви и навеки остался в нем как его Всеживотворящая Душа (см.: Деян. **2**, 1–47). Это видимое Богочеловеческое Тело Церкви составляли в день Пятидесятницы святые апостолы — в силу своей веры в Богочеловека, Господа Иисуса Христа как Спасителя мира, как совершенного Бога и совершенного человека. И само сошествие, и вся последующая деятельность Святого Духа в Богочеловеческом Теле Церкви совершается благодаря Богочеловеку и ради Богочеловека (см.: Ин. **14**, 26; **15**, 26; **16**, 7–13); «Его же

ради и Дух Святый в мир прии́де»[23]. Всё в Богочеловеческом домостроительстве спасения обусловлено Богочеловеком, Господом Иисусом Христом, всё совершается, всё происходит в категории Бого-человечности. То же самое относится и к деятельности Святого Духа: вся она единосущна с Богочеловеческим подвигом спасения мира Господом Иисусом Христом. Бессмертные дары Пятидесятницы снизошли только на святых апостолов = святую апостольскую веру = святое апостольское предание = святую апостольскую иерархию = все апостольское = все Богочеловеческое.

День Святого Духа непрерывно продолжается в Церкви со Святой Пятидесятницы, преизобилуя полнотой всех Божественных даров и животворящих сил (см.: Деян. **10**, 44–48; **11**, 13–16; **15**, 8–9; **19**, 6). Всё в Церкви, от малого до великого, совершается Духом Святым. Когда священник перед каждением благословляет кадило, он молит Господа Иисуса Христа о ниспослании благодати Пресвятого Духа. Когда это несказанное Божие чудо — Святая Пятидесятница — вновь совершается при хиротонии епископа и [при этом] даруется вся полнота благодати, то этим наглядно подтверждается, что вся жизнь в Церкви протекает в Духе Святом. Нет сомнения в том, что Господь Иисус Христос Духом Святым в Церкви и Церковь Духом Святым в Господе Иисусе Христе. Господь Иисус Христос — Глава и Тело Церкви, а Дух Святой — ее Душа (см.: 1 Кор. **12**, 1–28). С самого начала Богочеловеческого домостроительства спасения Святой Дух положил Себя в основание Церкви — в основание Христова Тела, «в Деве Слова создавый воплощение — **τοῦ Λόγου κτίσαν τὴν σάρκωσιν**»[24].

Итак, каждое Святое Таинство и святая добродетель — это малый День Святого Духа, ибо Дух Святой сходит на нас, ниспускаясь «существенно» = **οὐσιωδῶς**[25], ибо Он —

«богатство Божества», Он — «благодати пучина»[26], Он — «благодать и живот всякой твари»[27].

Духом Святым Господь пребывает в нас и мы в Нем — об этом нам свидетельствует присутствие в нас Святого Духа. Мы Духом Святым обитаем во Христе, и Он в нас. И это знаем *по Духу, Который Он дал нам* (ср.: 1 Ин. **3**, 24). Наш человеческий дух Духом Святым научается истинному, правильному познанию Христа. Чтó есть Бог и Богочеловек, мы узнаём по Духу Божиему, Который нам дан (см.: 1 Ин. **4**, 13; 1 Кор. **2**, 4–16).

Для познания Богочеловека Христа, одного из Лиц Божественной Троицы, нам нужна помощь двух других Лиц: Бога Отца и Бога Духа Святого (см.: Мф. **11**, 27; 1 Кор. **2**, 12). Дух Святой — это *Дух премудрости* (ср.: Еф. **1**, 17), и приемлющий Его человек исполняется Божественной премудростью. Дух Святой — это и *Дух откровения* (ср.: Еф. **1**, 17). Божественной премудростью раскрывает Он в сердце верующего тайну Иисуса Христа — Богочеловека; и носящий в себе Святого Духа приходит к истинному познанию Христа. Никакой человеческий дух [никакими] собственными усилиями не в состоянии познать Христову тайну в ее Божественном и всеспасительном совершенстве и полноте. Человеческому духу открывает это только Дух Святой, посему и именуется Он *Духом откровения* (ср.: Еф. **1**, 17; **3**, 5; 1 Кор. **2**, 10). Посему светозарный апостол и благовествует: *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. **12**, 3). Дух Святой как *Дух Истины* и *Дух откровения* наставляет на всякую истину Христовой Богочеловеческой Личности и Его Богочеловеческого домостроительства спасения, научая нас всему Христову (см.: Ин. **14**, 26; **16**, 13; 1 Кор. **2**, 6–16). В этом и причина того, что всё Евангелие Христово, со всеми его Богочеловеческими истинами, именуется Откровением. В этом и основание того,

что в Церкви любое чинопоследование, любое священнодействие, любое служение, любое Таинство и вообще любое начинание совершается с призыванием силы и благодати Святого Духа.

Одним словом, вся жизнь Церкви, во всех своих бесконечных Богочеловеческих проявлениях, направляется и путеводствуется Духом Святым, присно пребывающем в Богочеловеке, Господе Иисусе Христе. Поэтому в Священном Евангелии и сказано: *Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его* (Рим. 8, 9). Подобно Херувиму погруженный в Богочеловеческую тайну Церкви как в самую удивительную и всесвятую тайну Божию, святой Василий Великий возвещает всеистинное благовестие: «Святой Дух созидает Божию Церковь – **Τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον ἀρχιτεκτονεῖ Ἐκκλησίαν Θεοῦ**»[28].

Благодать

Бесчисленные и неизмеримые Божественные силы, непрестанно изливающиеся от Божественной полноты, воплощенной в Богочеловеке Христе, и необходимые человеческому существу для воцерковления, для усвоения Христу, для сопричастия Духу Святому, для благодатного единения со Святой Троицей, для обóжения, для спасения, именуются одним словом: благодать. Все эти Божественные силы во всем своем многообразии имеют Богочеловеческие свойства и характер, поэтому во всей полноте они пребывают в Богочеловеческом Теле Церкви и преподаются от него и через него. В Церкви — всё Богочеловеческое, потому что всё принадлежит Богочеловеку. Вне категории Богочеловеческого в ней ничего нет. Наше спасение = наше обóжение есть не что иное, как наше непрестанное насыщение благодатию. Благодать в Церкви и Церковью — это безбрежный океан Божественных, Богочеловеческих, обожающих, сочетающих со Христом и со Святой Троицей сил, непрестанно действующих в ее Богочеловеческом организме. Богочеловеком Иисусом Христом, Который есть Церковь, нам дарованы все Божественные силы, необходимые людям для жизни и благочестия и на земле, и на небе (см.: 2 Пет. 1, 3–4). Напротив Богочеловека — и как Личности, и как Церкви — стоит человек со своей богообразной природой. Сотворенный по образу Божию, человек обладает и

соответствующей свободой. Это свобода грандиозных, необозримых размеров. По своей свободной воле человек может даже и Бога отвергнуть, и диавола принять (букв. «прижать к груди».– *Пер.*). И еще: человек может соделаться «богом по благодати», но он способен стать и диаволом по своей свободной воле. Если человек богомудро пользуется своей свободной волей, то она приводит человека к Богу и соединяет с Богом; если же он ею злоупотребляет, она уводит его к диаволу, усвояя [его] этому последнему. История человеческого рода — красноречивый тому свидетель. Бог для того и стал человеком, чтобы как Богочеловек, в Своем Богочеловеческом Лице, показать и опытно научить человека, как можно богомудро использовать свою свободную волю и созидать из себя — при содействии благодати — благодатного, Христо-образного человека, восходя к полноте совершенного богоподобия своего существа. И чтобы наделить человека силами для достижения этой цели, Христос в Себе, Богочеловеке, основал Церковь с ее Святыми Таинствами и святыми добродетелями. Делаясь сопричастником Богочеловеческого Тела, Церкви, и Христовым сонаследником (см.: Еф. **3**, 6), при содействии Святых Таинств и святых добродетелей, человек достигает поставленной Богом цели: становится «богом по благодати». Вся спасительная мудрость, всё богомудрие человека-христианина и состоит в том, что всю свою свободную волю он добровольно подчиняет Божественной воле Господа Иисуса Христа, взирая на Самого Господа Иисуса Христа, Который в Своем Богочеловеческом Лице добровольно поставил Свою человеческую волю в повиновение Своей воле Божественной. Это Богочеловеческое соотношение между волей Божественной и волей человеческой имеет силу самого совершенного закона и самого необходимого правила в Богочеловеческом Христовом

Теле — Церкви, а именно: свою человеческую волю нужно добровольно подчинять Божественной воле Господа Иисуса Христа и так — через Святые Таинства и святые добродетели — достигать своего спасения, обóжения и вечной жизни в Царстве Христовой любви.

В Богочеловеческом Теле Церкви преподана вся благодать Троичного Божества — благодать, спасающая от греха, смерти и диавола, возрождающая, преображающая, освящающая, обóживающая, соединяющая нас со Христом и со всем Троичным Божеством. Однако каждому из нас эта благодать подается *по мере дара Христова* (Еф. **4**, 7). А Господь Иисус Христос отмеряет каждому благодать по его труду (см.: 1 Кор. **3**, 8): по усердию в вере, в любви, в милосердии, в молитве, в посте, в кротости, в покаянии, в смирении, в терпении и в прочих святых добродетелях и Святых Таинствах. Предвидя Своим Божественным всеведением, как кто из нас воспользуется Его благодатию и дарами, Господь Иисус Христос и разделяет Свои дары *каждому по его силе* (Мф. **25**, 15). Однако от нашего личного труда и приумножения Божественных Христовых даров зависит наше место в животворящем Богочеловеческом, Христовом Теле — в Церкви, которая как единое и неделимое небесное и земное Бого-человеческое существо простирается от земли выше всех небес над небесами. Чем совершеннее живет человек полнотой Христовой благодати, тем более приемлет он дарований и тем обильнее изливаются на него как на сопричастника Христова Тела Богочеловеческие силы Церкви, очищающие нас от всякого греха, освящающие, обожающие, вводящие нас в благодатное Бого-человечество. При этом каждый из нас живет всеми и для всех, ибо все мы — одно тело. Посему каждый и сорадуется дарам своих братьев, особенно когда они превосходят его собственные.

Святые Таинства

Все Божии таинства святы. Всё, что́ на́чало быть, на́чало быть всесвятым Богом Словом. А всё, что от Бога Слова (Логоса),— логосно и свято. Без Бога Слова ничего не на́чало быть, что на́чало быть (см.: Ин. 1, 3; Кол. 1, 16; Евр. 2, 10). И на небе, и на земле всё свято, кроме греха, а грех — это употребленная во зло свобода сотворенных существ. Примеры тому — диавол и человек. Свободой злоупотребляют, когда обращают ее против Бога. Сделанный грех рождает смерть, а ведь диавол и имеет две главные силы: грех и смерть. С их помощью он порабощает людей и властвует над ними. Царство же греха и смерти — это ад для такого существа, наделенного богоподобием, как человек.

Творец всего, Бог Слово, становится человеком, чтобы освободить человека от греха и смерти, а тем самым — от диавола и ада. Бог Слово совершает это как Богочеловек всем Своим Богочеловеческим подвигом на земле: от воплощения до Вознесения. Всем этим Он учреждает Церковь Собой и в Себе, в которой и совершает спасение людей при содействии Святых Таинств и святых добродетелей Духа Святого. Он — Богочеловек, Господь Иисус Христос, Он = Церковь,— это и есть Пресвятое Все-таинство, в котором имеют начало и из которого проистекают все [прочие] Таинства начиная со Святого Таинства Крещения.

Всё в Церкви — от самого малого до самого великого — свято и та́инственно, ибо всё погружено в неизреченный свет безгрешного Богочеловека, Господа Иисуса Христа. Как Церковь Богочеловек объемлет и небо, и землю, ибо и то и другое — Его творения: *все Им и для Него создано* (Кол. **1**, 16). Он — и Творец, и цель всех творений, всей твари: *Он есть глава тела Церкви* (Кол. **1**, 18); и еще: Церковь — это *Тело Его, полнота Наполняющего* все во всем (Еф. 1, 23). Поэтому в Нем, Всеобъемлющем,— и спасение, и обо́жение, и обогочеловечение, и соусвоение [Христу], и все самое совершенное, что только нужно человеческому существу на земле и на небе, в сей и грядущей жизни. Этому служат все Святые Таинства в Его Церкви и все святые добродетели, а прежде всего — Святое Таинство Крещения, Святое Таинство Миропомазания и Святое Таинство Причащения (Евхаристии).

Святым Крещением мы облекаемся в Господа Иисуса Христа, в Святом Причащении приемлем всецелого Господа Иисуса Христа — для нашего спасения через обо́жение и взаимообщение с Богочеловеком, Господом Иисусом Христом. Ибо всеблагий Господь как Богочеловек явился в нашем земном мире и как Богочеловек остался в нем через посредство Церкви, Церковью. И в Нем как таковом *обитает вся полнота Божества телесно* — **σωματικῶς** (Кол. **2**, 9) с одной-единственной целью: дабы все мы исполнились этой полнотой Божества (см.: Кол. **2**, 10), дабы все мы обо́жились, вступили в благодатное единение с Богочеловеком Христом и со Святой Троицей, чтобы все мы соделались «богами по благодати», богочеловеками по благодати.

Богочеловек — *великая благочестия тайна* (1 Тим. **3**, 16), великая тайна Богочеловеческой веры, а в Богочеловеке — вся тайна Церкви. Одна и та же Всебожественная Ипостасная тайна Второго Лица Пресвятой Троицы

пронизывает и преисполняет собой все тайны Церкви и всё, чтó в ней и от нее. Каждое Святое Таинство исходит и вновь возвращается к святой тайне Церкви, к святой тайне Боговоплощения, Богочеловека, Богочеловечности. Ведь и в самом деле, каждое Святое Таинство всецело присутствует в Церкви; но точно так же и вся Церковь присутствует в каждом Святом Таинстве.

Всё в Церкви свято и тáинственно. Свято и тáинственно любое священнодействие. И даже самое, казалось бы, незначительное? Да, каждое из них — велико, как и сама тайна Церкви. Ибо и малейшее из них в Богочеловеческом организме Церкви находится в органической, живой связи со всей тайной Церкви и с Самим Богочеловеком, Господом Иисусом Христом. Вот лишь один пример: чин малого освящения воды. Малый чин, а какое великое святое чудо, столь же великое, как и сама Церковь. Это умилительное чудо уже две тысячи лет совершается для миллионов и миллионов душ православных христиан, очищает их, освящает, исцеляет, дарует им бессмертие и не прекращается; и не прекратится, пока существуют небо и земля. А святая вода — это только одна из многочисленных святых тайн, которые непрестанно чудодействуют в Православной Христовой Церкви.

Но и любая святая добродетель в душе православного христианина — это святая тайна; ибо любая из них находится в органической связи со Святым Таинством Крещения, а через него и со всей Богочеловеческой тайной Церкви. Так, например, вера — это святая добродетель, а тем самым и святая тайна, в которой православный христианин живет и непрестанно пребывает. И святая вера силой своей святости рождает в его душе и все другие святые добродетели: молитву, любовь, надежду, пост, милосердие, смирение, кротость... Но и каждая из них — это опять-таки святая тайна. Все они одна от другой насы-

щаются и живут вечно и бессмертно. Всё, что́ от них,— свято. Поэтому нет числа святым тайнам в Христовой Церкви, в этой всеохватывающей небоземной святой все-тайне Богочеловека. В ней и каждое «Господи, помилуй» — свято и таинственно, и каждая покаянная слеза, и каждое молитвенное воздыхание, и каждый вопль о грехах.

а) Святое Таинство Крещения

Крещение — это Святое Таинство, в котором человек облекается в Богочеловека Христа, а через Него — во Святую Троицу: крещаемый облекается во Христа, переживая Его смерть и Воскресение; он весь предает себя Христу и приемлет всецелого Христа, делаясь сопричастником Христова Тела, Церкви; и всё Богочеловеческое — Церковью — становится его собственным. Богообразное человеческое существо в Святом Крещении получает бессмертную задачу на всю свою жизнь: жить в Господе Иисусе Христе, вечно осознавать себя существом богоподобным и непрестанно насыщать себя Божественными силами Богочеловека Христа. С момента Крещения начинается жизнь христианина в Церкви, свободная и благодатная жизнь во Христе в подвиге Святых Таинств и святых добродетелей. Вся последующая жизнь христианина — это умножение талантов, полученных во Святом Крещении. Крещением мы становимся храмом Пресвятой Троицы, и вся наша жизнь протекает от Отца через Сына в Духе Святом. В христианине действуют все благодатно-добродетельные силы, соединяющие его со Христом и вводящие в благодатный союз со Святой Троицей: потенциальный богочеловек через Богочеловека в Церкви становится богочеловеком благодатным. *Все и во всем Христос* — вот цель и задача жизни христианина и во времени, и в вечности (Кол. **3**, 11).

б) Святое Таинство Миропомазания

Миропомазание, хотя оно и дается в силу Богочеловеческого подвига Единого Человеколюбца — Господа Иисуса Христа, есть по преимуществу Таинство Святого Духа. Вообще говоря, Святое Таинство Крещения и Святое Таинство Миропомазания суть как бы двуединое Таинство. Вочлененный Святым Крещением в Тело Богочеловека Христа, в Церковь, христианин в Святом Таинстве Миропомазания принимает «печать дара Духа Святаго», то есть Божественное освящение, помазание и укрепление благодатию Святого Духа. Ибо в Святом Крещении, по словам богомудрого Кавасилы, христианин получает свое новое бытие и вообще — жительство (существование, бытийствование) по Христу — **τὸ εἶναι καὶ ὅλως ὑποστῆναι κατὰ Χριστόν**[29], а в Святом Миропомазании ему даруются все соединяющие со Христом благодатные силы, а также дары и силы Святого Духа для новой жизни во Христе, для жизни богочеловеческой. В Святом Миропомазании человеческая личность помазуется Духом Святым по образу и по подобию Божественного Помазанника — Богочеловека Иисуса Христа. В этом Святом Таинстве продолжается Святая Пятидесятница, никогда не прекращающаяся в Церкви Христовой.

в) Святое Таинство Евхаристии

Святая задача жизни и святой подвиг, заповеданный христианину в Святом Крещении, наиболее совершенно осуществляется в Святом Таинстве Евхаристии: в нем происходит теснейшее общение и единение с Богочеловеком Христом. Всё Богочеловеческое домостроительство спасения — от воплощения до вознесения — благодатно воспринимается в этом Таинстве как жизнь нашей жизни и как душа нашей души. Святая литургия,

по словам преподобного Феодора Студита, есть повторение всего Богочеловеческого домостроительства спасения[30]. Это особенно подчеркивается в конце литургии святого Василия Великого, где говорится: «Исполнися и совершися елико по нашей силе, Христе Боже наш, Твоего смотрения таинство»[31]. Святые отцы так определяют суть святой литургии: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». И смиренный причастник перед Святым Причащением исповедует: «Божественное Тело и обожáет мя и питает; обожáет дух, ум же питает странно». Какое страшное и исключительно великое Таинство! Весь объятый священным трепетом, причастник назидает себя и подобных себе сопричастников: «Боготворящую Кровь ужаснися, человече, зря». И опытно научается великому благовестию неба и земли, исполняясь *всею полнотою Божиею* — **πᾶν τὸ πλήρωμα τοῦ Θεοῦ** (Еф. **3**, 19; ср.: Кол. **2**, 10).

Святая Евхаристия — это вершина Богочеловеческой реальности. С воплощением Бога Слова Богочеловек, Господь Иисус Христос, стал самой очевидной, самой бессмертной и вечной реальностью неба и земли. А в особенности — реальностью нашего человеческого мира. С нами Христос: *с нами Бог = Еммануил*, вечно *с нами Бог* (Мф. **1**, 23). Самый убедительный свидетель тому — Церковь, Богочеловеческое Тело Христа. Церковь — Тело Христово; Евхаристия — Тело Христово. Сущностное тождество: Церковь в Евхаристии, Евхаристия в Церкви. Где нет Богочеловека — нет и Церкви, а где нет Церкви — нет и Евхаристии. Всё, [что] вне этого — ересь, нецерковь, антицерковь, лжецерковь. Церковь как Тело Христово — это соборное единство, а также и единство соборности. Это относится и к Евхаристии как Телу Христову. *Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. **10**, 17). Да, мы многие —

единое Тело под единой главой – Богочеловеком Христом. Поэтому и в Евхаристии, и в Церкви Богочеловек Христос – всё и вся: *и Он есть прежде всего, и все Им стоит* (Кол. **1**, 17).

Святые добродетели

До воплощения Бога Слова, до Богочеловека, Господа Иисуса Христа, в нашем земном мире добродетели были мнимыми призраками, неосуществимыми замыслами, безжизненными идеями. Таковы они во всех нехристианских религиях, во всех небогочеловеческих философиях, этиках, социологиях, культурах, цивилизациях. Богочеловек, Господь Иисус Христос,— это первый совершенный идеал, синтез всех святых добродетелей и их совершенное осуществление на земле. Добродетели и Господь Иисус Христос суть одно. Об этом говорит святой Максим Исповедник: «Сам Господь наш Иисус Христос и есть сущность всех добродетелей»[32]. В нашем земном мире лишь Господь Иисус Христос воплотил в Себе добродетели, дал им тело, как и Церкви. Но так как Господь Иисус Христос — весь в Церкви: она — Его Тело, а Он — ее Глава, то и Его святые добродетели обитают в Церкви. И члены Церкви, жительствуя в ней, живут в этих святых добродетелях и по мере своей ревности достигают своего спасения, обóжения, благодатного богочеловечества.

В Церкви через Святые Таинства и святые добродетели Богочеловек Христос вселяется в нас и в нас обитает. Святым Крещением человек сочетавается со Христом, а затем на протяжении всей жизни, с помощью остальных Святых Таинств и святых добродетелей, утвержда-

ется в этом единении и вступает в благодатное богочеловечество. Каждая святая добродетель — это весьма многогранный подвиг. Во главе святых добродетелей стоит вера. Она — корень и стержень всех святых добродетелей. Из нее преизобильно произрастают все прочие святые добродетели: молитва, любовь, покаяние, смирение, пост, кротость, милосердие и другие. Эту истину благовествует христианам и святой апостол: *прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель* — **ἐπιχορηγήσατε ἐν τῇ πίστει ὑμῶν τὴν ἀρετὴν** (2 Пет. **1**, 5); или, лучше сказать,— Все-добродетель = Господа Иисуса Христа, ибо вы должны своей жизнью по вере *возвещать совершенства* (добродетели) — **ἀρετὰς ἐξαγγείλητε** Господа Иисуса Христа (1 Пет. **2**, 9). Человеку для спасения нужна каждая добродетель. Для достижения спасения человеку надлежит проходить и подвиг веры, и подвиг любви, и подвиг молитвы, и подвиг поста, и вообще — подвиг каждой евангельской добродетели. Без веры нет спасения, ибо *без веры невозможно угодить Богу* (ср.: Евр. **11**, 6). Но точно так же нет спасения и без любви, и без молитвы, и без поста, и без милосердия, и без всех прочих благих дел. Это ясно следует из Святого Евангелия Спасителя, преподанного как Им Самим, так и через Его святых благовестников: святых апостолов и святых отцов. Посему богомудрый подвижник Никита Стифат, ученик святого Симеона Нового Богослова, в своем «Исповедании веры» благовествует: «Верую и в необходимость чистой и добродетельной жизни, которая вместе с истинной верой необходима для спасения»[33].

«Бог — всесовершенная добродетель — **ἡ παντελὴς ἀρετή**»[34] — вот апостольско-святоотеческое учение и Священное Предание Христовой Церкви. «Божие естество — источник любой добродетели»[35]. «Цель добродетельной жизни — уподобление Божеству, **ἡ πρὸς τὸ Θεῖον**

ὁμοίωσις»[36]. Поэтому «у добродетели есть лишь одна граница совершенства — не иметь никаких границ»[37].

Итак, без святых добродетелей нет человеку ни спасения, ни обóжения, ни пребывания во Христе, ни рая, ни Небесного Царства. Святые Таинства — это, несомненно, святые догматы нашей веры и нашего спасения. Но и святые добродетели — это тоже святые догматы нашей веры и спасения. Без Святого Крещения нет спасения. Это неизменный догмат спасения в Богочеловеческой Церкви Спасителя. Но точно так же нет спасения и без веры, и без любви. Посему и вера, и любовь — это тоже неизменные догматы спасения. Каждое Святое Таинство — это догмат, и каждая евангельская добродетель — это тоже догмат. И Святые Таинства, и святые добродетели составляют единый и неделимый подвиг спасения — подвиг Богочеловеческий.

Господни заповеди в Святом Евангелии суть не что иное, как нравственные догматы. Например, каждое блаженство в Нагорной проповеди — это догмат. Без первого блаженства нет спасения, ибо нет спасения без смирения. Равно как нет его и без молитвы, без поста, без любви. Всё это — догматы евангельской нравственности, всегда необходимые, всегда неизменные, всегда обязательные для всех. Каждая святая добродетель — догмат, святой догмат христианской жизни; такова прежде всего *вера, действующая любовью* (Гал. 5, 6). Все добродетели = все заповеди произрастают, источаются, процветают из нее. Богочеловеческая истина гласит: все этические догматы необходимы для спасения, для обóжения, для благодатного богочеловечества. Они и являются теми благодатными, животворящими Божественными силами, с помощью которых человек спасается, достигая через них обóжения. Они укрепляются и становятся всемогущими с помощью Святых Таинств: Покаяния, Причащения и прочих.

Евангельские добродетели — это Богочеловеческие силы, источающиеся из Богочеловека Христа и обладающие Богочеловеческим всемогуществом. Как таковые, они в то же время суть силы боготворящие, обожающие, преображающие христианина, вводящие его в богочеловечество, в благодатную божественность.

В этом главное различие между евангельскими, Богочеловеческими, добродетелями и всеми благодеяниями нехристианскими, будь они философскими, религиозными, научными, культурными, цивилизационными, политическими. В каждой евангельской, Богочеловеческой добродетели всегда совместно действуют и Бог, и человек. Богочеловеческий синергизм, Богочеловеческое со-работничество — это основной закон любой евангельской добродетели. Святой апостол благовествует: *мы соработники у Бога* — **συνεργοί Θεοῦ** (1 Кор. 3, 9). Богоподобная свобода человека является той основой, которая делает возможным его богоподобное соработничество с Богом. Всякая Бого-человеческая добродетель — это благодатно-добровольный подвиг человека. При этом Бого-человеческое равновесие в подвигах добродетелей того или иного человека соблюдает Сам Господь Иисус Христос как Глава Церкви и всех ее членов, так что ни Божие не совершается в ущерб человеческому, ни человеческое — в ущерб Божиему.

В подвиге спасения человека Бог проявляет Себя благодатными силами Святых Таинств; человек же в подвиге спасения выражает себя через святые добродетели. Первая среди святых добродетелей и по происхождению, и по порядку — вера. Из нее проистекают все прочие добродетели: любовь, молитва, надежда, пост, смирение, кротость, милосердие, покаяние и им подобные. Во всем им помогают и содействуют святые Божественные силы Святых Таинств. В подвиге спасения Святые Таинства

и святые добродетели составляют единое Богочеловеческое целое. Со-трудничество Божией благодати и богоподобной свободы человека в деле спасения человека осуществляется по законам единого Лица Богочеловека Иисуса Христа, действующим в Богочеловеческом Христовом Теле — в Церкви; эти законы обязательны для каждого члена Церкви. И Божия благодать, и богоподобная свобода человека всегда соразмерно деятельны, потому что Бог никого не спасает насильно. Если человек не хочет проходить подвиг святых добродетелей: веры и прочих, то нет для него и спасения; он мертв, он труп. Точно так же, если не желает он участвовать в Святых Таинствах, то опять-таки спасение для него закрыто, для Бога он бездыханен, не живой. *Не во всех вера* (2 Фес. **3**, 2).

Молитвенная премудрость Церкви немолчно благовествует: Бог есть «Бог милости», «Бог благости», «Бог человеколюбия». Одним словом — Бог всякой добродетели. Таким Богом в нашей земной, человеческой, исторической действительности является только Богочеловек Христос; Он — воплощение, образец, пример всех святых добродетелей. Как любовь, Он — совершенная любовь; как благость — совершенная благость; как человеколюбие — совершенное человеколюбие. Одним словом, Он — Богочеловеческое совершенство каждой добродетели. Можно с уверенностью утверждать: Богочеловек — это верховная добродетель, Все-добродетель. Поэтому святая жизненная задача каждого христианина — соединиться со Все-добродетелью, соделаться богочеловеком по благодати, войти в богосыновство, в благодатный союз со Христом и со всей Святой Троицей. Да, и со Святой Троицей, ибо где Сын, там и Отец, там и Дух Святой: всецелое нераздельное Триипостасное Божество.

В Богочеловеке Христе каждая добродетель и Божественно, и по-человечески совершенна, оттого и доступ-

4 Зак. 3002

на для человека и осуществима им. Человек, сотворенный по образу Бога, то есть по образу Христа, в самой природе этого Христо-образия имеет Христо-образные задатки святых божественных благих дел. А Господь Иисус Христос, Бог, став человеком, являет нам в Себе Самом и в Своей жизни все эти добродетели в их Богочеловеческой полноте и совершенстве. И потому каждый человек, руководимый и наставляемый Богочеловеком, Господом Иисусом Христом, может эти добродетели в своем богообразном естестве развить до совершенства. Если бы человек не был сотворен по образу Божию, то Божественные добродетели были бы для его естества неестественными, противоестественными, навязанными, механическими. А так они для него естественны и осуществимы; и во всей полноте свойственны человеческому существу, свои для него. Бог, соделавшись человеком, явил нам как Богочеловек — самым очевидным и убедительным образом — в нашей земной реальности следующую истину: Богочеловек — добродетель, Все-добродетель; в Нем, только в Нем и Им человек как существо богообразное может своим добровольным трудом, при содействии благодати Святых Таинств, преуспеть во всякой добродетели и обитать во Все-добродетели. В Богочеловеческом Христовом Теле, в Церкви, всё Христово становится нашим, включая и каждую Его добродетель, и Его Самого, Самую Все-добродетель. В этом — вся Богочеловеческая, евангельская этика.

Церковная иерархия

Как по существу, так и во всех своих Богочеловеческих категориях и ступенях иерархия ведет свое происхождение от Вечного Архиерея, Богочеловека, Господа Иисуса Христа, Второго Лица Пресвятой Троицы. Поэтому Богочеловечность — это и сущность, и критерий иерархии, иерархичности. Она от Него, и Он в ней (см.: Еф. **4**, 11–13), посему Он и отождествляет Себя с ней, благовествуя святым апостолам: *Слушающий вас, Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается... И се, Я с вами во все дни до скончания века* (Лк. **10**, 16; Мф. **28**, 20). Отсюда следует, что где Богочеловек Господь Иисус Христос — Вечный Архиерей, там и иерархия, и вечное священство (см.: Евр. **7**, 21–27). Церковь как Богочеловек Иисус Христос — это единственный обладатель и хранитель вечного Богочеловеческого священства и иерархии, которые своей Богочеловеческой святостью непрестанно, через Святые Таинства, изливают все Божественные силы, необходимые человеческому существу для благочестия = для богочеловеческой жизни на этом и на том свете, для обо́жения, для благодатного богочеловечества (см.: 2 Пет. **1**, 2–4). Естественно и логично, что всё это имеет бытие, то есть совершается в Церкви как в Богочеловеческом Теле, организме, в котором непрерывно действуют Богочеловеческие законы Главы Церкви, Господа Иисуса Христа. Поэтому в святом апостольско-свя-

тоотеческом Предании царствует истина: «Епископ в Церкви, и Церковь в епископе»[38]. И еще: «Где Христос, там и Вселенская Церковь»[39]. Святой Игнатий Богоносец, апостольский ученик, заповедует христианам: «Все почитайте диаконов, как заповедь Иисуса Христа; а епископа, как Иисуса Христа, Сына Бога Отца, пресвитеров же, как собрание Божие, как сонм апостолов. Без них нет Церкви»[40].

И как организм, и как организация Церковь — это единственное в своем роде, уникальное существо в нашем земном мире. Как организм она — Богочеловеческий организм, Сам Господь Иисус Христос, пребывающий в вечности на все века. И как организация она также — Богочеловеческая организация клира и мирян, со всеми свойствами, вытекающими из их жизни на земле. При этом Богочеловек и [всё] Богочеловеческое всегда являются верховной всеценностью и все-мерилом. И у Церкви как организации Богочеловек — всегда единственная Глава. Однако где Его, Богочеловека, подменяют человеком, будь он и сто раз «непогрешимым», там Глава Богочеловека отсекается и — исчезает Церковь. Исчезает Богочеловеческая, апостольская иерархия, а тем самым прекращается и апостольское преемство.

Во всей своей полноте Священное Предание Православной Церкви — это Сам Богочеловек, Господь Иисус Христос. Да и что могли бы люди приложить и добавить к Священному Преданию = к Всесовершенному Богочеловеку Христу? По сравнению со Всебогатым Богочеловеком все люди всех времен на этой Божией земле и каждый человек в отдельности суть просто нищие, и ничего более. И к тому же эти нищие через грехопадение полностью разложили себя смертью, похищающей у них всё божественное, всё небесное, всё бессмертное и вечное. А всещедрый и всемилостивый Господь Иисус Хри-

стос за апостольскую в Него веру дарует каждому человеку все вечные и нетленные Божественные богатства: вечную истину, вечную правду, вечную любовь, вечную жизнь и всё остальное, чем только Бог любви, Единый Истинный Человеколюбец, может наделить человека. Поэтому для человеческого существа на небе и на земле существует только одно истинное благовестие и только одна бессмертная радость: Богочеловек, Господь Иисус Христос. В Нем — вся тайна и Бога, и человека. Великая и сладчайшая тайна нашей веры и благочестия: Бог явился во плоти, в человеке,— это как бы первая половина вечной Все-Истины. А вторая: человек явился в Боге (см.: 1 Тим. **3**, 16). Потому досточудный Господь Иисус Христос и есть *единое на потребу* для человеческого существа и для всего человеческого рода на небе и на земле (ср.: Лк. **10**, 42).

Церковное богослужение и праздники

Вся жизнь Церкви — это непрерывное служение Богу, непрерывное Бого-служение, поэтому каждый день в Церкви – праздник. Ибо ежедневно в Церкви совершается служение Богу и празднуется память одного или нескольких святых. Следовательно, жизнь в Церкви — это непрерывное Бого-служение и жизнь *со всеми святыми* (Еф. **3**, 18). Святые сегодняшнего дня передают нас завтрашним, завтрашние — святым следующего дня и так по порядку; круг года — без конца. Торжественно отмечая праздники и празднуя память святых, мы, по мере нашей веры, молитвенно и действенно воспринимаем их благодать и святые добродетели. Ибо святые — это не кто иные, как живое олицетворение и воплощение святых евангельских добродетелей, этих бессмертных догматов нашей веры, нашего спасения.

Вечные истины святых добродетелей претворяются в нашу жизнь, прежде всего и более всего — молитвой и богослужением. Молитва — это самая лучшая среда для преуспеяния в какой бы то ни было евангельской добродетели. *Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь* (Ин. **6**, 63). Богослужение низводит благодать в нашу свободу, так что сопряженные Божия благодать и наша свобода претворяют в жизнь догматические и этические

евангельские истины. Вся Церковь как *Тело Христово* участвует — через Евхаристическое Тело, которое есть верховное Богочеловеческое Святое святых,— в жизни нашего земного мира. Всё в святом Теле Церкви со-участвует, присно со-трудничает *со всеми святыми*; и мы через предстательство Пресвятой Богородицы и всех святых сами себя и друг друга и всю жизнь нашу предаем Христу Богу. Здесь всё — небоземное, Бого-человеческое; всё объединяет Бога с человеком, небо с землей, вечность со временем; всё земное живет небом, всё временное — вечным, весь человек — Богом. Так совершается непрерывный Богочеловеческий подвиг спасения, обо́жения, восхождения христиан к Бого-человечеству, ибо Церковь — это небо на земле, Бог в человеке и человек в Боге.

Свидетели сему? Все святые Христовой Церкви, от первого до последнего. Святые богослужебные книги красноречиво нам говорят и неопровержимо доказывают, что каждый святой соткан из святых добродетелей; каждый созидал и устроял себя святыми добрыми делами; каждый переработал и преобразил себя благими поступками. Это относится и к апостолам, и к мученикам, и к исповедникам, и к пророкам, и к преподобным, и к бессребреникам, и ко всем вообще святым. В каждом из них вседеятельно почивают святые добродетели во главе с верой. По существу, каждая святая добродетель — это благой подвиг нашей богоподобной свободной воли. Наше же личное со-трудничество со Спасителем в деле нашего спасения и состоит в первую очередь в наших святых добродетелях. Все добродетели составляют одно органическое целое, единый организм; и причем — организм Богочеловеческий. Они произрастают одна из другой, а также обитают, укрепляются и бессмертно пребывают одна в другой. Каждая добродетель — это в определенном смысле все-добродетель. Например, вера — это

все-добродетель; ибо для того, чтобы она жила, ей необходимо насыщать себя любовью, надеждой, молитвой, постом, милосердием, покаянием и всеми другими святыми добродетелями. Равно как и молитва, и любовь, и надежда, и пост, и все прочие добродетели — все друг от друга насыщаются, оживотворяются, совершенствуются и вступают в бессмертие.

Все Божии святые: священные иерархи, божественные пророки, сонмы преподобных, святые жены и все прочие праведники — прославились, угодив Богу «добродетельными деянии» (ἐναρέτοις πράξεσιν)[41]. «Святителие Христовы, и преподобных лик, и пророк, и праведных всех единственное торжество, добродетельными красотами блистающеся, внидоша к небесным селением»[42].

В Православной Церкви Богочеловек — Альфа и Омега, Начало и Конец, Первый и Последний (см.: Откр. 1, 8, 10, 17; 21, 6). В ней действуют Богочеловеческие законы. Все, чтó есть человек, в ней узаконивается и управляется Богом; всё человеческое постулируется и руководствуется Божиим и Божественным. Человек в ней — всегда в молитвенном предстоянии пред Богом. Как Богочеловеческий организм Церковь — это дом молитвы. И как храм она — дом молитвы. Каждый член Церкви — это богоподобная клеточка в Богочеловеческом Теле Церкви. Спасение — это, по сути дела, непрерывное восприятие всей молитвенной жизни Церкви. Это — подвиг воцерковления. Каждый член Церкви живет всей Богочеловеческой жизнью Церкви, по мере своей веры и ее (то есть Церкви) Святых Таинств и святых добродетелей. Каждый верующий — Церковь в малом.

Вся Богочеловеческая жизнь Церкви и все Богочеловеческие истины Церкви наиболее совершенно и глубоко свидетельствуют о себе в богослужении. Совершается молитвенное осознание и переживание всего Богоче-

ловеческого, и таким образом во всем изяществе созидается молитвенное богословие. Богослужебная жизнь Церкви во всем своем содержании — это самое достоверное Предание Церкви, живое и бессмертное Священное Предание. И в нем — весь досточудный Богочеловек, Господь Иисус Христос; а с Ним, и Им, и вслед за Ним — святые апостолы, святые отцы и все святые, от первого до последнего.

Православное богослужение — это живая жизнь Церкви, в которой участвует каждый член Церкви: через опытное восприятие всего Бого-человеческого, всего апостольского, всего святоотеческого. Одним словом — всего православного. В этом восприятии всё Богочеловеческое церковное прошлое всегда присутствует как современность, как реальность сегодняшнего дня. В Церкви всё прошлое — настоящее; и всё настоящее — прошлое. Собственно говоря, в Церкви и имеет свое бытие одно лишь необозримое настоящее. Всё здесь бессмертно и свято, все по-апостольски соборно и по-Богочеловечески кафолично, вселенско. Каждый принадлежит всем, и все — каждому, по благодатной силе святой Бого-человеческой любви, источающейся из святой Бого-человеческой веры и бессмертно обитающей во всех остальных Бого-человеческих добродетелях, а прежде всего — в молитве.

Это богослужебное, молитвенное Предание Церкви соблюдает для нас с благочестивым страхом и трепетом самую великую драгоценность неба и земли — Богочеловека, Господа Иисуса Христа, и всё Ему присущее. Столь бережно хранимый Он и есть — во всей полноте Своего Богочеловеческого Лица — вечноживое и всесовершенное Священное Предание Церкви. В Нем и с Ним — всё Его Евангелие спасения и обóжения и все Его истины спасения и благодатного богочеловечества. Во всех богослужениях постоянно совершается святая Бого-чело-

веческая тайна Бого-человеческого домостроительства спасения. Особенно в святой литургии. В заключительной молитве литургии святого Василия Великого говорится: «Исполнися и совершися... Христе Боже наш, Твоего смотрения (то есть домостроительства спасения) таинство — τὸ τῆς οἰκονομίας μυστήριον». Наше живое молитвенное участие в этом и составляет наше спасение, наше сочетание Христу, наше обóжение, наше всестороннее благодатное обогочеловечение через Церковь, словом — всю полноту нашего пребывания в Церкви. Добровольный благодатно-деятельный подвиг соединения со Христом — это всегда только подвиг всё более тесного соединения с Церковью.

Итак, человеческое спасение состоит в соборной жизни всех верных *со всеми святыми* (Еф. 3, 18) в Богочеловеческом Теле Церкви. Эта жизнь непрерывна; она наполняет собой каждый день, потому что ежедневно празднуется память одного или нескольких святых, трудящихся в деле нашего спасения и оказывающих нам содействие. Наше молитвенное общение со святыми созидает наше спасение. Поэтому необходимо торжественно отмечать все, без исключения, праздники, от первого до последнего: праздники Господские, Богородичные, Ангелов, апостолов, мучеников и все остальные. В равной мере устроянот наше спасение и все дневные и ночные богослужения суточного круга. А во всем этом пребывает весь Богочеловек, Господь Иисус Христос: как Церковь, как Глава Церкви и ее Тело, со всеми святыми и непреходящими истинами, во всецелой беспредельности Своей Богочеловеческой жизни.

В непостижимо тáинственный Богочеловеческий организм Церкви врастают преимущественно молитвой. И живут в нем всегда молитвой. В каждом из нас — через наше молитвенное участие в богослужениях — совер-

шается подвиг преображения, обóжения, облечения во Христа, благодатного соединения со Святой Троицей. При этом в богослужениях мы никогда не участвуем в одиночку, но всегда только *со всеми святыми.* Это жительство всесторонне лично и всесторонне соборно. В союзе со святыми мы по преимуществу живем молитвой и общаемся молитвой. Поэтому молитва — самая необходимая добродетель для каждого христианина. Молитва — это начальница сонма добродетелей. Она определяет место каждой добродетели и дает ей свое дыхание и дух. Ею каждая добродетель возрастает, укрепляется и сохраняет свое место среди прочих святых добродетелей. Таким образом, происходит как бы Бого-человеческое согласование действий святых добродетелей в подвиге спасения.

Православное богослужение — это Святое Евангелие и Священное Предание, переложенное в молитвы, воспетое с воздыханиями и слезами в чудоносных и животворящих стихирах, тропарях, кондаках, канонах, стихах, песнопениях. Вся Богочеловеческая Истина, Богочеловеческая Правда, и Любовь, и Премудрость, и Жизнь, и Бессмертие, и Вечность — подаются нам и в молитве, и в Таинстве Святого Причащения, и в святых заповедях, и во всех прочих Святых Таинствах и в святых добродетелях. К чему бы мы ни прикоснулись, мы всегда затронем живое Святое Предание: циркуляцию его крови, его нервы, его кости, его сердце, его очи, совесть, ум, разум. И когда душа молитвенно впитывает в себя эти Богочеловеческие истины и питается от этой Богочеловеческой жизни, то все святые добродетели *растут возрастом Божиим* (ср.: Кол. 2, 19)... И вся душа возрастает в благодатного богочеловека — в истинного христианина.

Через опытное переживание богослужебной жизни Церкви созидается христианская личность: богочеловек по благодати, человек совершенный — *в меру полного*

возраста Христова (Еф. 4, 13). Это самый надежный путь и самый спасительный подвиг. Непрерывный благодатно-богочеловеческий рост совершается через каждую молитву, и прошение, и слезу, и вопль, и восклицание, и рыдание, и исповедание. При этом все святые суть наши светочи и учители. Они — «очи Церкви Христовой»[43] — ведут нас и направляют к Богочеловеческой цели нашего человеческого бытия.

У православного христианина каждая мысль выливается в молитву и завершается молитвой. Точно так же и каждое чувство. Молитва христианина обращена к Господу Иисусу Христу, но в то же время она объемлет и его самого, и весь окружающий его мир. При этом все становится Бого-человеческим и завершается Богом: мысль преображается в Бого-мыслие, ибо в этом — Божественный и бессмертный смысл мысли; чувство возрастает в живое ощущение Бога, ибо в этом — Божественный и бессмертный смысл чувства; совесть начинает сообразовывать себя с Божественными заповедями; предочищенный молитвой ум со-проникается с умом Божественным, воля человеческая начинает оказывать послушание воле Божественной, ибо в этом — их Божественный и бессмертный смысл; одним словом — человек становится богочеловеком, ибо в этом и заключается Божественный и бессмертный смысл человека.

Вновь и вновь: в Богочеловеческом Теле Церкви каждый член этого тела как живая богоподобная его клеточка живет всецелой Богочеловеческой, церковной жизнью по мере своей веры и других добродетельных подвигов. Каждый день, каждое мгновение — *со всеми святыми*. Ежедневно открываются многообразные пути Богочеловеческой жизни в Церкви и непрестанно подаются Божественные силы к деятельному прохождению такой жизни, ибо каждый день совершается память святых:

апостолов, мучеников, исповедников, постников, бессребреников, преподобных. Всё и во всем — Христос: через святых каждого дня. Через них Он как Глава Церкви обладает и управляет всем в Богочеловеческом мире Церкви.

Каждый святой догмат нашей Богочеловеческой веры имеет свой праздник: Боговоплощение — Рождество, Воскресение — Пасху, вера — праздники святых мучеников и все остальные святые добродетели — праздники соответствующих святых. Истины святых догматов осознаются каждым верующим в *теле Христовом*, в Церкви. Каждая догматическая истина воспринимается как жизнь, как жизнь вечная, как органическая часть Вечной Ипостаси Богочеловека: *Я есмь... Истина и Жизнь* (ср.: Ин. **14**, 6). Святые богослужения — это не что иное, как деятельное переживание вечных святых догматических истин. Например, догмат о Богочеловечестве Господа Иисуса Христа своей силой зримо наполняет святые праздники Рождества, Благовещения, Преображения, Воскресения и другие. Эта вечная истина непрестанно переживается во всей полноте, делаясь тем самым нашим ежесекундным бытием. *Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа* (Флп. **3**, 20; ср.: Кол. **3**, 3).

О Боге-Судии

Вечная евангельская истина о Боге как Судии не насильно навязана сознанию и не является неестественной в святой сокровищнице богооткровенных истин. Эта истина — органическая, составная часть Святого Откровения в Богочеловеческом Теле Церкви. Без нее логика Откровения не была бы Божественной, а Богочеловеческое домостроительство спасения не было бы полным. Без нее Божественное Откровение походило бы на мир без неба над ним. Она сродни кровле, покрывающей и завершающей драгоценный храм Богочеловеческих истин о человеке и мире. Природа всех остальных святых догматов является и ее природой; она единосущна с ними; она пребывает в них, как и они в ней; она обладает одинаковой с ними значимостью и жизненной силой; она не может от них отделяться, ибо все они вместе составляют единый и неделимый Богочеловеческий организм. Вполне естественно, что Бог — Творец, Спаситель и источная Святость — есть в то же время и Судия. Ибо как Творец Он из небытия ввел нас в бытие, определив нам в качестве цели бытия уподобление Богу через богообразие дарованной нам души, возрастание Божиим возрастом *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13; ср.: Кол. 2, 19); как Спаситель Он спас нас от греха, смерти и диавола и ввел в умерщвленное грехом

человеческое естество начало и силу воскресения и бессмертия; как источная Святость Он в Своем Богочеловеческом Теле — Церкви — преподал нам все благодатные средства и все Божественные силы для усвоения Его Богочеловеческого подвига спасения и постижения цели нашего бытия. Как Судия же Он оценивает наши дела, судит намерения и выносит приговор согласно тому, как мы относились к Нему как к Творцу и к себе как к богоподобному творению; к Нему как к Спасителю и к себе как к объекту спасения; к Нему как к Богочеловеку = Церкви = Святости и к себе как к существу, освящаемому и вводимому в обóжение. В этой Своей деятельности (подразделяющейся на четыре взаимосвязанных действия, то есть действия Бога как Творца, как Спасителя, как источной Святости и как Судии) Бог *совершает все по изволению воли Своей* — **ἐνεργοῦντος κατὰ τὴν βουλὴν τοῦ θελήματος αὐτοῦ** (ср.: Еф. 1, 11), то есть по Своему Предвечному Совету о мире и человеке, дабы *все небесное и земное соединить под главою* — **ἀνακεφαλαιώσασθαι** — *Христом* (Еф. 1, 10; ср.: Кол. 1, 16–17, 20).

В брение человеческого существа Бог вложил закваску пламенной жажды Христа, дабы человек стремился ко Христу, а вслед за ним и вся тварь. Поэтому вся тварь в существе своем Христо-центрична; она тяготеет и порывается ко Христу как к своему естественному и вечному центру и цели (см.: Рим. 8, 19–23; Еф. 1, 4–5; Кол. 1, 16–17). Если в Своем творческом, спасительном и освящающем действии Бог есть как бы оратай, сеятель и взращающий, то в Своем Суде Он — жнец и веятель. Вполне естественно для Небесного Сеятеля, обильно посеявшего семя вечных Божественных истин на почве человеческой души, прийти и посмотреть, сколько из этого семени изгнило в скверне похотей, сколько заглушено терние страстей, сколько увяло в грехолюбивой горячке, а сколь-

ко принесло божественный плод*. А также пожать и провеять зрелые колосья пшеницы. Ведь потому как Он и пашет, и сеет, и взращивает, то имеет право также жать и веять. Поскольку Он снабдил людей всеми средствами, необходимыми для достижения поставленной Им жизненной цели, то имеет право быть и Судией. Было бы несправедливостью и тиранией, если бы Бог пришел как Судия, не явившись перед тем как Спаситель и не преподав людям должного освящения от Своей святости. Не имел бы права судить человека и человечество тот бог, который перед тем не захотел бы открыть людям путь в вечную жизнь, не благовествовал бы им вечную истину и не вручил бы им средства ко спасению от греха, смерти и диавола; одним словом — бог, не пожелавший стать Спасителем. Такому богу-мучителю человечество имело бы право единодушно сказать в глаза то, что сказал злой слуга своему господину в притче о талантах (см.: Мф. **25**, 24–25).

Если бы Христос был таким богом, то не следовало бы в Него веровать, ибо в таком случае Он был бы не истинным Богом, а одним из немощных божков-самозванцев из числа человеческих идолов. Но так как Богочеловек, Господь Иисус Христос, явился как Спаситель человека и человечества, и по Своему несказанному человеколюбию совершил сей великий и скорбный подвиг спасения, и наделил людей всеми дарами неба, которые может вверить только Бог любви,— то Он имеет право судить и мир в целом, и каждого человека в отдельности.

Разумеется, потому как Господь Иисус Христос единосущен с Богом Отцом и с Богом Духом Святым, то и суд над человечеством будет делом всей Святой Троицы. Но чтобы мятежный человек, по своей богоборческой греховности, не возмутился и не возразил, что яко-

* См. евангельскую притчу о сеятеле: Мф. **13**, 3–8, 18–23.— *Ред.*

бы Бог, не носивший человеческой плоти, не претерпевший человеческих страданий и не прошедший по земле, наполненной лукавыми змеями, не имеет права судить людей,– то Бог Отец *весь суд отдал Сыну* (Ин. **5**, 22) и *будет праведно судить вселенную* – **μέλλει κρίνειν τὴν οἰκουμένην ἐν δικαιοσύνῃ**, *посредством предопределенного Им Мужа* – **ἐν ἀνδρὶ ᾧ ὥρισε**, *подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых* (Деян. **17**, 31).

Определив Человека Иисуса, воплощенного Бога Слово, судить мир, Бог открыл человечеству Свою конечную правду, человеколюбиво замкнув круг Своей небесной справедливости на земле; поэтому у людей не будет ни оправдания, ни повода к протесту или бунту против Божия Суда. Богочеловек, Господь Иисус Христос,– не только *начальник веры* – **πίστεος ἀρχηγός**, но и *совершитель* – **τελειωτής** веры нашей; Он – Причина, Он же – и Совершитель всего Божия совета о мире и человеке (ср.: Евр. **12**, 2; **2**, 10).

Через все свои изменения и переходы тварь спешит к своему концу. Через все дни и ночи все люди, а вслед за ними и всё мироздание, спешат к Последнему Дню, в который совершится тайна мира сего и всей человеческой истории. Все дни, как белые потоки, и все ночи, как потоки черные, с великой силой пробиваются через ущелья и пропасти бытия, устремляя за собой всю тварь к Последнему Дню, в который они сольются воедино и остановят свое течение. Все жившее и живущее в клетке времени должно будет вступить в этот свой Последний День, и нет такого существа или твари, которых поток времени не принес бы к этому финалу. В тот день время окончит свое бытие, поэтому в Откровении ему и усвояются наименования: *последний день* (Ин. **6**, 39, 40, 44; **11**, 24; **12**, 48), *великий день* (ср.: Деян. **2**, 20; Иуд. 6), а так как это Богом определенный день, *в который Он будет су-*

дить вселенную (ср.: Деян. **17**, 31), то он также называется *днем суда* — **ἡμέρα κρίσεως** (ср.: Мф. **10**, 15; **11**, 22, 24; **12**, 36; 2 Пет. **2**, 9; **3**, 7; 1 Ин. **4**, 17), *днем гнева и откровения праведного суда Божия* (ср.: Рим. **2**, 5). Но так как весь суд отдан Сыну (см.: Ин. **5**, 22) и Он в Последний День явится как Судия в Своей славе, то этот день именуется к тому же *днем Сына Человеческого* (ср.: Лк. **17**, 22, 24, 26), *днем Господним* (ср.: 2 Пет. **3**, 10; 1 Фес. **5**, 2; см. также: Ис. **2**, 12; Иез. **30**, 3; Иоил. **2**, 31; Соф. **1**, 14; Мал. **4**, 1), *днем Христовым* (ср.: Флп. **1**, 10; **2**, 16; 2 Фес. **2**, 2), *днем Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. **1**, 8; **5**, 5; 2 Кор. **1**, 14), *днем суда и погибели нечестивых человеков* (ср.: 2 Пет. **3**, 7; см. также: **2**, 9).

В этот многозначительный день Богочеловек, Господь Иисус Христос, изречет Свой последний, заключительный суд обо всей истории мира и человека, о всех людях вместе и о каждом человеке в отдельности. И как по окончании творения мира Он обозрел всю созданную тварь и обо всем вынес Свое суждение, что *хорошо весьма* (Быт. **1**, 31),— так и в Последний День Господь также осмотрит всю тварь, по завершении ее пути через историю, и провозгласит Свое решение обо всех и каждом. Тогда Он окончательно отделит добро от зла: проведет между ними непроходимую границу; тогда произнесет Он Свой непогрешимый приговор всем человеческим ценностям; тогда на абсолютно точных весах Своей Правды и Любви Он измерит все человеческие дела, мысли, чувства, желания, слова, тогда *совершится тайна Божия* — **ἐτελέσθη τὸ μυστήριον τοῦ Θεοῦ** (Откр. **10**, 7) о человеке, о твари, о мире, о вселенной; тогда все добрые и всё вообще благое унаследует вечное блаженство, вечный рай во всесладостном Царстве Сладчайшего Господа Иисуса Христа, а все злые и всё злое — вечную муку, вечный ад во всегорестном царстве вселукавых и падших ангелов.

Часть 2

Экуменизм

Исторический Богочеловек, Господь Иисус Христос, всесторонне показал, что для человеческого существа Он — всё и вся на небе и на земле: и сущность, и бытие, и жизнь, и ум, и разум, и сердце, и совесть, и благо, и добродетель, и любовь, и свет, и путь, и истина, и правда, и радость, и спасение, и воскресение, и вознесение, и вечность, и рай. Всем этим Он является через Богочеловечность, через Свое Богочеловеческое Тело — Церковь Всесвятую, Церковь Апостольскую, Церковь Святоотеческую, Церковь Священного Предания — Церковь Православную.

А вне Церкви, вне Тела Богочеловека, влачит свое существование человек со всеми своими немощами; и в нем и вокруг него: грех, смерть, диавол, а в них и вместе с ними: всякое зло, всякая болезнь, всякий порок, всякое мучение, всякое оскудение, одним словом — ад. Человек же все свои усилия и устремления, сопряженные с немалыми мучениями, прилагает к тому, чтобы как-то спасти и освободить себя от страданий, и ужасов, и вообще от всякого рода зла; стремится он к этому освобождению и через науку, и через веру, и через философию, и через культуру, и через искусство, и через земледелие, и через промышленность, и через технику... И человек оказывается своего рода мучеником на крестах, которые сам же себе постоянно изготовляет и на которых сам же себя распинает. Измыслил человек суррогатов спасения от различных мук, которыми изобилует человеческая жизнь на земле; выдумал и различные «гуманистические» теории: что-

бы спасти себя самим собою и самим собою себя осчастливить. Но вся история красноречиво свидетельствует о том, что все это напрасно. Он и впредь остается рабом различных страданий и зол и, что самое страшное, рабом смерти. Это относится к каждому человеку на этой Божией планете, а особенно — к европейцу. Поэтому и необходимо, и весьма полезно проследить развитие человека на главных путях его «гуманистических» построений.

Гуманистический и Богочеловеческий прогресс

Рассмотрите основные принципы европейского гуманистического «прогресса», его метафизику. Неужели не видите, что гуманистическая культура систематически притупляет в человеке чувство бессмертия, пока совсем его не изгладит, так что человек как представитель европейской культуры решительно утверждает: я — тело, и только тело. А это значит: я смертен, и ничего более. Так в гуманизированной Европе возобладал лозунг: человек есть существо смертное. Это формула гуманистического человека, это сущность его прогресса. Поначалу неосознанно, а затем систематически, то есть сознательно и преднамеренно — и через науку, и через философию, и через культуру,— в европейского человека вбивалось (букв. «впрыскивалось».— *Пер.*) сознание того, что человек, дескать, смертен весь без остатка. Такое сознание исподволь оформилось в постулат, гласящий: смерть неизбежна. Смерть — необходимость! Есть ли больший ужас, и оскорбление, и насмешка: самый большой для человека враг* — для человека необходим! Скажите, есть ли здесь логика, хоть малейшая, хоть детская, хоть букашечья?

---

* Ср.: *Последний же враг истребится — смерть* (1 Кор. 15, 26).— *Ред.*

Неужели европейский человек, дробимый и размалываемый на «мельнице смерти», утратил и последнюю частичку разума и впал в бред?.. Опустошен «гуманистический» человек, страшно опустошен, ибо из него выхолощено сознание и чувство личного бессмертия. А без этого разве можно назвать человека полноценным, целостным? О, как неимоверно сужен, придавлен, измельчен человек! Он превращен в низменного гуманоида, в некий обломок, осколок индивида, ибо из него изгнано всякое чувство широты и бесконечности. А без бесконечности может ли вообще существовать человек как таковой? А если и может, то имеет ли смысл такое его бытие? Разве без этого ощущения бесконечности не есть он лишь бездушная вещь среди таких же безжизненных предметов и тленное животное среди прочих подобных ему таких же зверей? Допустите парадокс: я утверждаю, что некоторые животные имеют более «высокие» чувства и более «бессмертные» желания, нежели человек в условиях европейского гуманизирующего прогресса. Сморщенный, захиревший, пригвожденный своим умом к земле и погрязший в материальном, «гуманистический» человек был вполне прав, когда устами своих мудрецов заявил, что произошел от обезьяны. А тогда почему бы ему, по происхождению причисленному к животным, не уравнять себя с ними и по морали? Разве грех и преступление не признаются в современном правосудии все более и более необходимыми для человеческой природы и неминуемыми в той или иной социальной среде? Если в человеке нет ничего бессмертного, то вся этика в конечном счете сводится к инстинктивным вожделениям. И действительно, в этическом смысле «гуманистический» человек отождествил себя со своими «предками» — обезьянами и другими зверями, так что в его жизни возобла-

дал принцип homo homini lupus est («человек человеку волк»). Иного и не могло быть, потому что лишь на чувстве человеческого бессмертия может основываться мораль лучшая, чем у животных. Ведь если ни в человеке, ни вокруг него нет ни бессмертия, ни вечной жизни, то для человека-зверя совершенно естественна и логична животная мораль: *Станем есть и пить, ибо завтра умрем!* (1 Кор. **15**, 32).

Релятивизм в философии европейского гуманистического прогресса должен как следствие был породить и релятивизм, то есть относительность, в воззрениях на нравственность, а любая относительность чревата анархизмом и нигилизмом. Отсюда следует, что вся практическая этика «гуманистического» человека и есть не что иное, как анархия и нигилизм. Ведь и первая, и второй знаменуют собой неминуемую, заключительную, апокалиптическую фазу в европейском прогрессе. Идейный анархизм и нигилизм, умственное разложение должны были проявиться в анархизме и нигилизме практическом, в сущностном распаде европейского гуманизированного человечества и его прогресса. Разве не являемся мы очевидцами идейного и прагматического анархизма и нигилизма, опустошающих европейский континент? Слагаемые европейского прогресса таковы, что, как бы мы их ни переставляли, их сумма всегда должна дать анархизм и нигилизм. Доказательство? Две мировые, а по существу европейские, войны...

Господа, глуп европейский человек, катастрофически глуп, если он способен, не веруя в Бога и в бессмертие души, верить в прогресс, в смысл жизни и трудиться ради этого. Зачем мне прогресс, если за ним нас ожидает смерть? К чему мне все далекие миры, созвездия, культуры, если за ними меня так или иначе подстерегает и

когда-нибудь проглотит кончина? Где смерть, тут и в самом деле нет никакого прогресса. А если какой-то «прогресс» и наблюдается, то он равнозначен проклятию, осуждению на мельницу смерти. Посему и подлежит он полному уничтожению, так чтобы от него не осталось никаких следов.

Эти мучения европейского прогресса увидел и художественно выразил в своей трагедии «Rossum's Universal Robots» выдающийся чехословацкий писатель Карел Чапек. Между его героями Алквистом и Еленой происходит следующий диалог:

Алквист: Есть ли у Наны какой-нибудь молитвенник?

Елена: Есть один, очень большой.

Алквист: И в нем наверняка есть молитвы на разные случаи жизни? От непогоды? От болезни?..

Елена: Да, от искушений, от наводнений.

Алквист: А нет ли от прогресса?

Елена: Уверена, что нет.

Алквист: Ах, какая досада*.

***

Гуманистическому человечеству и его прогрессу противостоит Христов человек со своим Богочеловеческим прогрессом. Основной принцип этого прогресса: человек — подлинный [человек] лишь Богом, лишь Богочеловеком; другими словами: человек делается настоящим лишь в бессмертии, лишь преодолевая всё смертное, лишь через победу над смертью. Препобеждая в себе грех и зло, Христов человек тем самым — в своем сознании и чувствах — преодолевает смерть и всё смертное и соединя-

* См.: *Чапек К.* R.U.R. (Rossum's Universal Robots) // R.U.R. Средство Макрополуса. Война с саламандрами. Фантастические рассказы. М., 1966. С. 67.— *Ред.*

ет себя с Единым Бессмертным: с Богочеловеком Христом. Сочетавшись же с бессмертным Богочеловеком, человек становится бессмертным уже на земле, ибо ум его уже мыслит Христовой мыслью, мыслью бессмертной и вечной*; и сердце его уже ощущает в себе Христову жизнь — жизнь, не имеющую конца и не подлежащую угасанию...

Как можно этого достигнуть? Верой в воскресшего Господа Иисуса Христа. Как только человек всем сердцем искренне уверует в воскресшего Богочеловека, тотчас в его душе зарождается чувство бессмертия, воскресения, ощущение того, что смерть побеждена, а вместе с ней и грех, и зло. Это чувство вдохновляет христианина на все евангельские подвиги — и он с радостью исполняет Христовы заповеди и, преисполненный [духовного] восхищения, проходит свой жизненный путь из небытия во все-бытие, из смерти в бессмертие. Как точка может распространиться во все бесконечности, так возрастает Богочеловеком и человек: весь он являет [собой] Божественную широту и необъятность, ощущая себя бессмертным и безграничным во всех клеточках своего существа. Так трагический принцип гуманистического прогресса «смерть — необходимость» заменяется радостным началом прогресса Богочеловеческого: «бессмертие — вот необходимость!»

Богочеловеческий прогресс имеет свою Богочеловеческую мораль: в нем вся человеческая жизнь направляется Богочеловеком, приемля от Него свои движущие силы. Благое — это только то, чтó Христово; вне этого нет истинного блага. Бессмертие — вот главное свойство Христова блага, поэтому оно необходимо в морали Христова человека и как чувство, и как познание, и как са-

* Ср.: *...мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2, 16).— *Ред.*

мое дело, как практика. Ощущать Господа Иисуса Христа как душу своей души и как жизнь своей жизни — в этом и заключается бессмертие человека, ибо в этом залог безмерной широты и бесконечности мысли, чувства, жизни. Для настоящего христианина бессмертие и естественно, и логично, а вместе с ним и в нем — и безграничность, и необозримая широта. В силу этого и делается возможным реальное осуществление уготованного бесконечного морального преуспеяния, морального прогресса на пути к Богу, Который есть полнота всех бесконечностей и совершенств. Поэтому логичен и естественен категорический императив Богочеловеческого прогресса: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Христов человек шествует по пути божественного совершенства, побеждая с помощью евангельских добродетелей грех и зло в себе самом и во всем окружающем мире. Он не медлит восходить из одного блага к другому, от меньшего к большему, от большего к превосходнейшему, ни на мгновение не останавливаясь на этом пути; ведь любая, даже небольшая, задержка означает духовный паралич, онемение, смерть. Каждой чистой мыслью, каждым святым чувством, каждым благим намерением и добрым словом он восходит к воскресению, к бессмертию, к вечной жизни.

Попирая грех и смерть, Христов человек проходит в этой жизни три главных этапа христианской эволюции: рождение во Христе, преображение во Христе, воскресение во Христе. Конечная цель его борьбы — воскреснуть со Христом. А это значит — победить смерть. И вот: ведь ты уже победил смерть, если всей душой уверовал во Христа, ибо Он сказал: *верующий в Меня имеет жизнь вечную... перешел от смерти в жизнь* (Ин. 6, 47; 5, 24).

Лишь верой в воскресшего Богочеловека человек начинает быть самим собой, ибо освобождается от греха и смерти и обретает чувство бессмертия. Грех — это болезнь, притупляющая, умерщвляющая, сковывающая в человеке чувство бессмертия, так что, пораженный ею, он ни чувством, ни мышлением не может достигнуть до Бога Живого и Истинного. Такой человек сродни уродцу, он — получеловек, недочеловек. Своим Воскресением Богочеловек победил грех и смерть, чтобы пробудить человека к бессмертию и вечной жизни, дабы окостенелое и зачахшее в человеке чувство бессмертия ожило и расцвело и человек ощутил бы Бога и вечную жизнь в качестве смысла своего бытия и на земле, и на небе. По существу, Богочеловеческая Церковь — это своего рода Божественная «мастерская», «кузница», в которой непрестанно омолаживается, освежается и укрепляется человеческое чувство и опытное познание личного бессмертия и бесконечности. Разве молитва, соединяя душу с Богом, не дает ей выступить за все пределы? Разве любовь не вводит душу в бессмертную жизнь, вознося ее к Богу? Разве милосердие, доброта, смирение, праведность не сочетавают человека с бессмертием, перенося его существо в Царство Христовой Истины? Не будем себя обманывать: каждой евангельской добродетелью человек постепенно одолевает в себе смерть, пока — наконец — совсем ее не победит и не достигнет уготованного бессмертия и вечной жизни.

В Богочеловеческом прогрессе человек постоянно шествует Христом как Божиим путем — через Божию Истину — в жизнь вечную и бессмертную. Всё это Своим Воскресением даровал человеческому роду Богочеловек Христос. Вся истина неба и земли, весь смысл всех созданий, вся радость всех существ преподаны человеческому роду

через Воскресение Богочеловека Христа. Поэтому Воскресение Христово — это самое судьбоносное событие в истории всего мира: от него зависит непреходящая, божественная ценность и значимость не только каждого человека в отдельности, но и всех людей вкупе.

Гуманистическая и Богочеловеческая культура

Европейская культура зиждется на человеке как на своем основании. Человеком исчерпываются ее программа и цель, ее средства и содержание. Гуманизм является ее главным зодчим. Вся она выстроена на софистском принципе и критерии: «Человек — мера всех вещей, видимых и невидимых», и причем именно европейский человек. Он — верховный творец и податель ценностей. Истина, смысл жизни, добро и зло — это именно то, что́ он провозгласит истиной, смыслом жизни, добром и злом. Говоря вкратце, европейский человек провозгласил себя богом. Разве не заметили вы, как безмерна его любовь к обожествлению себя: любит он осознавать себя богом в науке и технике, в философии и культуре, в религии и политике, в искусстве и моде, то есть ощущать себя божественным любой ценой, не гнушаясь при этом инквизиции и папизма, огня и меча, троглодитства и людоедства? Языком своих гуманистическо-позитивистских построений он провозгласил, что нет Бога. И, движимый этой логикой, сделал смелое заключение: если Бога нет, то я — бог!

Ничто так не любит европейский человек, как выдавать себя за бога, хотя в этой вселенной он как мышь в

мышеловке. Дабы как-то показать и удостоверить свое божественное достоинство, он заявил, что нет «того света», что все миры над нами пусты, без Бога и без небесных живых существ. Во что бы то ни стало стремится он овладеть природой, подчинить ее себе, посему и предпринимает систематическое в нее вторжение, называя этот рейд культурой. В это свое наступление на природу он ввел свою философию и науку, свою религию и этику, свою политику и технику. Ему удалось отшлифовать какой-то участок внешней оболочки материи, но он его не преобразил. Сражаясь с материей, человек оказался не в силах придать ей человеческие черты, но зато она сумела ограничить человека, низведя его к себе, так что человек лишился широты и весьма измельчал. И теперь он, заключенный в вещество, осознаёт себя лишь материей, и не более.

Знаете ли, кто победил? Победу одержала ирония, ведь культура сделала человека прислугой материального, невольником вещей. Истина очевидна: европейский человек рабствует вещественному, но не владычествует над ним как бог. Самозваный бог низкопоклонствует перед вещами, перед этими идолами, которых сам же и изготовил. В своем походе против всего сверхъестественного он плодами собственной культуры исказил все идеалы, переиначил все над-материальные чаяния, заменив ими и небо, и душу, и бессмертие, и вечность, а также и Бога Живого и Истинного. И возвел культуру в божественное достоинство. Ибо на этой помраченной планете человек не может выстоять и утвердиться без бога, без какого бы то ни было абсолюта, пусть даже ложного,— в этом вся роковая ирония так устроенного человека.

Разве не замечаете, что европейский человек в своей культуромании превратил Европу в фабрику идолов? Божком стал почти каждый предмет культуры. Посему

наше время — это прежде всего и более всего эпоха идолопоклонства. Ни один континент так не наполнен истуканами, как Европа наших дней. Нигде так не пресмыкаются перед материальным и не живут для вещей и ради вещей, как в Европе. И к тому же это идолослужение в худшем виде, ибо оно представляет собой почитание глины, пыли. Скажите, разве не поклоняется человек розовому брению, когда самозабвенно любит свое земляное, тлеющее тело и упрямо твердит: я — тело и ничего, кроме тела? И разве не чтит человек тот же самый розоватый прах, когда своим идеалом провозглашает класс, или народ, или всё человечество?

Европа, несомненно, страждет не от атеизма, а от политеизма (многобожия). Потеряв истинного Бога, она захотела насытить свою жажду «бога» созданием многих ложных божков, идолов. И причем творила она их из всего, что только представлялось ее глазам: из науки и ее гипотез, из техники и ее открытий, из религии и ее деятелей, из политики и ее партий, из моды и ее манекенов. А посреди всего этого сборища истуканов на вселенский трон эгоизма посадила она европейского человека, европейского далай-ламу.

По существу, европейская культура — это фетишизм, достигший стадии вампиризма, фетишизм в европейской подаче, в европейском костюме. «Погоня за вещами», «гурманство в потреблении чего бы то ни было» — вот отличительные черты европейца. Фетишистская метафизика европейской культуры практически выражается в фетишистской этике. Для древнего языческого фетишизма было характерно людоедство. Но разве то же самое не характерно для нового — европейского — фетишизма? Только это людоедство замаскировано, сокрыто под «культурными» наслоениями. Разве европейская культура устами своей науки не провозгласила главным прин-

ципом жизни борьбу за самосохранение? Что это, если не призыв к пожиранию друг друга? Не означает ли это следующее: человек, борись за самовыживание всеми средствами, а если нужно — то и поглощай себе подобных! Ведь главное — сохранить и утвердить в жизни самого себя! А каким образом — это не подпадает под контроль совести. Жизнь — это бойня, на которой сильнейший имеет право заколоть слабейшего. Более того, слабейшие индивиды суть материал для сильнейших. Если ни Бога, ни бессмертия нет, то человеку в целях самосохранения разрешено всё. Дозволены грехи, зло, преступление. Позитивистская наука провозгласила, что все случающееся происходит по естественным законам. А в природе верховенствует закон необходимости. Именно он и господствует над людьми: над их мыслями, чувствами, стремлениями, поступками. Когда люди грешат, они-де грешат в силу неизбежности. Человек, ты не виновен даже в самом тяжком своем злодеянии, ибо ты все делаешь по естественной необходимости... Не удивляйтесь! — грех не может существовать в понятиях того человека, для которого не существует Бога, ибо грех — это грех перед Богом*. Если же Бога нет, то нет и греха, как вообще нет ни зла, ни преступления.

Метафизический нигилизм европейской культуры, выраженный принципом «Бога нет», должен был найти свое отражение в нигилизме практическом, принцип которого — «Нет греха, всё дозволено»! Обратите внимание: своей философией и наукой, своей техникой и политикой европейская культура систематически выдавливает из человека вечное и бессмертное, виртуозно парализуя в нем самоё чувство бессмертия, угнетая и сужая его душу, пока не сведет ее к нулю.

* Ср.: *Тебе Единому согреших...* (Пс. 50, 6).— *Ред.*

Нужно избавиться от Бога — таковы явные и сокровенные чаяния многих столпов европейской культуры. Они пытаются осуществить их через «гуманизм» и «ренессанс», через натурализм Руссо и безудержный романтизм, через позитивизм и агностицизм, через рационализм и волюнтаризм, через парламентаризм и революционность. А самые смелые из них бросили лозунг: «Надо убить Бога!» И наконец, самый последовательный архитектон и самый искренний протагонист европейской культуры — Ницше — с вершины пирамиды человекомании и эгоизма возвестил: «Бог умер!»

Если нет ни вечного Бога, ни бессмертной души, то нет и ничего абсолютного, всеценного, всезначимого, но всё относительно, тленно, смертно. И действительно, изгнаны абсолютные ценности и воцарены относительные. Без сомнения, относительность — это логика, природа и душа гуманизма. Теория относительности Эйнштейна — это финальный, суммарный результат гуманизма и всех его философских, научных, технических и политических ответвлений. И не только это, но в своем конечном выражении гуманизм есть не что иное, как нигилизм.

Немецкий философ Карл Йоэль* так описывает кризис европейского духа: «Нашему миросозерцанию недостает порыва к целому вообще и смысла перед абсолютным. Не хватает нам целостности восприятия, а за ее недостатком ослабевает и величайшая сила веры; в нашей морали нет волевых персонажей; в нашей истории нет таких фигур, в лице которых находили бы свое выражение весь народ и вся эпоха в теснейшей и неразрывной связи. Скудна у нас великая поэзия, потому что наша фантазия, отторгнутая от космического целого, хватает-

* Карл Йоэль (1864–1934) — немецко-еврейский философ, профессор из Базеля, почитатель Ницше.— *Ред.*

ся лишь за что-то незначительное, а с величественным только заигрывает; ведь наши поэты уже не обладают тем вселенским чувством классиков, которое придавало их поэзии высшее звучание, а их образам — внутреннее оправдание. Есть у нас одно только безмерно пьянящее художество тона без мелодичности, роскошнейший пафос без устоявшихся обычаев и характеров, самая пестрая инструментовка, иллюстрирование, инсценировка, искуснейшая техника без души. Есть у нас авторитетнейшая, выдающаяся среда, и богатейшая сцена, и живейшее действие без героев, с одними только массами и марионетками. Есть у нас и режиссура как искусство сильнейшего эффекта, как искусство создания явлений без сущности. Есть, наконец, и богатая как никогда жизнь, но она лишена покоя и законченности, внутренней гармонии, потому что ей недостает смыслового тяготения к целостности, к примирению мира и человека. Так кризис философии становится кризисом эпохи».

Да, именно так: гуманизм не мог не развиться в нигилизм. Да и может ли человек не стать нигилистом, если он не признаёт никаких безусловных ценностей? Доведите эту логику до конца — и вы придете к выводу, что релятивизм — отец анархизма. Ведь если все существа относительны, то ни одно из них не имеет права навязывать себя другим. А если попытается, то это выльется в войну на уничтожение. Если же все ценности относительны, то какое право имеет какая-либо из них провозглашать себя величайшей и главенствующей? Если в человеческом мире нет ничего абсолютного, то не существует ни иерархии существ, ни иерархии ценностей; налицо лишь анархия.

И действительно, нигилизм и анархизм суть логический финал европейской культуры, неизбежная конечная форма европейского гуманизма и релятивизма. Реаль-

ность этого оспаривать не приходится. Гуманизм неминуемо эволюционирует в атеизм, проходит через анархизм и завершается нигилизмом. Если кто-то сегодня атеист, то знай, что — если он последователен — завтра он будет анархистом, а послезавтра нигилистом. А если кто-то нигилист — то знай, что пришел он к нему от гуманизма через атеизм.

Что остается от человека, когда из его тела выйдет душа? Труп. А что от Европы, если Бог покинет ее организм? То же самое. Изгнали Бога из космоса, разве не стало там всё мертвым? Чтó есть человек, отрицающий душу в себе и в окружающем его мире? Не что иное, как глина в униформе, как ходячий бренный гроб. Результат поражает: влюбленный в вещи европейский человек в конечном итоге и сам стал вещью. Его личность обесценена и разрушена, остался лишь вещественный субъект. Нет больше целого, интегрального, бессмертного, богообразного человека; видны лишь его осколки, телесная оболочка, из которой изгнан бессмертный дух. Правда, вся эта «поверхность» отполирована, вычищена до блеска, разрисована, но всё-таки она не более чем внешний покров. Европейская культура обездушила, овеществила, механизировала человека. Она похожа на чудовищную машину, поглощающую людей и перерабатывающую их в бездушные предметы. Финал до невыносимости тягостен и потрясающе трагичен: человек — лишь безжизненный сгусток материи среди подобных себе мертвецов.

***

Такова в общих чертах культура европейского человека. А какова культура евангельского, исторического, православного Богочеловека, Господа Иисуса Христа? На чем она основывается? Она всецело утверждается на

Личности Богочеловека Христа. Бог стал человеком, чтобы человека воздвигнуть до Бога. Вот начало и конец, между которыми развивается православная, Богочеловеческая культура. Ее девиз: да будет Богочеловек во всем первым,— не только Бог и не только человек, но Богочеловек. Здесь олицетворено и осуществлено самое тесное единство Бога с человеком: здесь ни Бог не умаляется за счет человека, ни человек за счет Бога. Здесь достигается идеальное равновесие и осуществляется совершенная гармония между Богом и человеком. Через соединение с Богочеловеком человек достигает полноты и совершенства своей личности. Богочеловечность — единая категория, в которой проявляется вся многогранная деятельность православной культуры, имеющая в Богочеловеке свое начало, а свое завершение — в идеальном, совершенном, обóженном человеке. В центре всех миров стоит Богочеловек Христос; Он — стержень, вокруг которого обращаются все горние и дольние миры. Он — тáинственное средоточие душ, к которому тяготеют все души, алчущие вечной Истины и Жизни. Он — Светоч и Путевождь; Он — источник всех творческих сил православной Богочеловеческой культуры. Здесь действует Бог, а человек Ему со-действует; Бог созидает человека, человек созидается Богом; здесь продолжается Божественное творчество, и причем не без помощи человека. Для этого человек приводит в действие все божественное в себе, направляя его на устроение бытия, на благо жизни. В этом созидательном творчестве находит свое выражение и деятельно участвует все Божественное не только в человеке, но и в окружающем человека мире; при этом действует все Божественное, а все человеческое ему со-действует. Но для успеха этого со-работничества Богу человек должен навыкнуть мыслить Богом, чувствовать Богом,

жить Богом, созидать Богом. И во всем этом нам открывается цель православной культуры.

Какова цель православной культуры? Как можно больше Божественного внести и реализовать в человеке и в окружающем его мире; другими словами — воплотить Бога в человеке и в мире. Поэтому православная культура — это непрестанное служение Христу Богу, непрестанное Бого-служение; человек служит Богу через себя и через всю тварь; он последовательно и целенаправленно вносит Божие в каждое свое дело, в любое творчество; он пробуждает все Божественное в окружающей его природе, чтобы вся природа служила Богу, предводимая жаждущим Христа человеком. Таким образом, вся тварь участвует во всеобщем Бого-служении, ибо человеку, который служит Богу, со-служит природа.

Богочеловеческая культура преображает человека изнутри, причем процесс преобразования здесь идет от внутреннего к внешнему; культура преобразует душу, а через посредство души — и тело. Тело для нее — близнец души, душой живущий, движущийся и существующий. Извлеките из тела душу; что останется, как не смердящий труп? Богочеловек же преображает в первую очередь душу, а затем и тело. Преображенная душа преображает тело, преображает материю.

Цель Богочеловеческой культуры — преобразить не только человека и человечество, но через них и всю природу. Но как эта цель достигается? Только Богочеловеческими средствами: евангельскими добродетелями: верой и любовью, надеждой и молитвой, постом и смирением, кротостью и состраданием, любовью к Богу и к ближнему. В подвиге этих добродетелей созидается Богочеловеческая, православная культура. Проходя этот подвиг, человек перерабатывает свою душу из безобраз-

ной в прекрасную, из мрачной в светлую, из грешной в святую, из темноликой (темно-образной) в богообразную. А к тому же и свое тело он переустрояет в храм, вмещающий его богообразную, Христо-образную душу.

В подвиге евангельских добродетелей человек приобретает власть над собой и над окружающей его природой. Изгоняя грех из себя и из окружающего мира, человек изгоняет и дикую, разрушительную силу, полностью преображает себя и мир, укрощает природу и в себе, и вокруг себя. Лучшие примеры тому — святые: освятив, преобразив себя подвизанием в евангельских добродетелях, они освящают и преображают окружающую их природу. Было много святых, которым служили дикие звери и которые одним своим появлением укрощали львов, медведей и волков. Их обращение с природой молитвенно, мягко, кротко, сострадательно, нежно, не грубо, не сурово, не враждебно, не дико.

Не внешнее, насильственное, механическое навязывание, а внутреннее, добровольное, личное усвоение Господу Иисусу Христу в непрестанном подвиге христианских добродетелей созидает Царство Божие на земле и творит православную культуру. Ибо Царство Божие приходит не внешними, видимыми, а внутренними, духовными, незримыми путями. Спаситель говорит: *не придет Царство Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. **17**, 20–21); оно внутри в душе, Богом сотворенной и богообразной, в душе, освященной Духом Святым. Ибо *Царствие Божие — праведность и мир и радость во Святом Духе* (ср.: Рим. **14**, 17). Да, во Святом Духе, а не в духе человеческом. Оно может пребывать в человеческом духе лишь настолько, насколько человек исполнит себя Духом Святым с помощью евангельских

добродетелей. Поэтому самая первая и самая большая заповедь православной культуры — это: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33), то есть приложится вам все потребное для поддержания телесной жизни: пища, одежда, жилище (см.: Мф. 6, 25–32). Все это лишь приложение к Божию Царству, между тем культура Запада стремится приобрести прежде всего именно его. В этом [состоит] ее язычество (букв. «неведение Бога».— *Пер.*), ибо, по слову Спасителя, как раз этого прибавления страстно желают в первую очередь язычники*. В этом и ее трагизм, потому что, заботясь о вещах, она истощила душу. А безгрешный Господь раз и навсегда засвидетельствовал: *не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 25, 32–33; ср.: Лк. 12, 22–31).

Огромен перечень потребностей, которые жадно выдумывает современный человек. Для удовлетворения же этих бессмысленных нужд люди нашу дивную Божию планету превратили в бойню. А человеколюбивый Господь уже давно возвестил, что такое *единое на потребу* для каждого человека и для всего человечества. Что же это такое? Богочеловек Иисус Христос и все, что Он с Собой приносит: Божественная истина, Божественная правда, Божественная любовь, Божественная благость, Божественная святость, Божественное бессмертие, Божественная вечность и вообще все Божественные совершенства. Вот что такое *единое на потребу* для человека и всего человечества, а все прочие человеческие потребно-

* См.: Мф. 6, 32.— *Ред.*

сти в сравнении с этим настолько незначительны, что почти и не оправданы (см.: Лк. **10**, 42).

Если человек по-евангельски серьезно задумается над тайной своей жизни и над загадкой окружающего мира, то должен будет прийти к выводу, что самая насущная потребность — это отказаться от всех нужд и решительно пойти вслед за Господом Иисусом Христом, соединяясь с Ним в евангельских подвигах. Если же он этого не сделает, то останется духовно бесплодным, лишенным смысла, безжизненным; душа его начнет иссыхать, дробиться, разлагаться; исподволь он будет мертветь, пока в конечном итоге не умрет весь без остатка. Ибо Божественные уста Христовы изрекли следующую истину: *Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают* (Ин. **15**, 4–6).

Лишь через духовное, органическое единство с Богочеловеком Христом человек может продлить свою жизнь в жизнь вечную и пролить свое бытие в бытие, не имеющее конца. Человек Богочеловеческой культуры никогда не одинок; когда он мыслит — мыслит Христом, когда что-то делает — делает Христом, когда чувствует — чувствует Христом. Одним словом — он непрестанно живет Христом Богом. Ведь что такое человек без Бога? В начале полу-человек, а в конце — не-человек. Лишь в Богочеловеке человек обретает полноту и совершенство своего бытия, находит свой Первообраз, свою бесконечность и необъятность, свое бессмертие и вечность, свою абсолютную ценность и значимость. Господь Иисус Христос единственный среди людей и всех про-

чих существ провозгласил человеческую душу величайшей драгоценностью всех горних и дольних миров. *Какая польза человеку*,— спрашивает Спаситель,— *если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. **16**, 26).

Все звезды и планеты не стóят того, сколько одна душа. Если же человек растратит свою душу в грехах и пороках, то не сможет ее выкупить, стань он и господином всех звездных систем. Здесь человеку оставлен только один-единственный выход, другого нет. Вот этот выход: Богочеловек Христос; только Он спасает человеческую душу и уготовляет ей бессмертие и вечность. Вещами же душа не обеспечивает себя, а лишь порабощается. Богочеловек же избавляет человека от мучительства вещей. Над Христовым человеком вещи не имеют власти, напротив — он владычествует над ними. Он определяет истинную ценность всех вещей, потому что обо всех вещах судит так, как это делал Христос. А так как в возвещенной Христом иерархии ценностей человеческая душа стóит несравнимо больше, чем все прочие существа и предметы, то православный человек всю свою заботу и внимание посвящает именно душе. Ведь православная культура — это прежде всего культура души.

«Человек велик только Богом» — вот лозунг Богочеловеческой культуры. Человек без Бога есть не более чем семьдесят килограммов кровавого брения. Ведь что такое люди без Бога, если не гробы еще прежде той могилы по исходе из жизни. Европейский же человек приговорил к смерти и Бога, и душу. Но тем самым не осудил ли он и себя самого на смерть, после которой нет воскресения? Сведите подлинный и беспристрастный баланс европейской философии, науки, политики, культуры, цивилизации — и вы обнаружите, что в европейском человеке они убили Бога и бессмертие души. Ведь

если серьезно взглянуть на всю драму человеческой истории, то можно убедиться в том, что богоубийство всегда оканчивается самоубийством. Вспомните Иуду. Сперва он убил Бога, а затем и себя уничтожил. В этом — неумолимый закон, царствующий над хроникой бытия нашей планеты.

Здание европейской культуры, построенное без Христа, должно разрушиться, очень быстро пасть,— это проникновенно предвидел Достоевский за сто лет до нашего времени, а также и печальный Гоголь более века тому назад... Ведь на наших глазах сбываются эти предсказания славянских пророков. Десять столетий строится европейская вавилонская башня, и вот пришла наша участь — лицезреть эту жуткую картину: мы видим, что построен огромный нуль! Наступило общее замешательство: один человек не понимает другого, душа не разумеет душу, один народ утратил здравое отношение к другому. Восстал человек на человека, царство на царство, народ на народ и даже континент на континент*.

Европейский человек поднялся на головокружительную высоту, ставшую для него роковой. На вершину своей вавилонской башни он возвел сверхчеловека и хотел завершить им свое здание, но сверхчеловек сошел с ума перед самой вершиной и сорвался с башни; а вслед за ним начала разваливаться и крошиться — в войнах и революциях — и сама башня. Homo europaeicus должен был лишиться рассудка перед лицом финала своей культуры: богоубийце надлежало стать самоубийцей. Wille zur Macht (воля к власти)** превратилась в Wille zur Nacht (волю к ночи). Ночь, беспросветная ночь легла на Евро-

* Ср.: Мф. 24, 7.— *Ред.*

** Выражение немецкого философа Ф. Ницше (1844–1900) — один из постулатов его философии.— *Ред.*

пу. Рушатся европейские идолы, и недалек тот день, когда не останется камня на камне от западной культуры, строящей города и разрушающей души, обожествившей тварь и отвергшей Творца...

Влюбленный в Европу русский мыслитель Герцен долго в ней жил, но под закат жизни, сто лет тому назад, написал: «Достаточно долго изучали мы червоточный организм Европы; во всех слоях, всюду видели мы признаки смерти... Европа приближается к страшной катастрофе... Политические революции рушатся под тяжестью своей немощи; они совершили великие дела, но не выполнили своей задачи, разрушили веру, но не осуществили свободы; разожгли в сердцах желания, которым не суждено было сбыться... Я первый бледнею и страшусь грядущей ночи... Прощай, умирающий мир! Прощай, Европа!»

Пусто небо, нет на нем Бога; опустошена и земля, нет на ней бессмертной души; европейская культура всех своих рабов превратила в мертвецов (в сербском языке игра слов: «робле» – «гробле».– *Пер.*). И сама стала кладбищем. «Я хочу ехать в Европу,– говорит Достоевский,– и знаю, что поеду на кладбище»...

До Первой мировой войны гибель Европы предчувствовали и предсказывали только печальные славянские провидцы. После нее это замечают и ощущают и некоторые европейцы. Самым смелым и искренним среди них, несомненно, был Шпенглер, потрясший мир своей книгой «Untergang des Abendlandes»*. В ней он всеми средствами, которые только могли предоставить в его распоряжение европейская наука, философия, политика, тех-

* «Закат Европы» – известная работа немецкого философа О. Шпенглера (1880–1923) (на рус. языке впервые издана в 1918–1922 гг.).– *Ред.*

ника, искусство, религия, показывает, что Запад клонится к упадку и близок к погибели. Со времени Первой мировой войны Европа испускает предсмертный хрип. Западная, или фаустовская, культура, зародившаяся, по Шпенглеру, в десятом веке по Рождестве Христовом, ныне тлеет и разлагается, дабы окончательно погибнуть в конце двадцать второго века. Вслед за европейской культурой, рассуждает Шпенглер, грядет культура Достоевского, культура Православия.

С каждым новым культурным веянием европейский человек все быстрее цепенеет и обмирает. Влюбленность европейского человечества в себя — вот та могила, из которой оно не хочет, а потому и не может воскреснуть; пылкая любовь к собственному разуму — вот та роковая страсть, которая опустошает европейское человечество. Единственное спасение от этого — Христос. Так утверждает Гоголь. Но мир, усыпанный мириадами блесток, расточающих его помыслы во все стороны, не имеет сил к непосредственной встрече со Христом.

Тип европейского человека обанкротился перед основной проблемой жизни; православный же Богочеловек разрешил их все до единой. Европейский человек решил проблему жизни нигилизмом; Богочеловек — вечной жизнью. Для европейского дарвинистско-фаустовского человека главное в жизни — самосохранение; для человека Христова — самопожертвование. Первый говорит: «Жертвуй другими ради себя!» А второй: «Жертвуй собой ради других!» Европейский человек так и не решил злополучный вопрос о смерти; Богочеловек же разрешил его — Воскресением.

Несомненно, принципы и движущие силы европейской культуры и цивилизации являются христоборческими. Долго вырабатывался тип европейского человека, пока не заменил он Богочеловека Христа своей

философией и наукой, своей политикой и техникой, своей религией и этикой. Европа использовала Христа «лишь как мост из варварства некультурного в варварство культурное, то есть из варварства неискусного в варварство изощренное»[44].

В моих выводах о европейской культуре есть много грозных предвестий. Но пусть это вас не удивляет, ибо мы говорим о самом катастрофическом периоде человеческой истории, об апокалипсисе Европы, ужасы которого сокрушают ее тело и дух. Несомненно, вся Европа словно заминирована вулканическими противоречиями, которые, если их не устранить, могут вскоре взорваться и окончательно уничтожить европейскую культуру.

Гуманистическое и Богочеловеческое общество

Если европейский континент и будет чем-либо знаменит в истории нашей планеты, то, вероятно, тем, что сумел поставить многочисленные вопросы, но ни один из главных вопросов оказался не в состоянии разрешить на благо всего человеческого рода. Сюда относятся прежде всего так называемые социальные вопросы. Пытаться их решать стало манией чуть ли не всех европейцев. Но позвольте спросить: кто решает их без огня и меча, без инквизиции и костров? Перед этими вопросами, равно как и перед проблемой самого человека, европеец цепенеет в замешательстве и поддается отчаянию, нередко переходящему в безумие. Почему? Потому что общественные пороки, если разложить их на основные элементы, суть не что иное, как те же пороки личности, лишь умноженные на число всех составляющих это общество индивидов. Индивид — в силу того, что он человек и член общества — вносит в последнее свое психофизическое содержание и проблематику. Но проблематика человека и человечества в своей основе одна и та же. Вопросы истины и справедливости, жизни и смерти, добра и зла, вечности и бессмертия, неба и земли мучают и человека, и человечество. Но в первую очередь — человека как индивидуума, а затем и человечество как коллектив. Напрашивается

логичный вывод: разрешивший проблему человека разрешит и проблему общества, каким бы последнее ни было, от самого малочисленного до самого многочисленного: от семьи до человечества в целом.

Решая проблемы человека и общества в «гуманистическом» направлении, Европа впадала в две крайности: или за счет общества недооценивался, не замечался, отрицался, не получал должного внимания человек, или же все это терпело общество за счет человека. Нам же — при решении этих проблем — всегда желательно достижение полной справедливости и для человека, и для общества,— такой справедливости, в которой бы всегда сохранялось равновесие между божественными ценностями человека и непреходящими ценностями общества. Мы мечтаем о таком обществе, в котором будут соблюдаться божественная неприкосновенность и божественное величие человеческой личности, в котором человек не будет недооценен, обезображен, изуродован, механизирован, роботизирован ни за счет класса, ни за счет нации, ни за счет государства, ни за счет культуры, ни за счет цивилизации, ни за счет науки, ни за счет религии. Мы желаем такого общества, в котором и личность, и общество дополняют, поддерживают друг друга, растут и совершенствуются одно при посредстве другого; в котором каждый духовно соединен со всеми и все с каждым; в котором каждый живет во всех и всеми и все живут в каждом и с помощью каждого. А это значит, нам нужно общество, являющее собой единый организм, одно тело, в котором каждый член этого общества — органическая часть этого тела: ты — глаз, он — рука, я — нога, и ни один не может сказать другому: ты мне не нужен, я могу обойтись без тебя*. Чтобы рука работала, ей нужен глаз, который бы

* Ср. у апостола Павла (1 Кор. 12, 14–27) и у аввы Дорофея (Душеполезные поучения и послания. Поучение 6). Согласно

ее направлял, и нога, которая бы ее носила; и опять-таки глазу, чтобы видеть, необходима рука, которая бы его кормила, и нога, которая бы его носила; равно как и чтобы ходить, ноге нужен глаз, который бы ее руководствовал, и рука, которая бы ей помогала. В организме такого общества все мы являемся как бы органическими частичками, большими и малыми, видимыми и невидимыми; причем все они живут одна подле другой и с помощью другой: каждая помогает всем и все каждой. Как и в теле: чтобы на голове росли волосы, им помогает все тело, а они, выполняя свою функцию, защищают голову. Рассмотрите человеческое тело: в нем нам представлен лучший образец общества, дружества, со-трудничества, единства, взаимного служения ближнему: каждая его клеточка служит всем и все каждой; мизинцу на руке служит такой тончайший орган, как глаз, и еще более утонченный — мозг, но и мизинец в свою очередь служит и глазу, и мозгу. Чем важнее член тела, тем более ответственную функцию он выполняет и служит всему менее значительному в теле. Сердце — самый важный орган тела, но оно же и самый преданный раб всего тела, непрестанно служащий и каждой отдельной молекуле тела, и всему телу в совокупности.

Не удивляйтесь этому; так устроено и согласовано тело: большее в нем для того и больше, чтобы служить меньшему. Разве не видите, что главная добродетель, регулирующая все отношения в человеческом теле,— это смирение: большее смиряется перед меньшим, служа ему; и чем важнее член, тем больше он смиряется! Так и в нашем идеальном обществе, как мы его представляем: больший служит меньшему, ученый — некнижному, мудрый — простому,

---

последнему, христианское сообщество есть как бы одно тело, члены которого служат друг другу по мере своих дарований (*Преподобный авва Дорофей.* Душеполезные поучения и послания. М., 2003. С. 120–121).— *Ред.*

богатый — бедному; величайший тем велик, что добровольно служит всем. Все совершается по тому Божественному и естественному закону, возвещенному Богочеловеком: *кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф. **20**, 26–27). Почему? Потому что это — закон и для самого совершенного Человека, Богочеловека Христа, Который *не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф. **20**, 28). И действительно, разве есть для человеческого рода больший слуга, чем кроткий Богочеловек? *Я посреди вас, как служащий* (Лк. **22**, 27),— открывает Он Своим последователям; как служащий, Который, служа вам смиренно, научает вас Божественной истине, Божественной правде, Божественной любви, Божественной благости, Божественной силе,— дабы вы постигли и могли победить грех, зло и смерть и стать божественно добрыми, бессмертными и вечными. Не только как воплощенный человек, но и как Бог Слово, Он непрестанно служит людям: солнцем, воздухом, светом, всей природой, всей вселенной; служит им терпеливо и смиренно, чтобы так или иначе научить их этому главному и высшему космическому Божественному закону: больший да служит меньшему с радостью и кротостью. Поэтому Его уста и изрекли такие слова об этом законе: *кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий... ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. **22**, 26; **18**, 14). Все от начала до конца Евангелие Богочеловека есть не что иное, как совершенная иллюстрация этого космического Божественного закона или, лучше сказать, закона универсального, всеобъемлющего.

Не кажется ли вам, что этим евангельским законом Богочеловек идеально и в то же время реально решает

проблему человека и человечества, личности и общества? Ведь человек и человечество, личность и общество не только созданы и состоят из одного и того же психофизического материала, но и одна цель, одна целесообразность пронизывает, проникает все их существо, словно струясь и растекаясь по нему. Если их цели не совпадают, то между ними зияет пропасть и их раздирают непримиримые противоречия. Лишь единство цели делает возможным идеальное решение проблемы личности и общества. Но какой цели? Разумеется, не какой-то временной, конформистской, конъюнктурной, утилитарной, но — непреходящей, бессмертной, судьбоносной, сопровождающей человека повсюду, где бы тот ни находился. Это та бессмертная, вечная цель, поставленная Богочеловеком и взятая Им из богообразной сущности человеческой природы. В чем она заключается? В том, чтобы воплотить Бога и все Божественные совершенства в человеке и человечестве, в личности и обществе.

Возможно ли это? Да, возможно, ибо, во-первых, человек — существо богоподобное, а во-вторых, Бог Слово через воплощение воспринял человека и как Богочеловек показал, как божественно и идеально совершенен и в то же время по-человечески реально естественен человек, в котором воплотился Бог со всеми Своими Божественными совершенствами. И еще нечто: Богочеловек приносит и дарует людям Божественнные добродетели и силы, так что каждый человек при желании может во всей полноте воплотить в себе Бога и все Божественные качества. Осуществляя эту цель, люди претворяют себя в существа бессмертные и становятся членами неумирающего Богочеловеческого общества — Богочеловечества. Как из человека логически и естественно проистекает и развивается человечество, так из Богочеловека логически и естественно проистекает и развивается Богочеловечество. В этом Бо-

гочеловеческом обществе люди как бессмертные существа живут и действуют по евангельским законам, имеющим силу и на земле, и на небе. Люди же, о которых идет речь,— это единственная на нашей планете общность настоящих бессмертных богоносцев и тех, которые по крайней мере стремятся стать такими, есть не что иное, как Его Богочеловеческое Тело — Его Святая Церковь.

Переведите дух, мы уже вошли в святилище Богочеловеческой философии общества. Это новое, Богочеловеческое, сообщество нисколько не похоже на те, которые теоретически и практически предлагает вам гуманистическая социология европейского человека. В этом Богочеловеческом обществе все сводится к животворящей Личности Богочеловека Христа как к величайшей Ценности. Все прочие ценности, как индивидуальные, так и социальные, источаются из Нее, точно лучи из солнца. Не стоит заблуждаться: Православие есть Православие лишь Богочеловеком, ибо и христианство — христианство лишь Богочеловеком,— в этом его исключительное значение, и ценность, и сила. Господь Иисус Христос Себя Самого, Свою Богочеловеческую Личность оставил как Церковь, и потому Церковь есть Церковь только Богочеловеком и в Богочеловеке. Все евангельское, православное стекается в одну грандиозную, всеохватывающую истину: Богочеловек — это сущность, цель, смысл и высшая ценность Церкви; или, точнее, Церковь — это Богочеловек Иисус Христос, продолженный на века. Богочеловек — Глава Тела Церкви, одна-единственная Глава. Тело Церкви возрастает Им во все бесконечности Божественной жизни: преуспевает ростом Божиим в меру возраста Богочеловеческой полноты, ибо всё через Него и для Него создано. Своей Божественной силой Он всех членов Церкви таинственно руководствует к обожению, к сочетанию с Собой, ведь смысл и цель бытия Церкви —

это Богочеловеческой верой и подвигами всё привести в меру полного возраста Христова, всё обогочеловечить.

Вы чувствуете, что я говорю о Православной Церкви. Что́ есть ее сущность? Богочеловек Христос. Поэтому все православное: и познание, и чувство, и воля, и мышление, и жизнь, и общество — носит Богочеловеческий характер. Бог во всем на первом месте, человек — на втором; Бог путеводствует, человек путеводится; Бог действует, человек со-действует. И причем это не некий трансцендентный, абстрактный, умозримый Бог, но Бог непосредственной исторической реальности: Бог, ставший человеком, живший в категории нашей человеческой жизни и во всем явивший Себя абсолютно безгрешным, абсолютно святым, абсолютно благим, абсолютно праведным, абсолютно истинным. Он стал человеком, оставаясь Богом, дабы как Бог наделить человеческое естество теми Божественными силами, которые приводили бы людей к самому тесному, Богочеловеческому единству с Богом. Эти Его Божественные силы непрестанно действуют в Его Богочеловеческом Теле — Церкви, соединяя людей с Богом через благодатную и святую жизнь. Ведь Церковь — это чудотворящий Богочеловеческий организм, в котором при взаимном содействии Божией благодати и свободной человеческой воли обретает бессмертие и живет подобно Богочеловеку все человеческое, все — кроме греха. В Богочеловеческом организме Церкви каждый верующий — это живая клеточка, его составная частичка, бытийствующая его животворящей Богочеловеческой силой. Ибо, по православному пониманию, быть членом Церкви — значит совоплотиться Богочеловеку, стать Его сопричастником, то есть органическим компонентом Его Богочеловеческого Тела; одним словом — сделаться подобным Богочеловеку во всецелой реальности своей человеческой личности.

Вот основные принципы православной философии общества: во всем и по всему Церковь есть прежде всего Богочеловеческий организм, а затем — Богочеловеческая организация. Из этого логически следует и ее Богочеловеческое служение в мире, цель которого — все Богочеловеческое: Христову любовь, Христову правду, Христову благость, Христову премудрость, Христово смирение и вообще все Христовы добродетели — воплотить в человеке и человечестве. Ведь при их содействии Христос вселяется в человека и воплощается в нем. И такой человек живет Христом: Христом мыслит, чувствует, действует. Откуда у него такие силы? От Самого Христа, как свидетельствует об этом святой апостол Павел: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4, 13). Человек православной веры, имея бытие в Богочеловеческом организме Церкви, всегда живет в сообществе *со всеми святыми* (Еф. 3, 18), та́инственно ему помогающими исполнять евангельские заповеди. Посему член Православной Церкви живо ощущает, что он — одной веры с апостолами, мучениками и святителями всех веков, что они — вечно живые и что через всех святых одновременно просачивается одна и та же Богочеловеческая сила, одна и та же Богочеловеческая жизнь, одна и та же Богочеловеческая истина. Прошлое в Церкви неотъемлемо от современности, ибо Богочеловек Христос, Который *вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8), непрестанно обитает в Своем Богочеловеческом Теле той же истиной, той же святостью, той же благостью, той же жизнью — все минувшее всегда делая настоящим. Поэтому православно верующий никогда не один, но всегда в сообществе всех святых членов Церкви. Когда он о чем-то размышляет, его мысль пронизывает страх и молитвенный трепет, потому что он знает, что в этом процессе мышления та́инственным образом участвуют все святые. Православ-

ные тем православны, что постоянно носят в себе это чувство Богочеловеческой соборности, возгревая и охраняя его молитвой и смирением. Они никогда не проповедуют самих себя, избегают хвалиться чем-то человеческим, удаляются от человекоугодия и не делаются идолопоклонниками гуманизма. На всех своих путях они исповедуют и проповедуют не человека, а Богочеловека, руководствуясь следующим принципом: Богочеловеческие, евангельские цели достигаются лишь Богочеловеческими, евангельскими средствами. Богочеловеческое учение христианства может быть хранимо только на Богочеловеческом пути. Господь Иисус Христос — это Истина и Путь*; не только Истина, но и Путь — тот Путь, Которым только и можно прийти к Истине. Сворачивая с Богочеловеческого пути, человек неминуемо отступает и от Богочеловеческого учения, и от Богочеловека Иисуса Христа.

***

На европейском Западе христианство постепенно превращалось в гуманизм. Долго и упорно Богочеловек в сознании западного христианства умалялся, переиначивался, сужался и, наконец, был сведен к человеку, к «непогрешимому» человеку в Риме и к не менее «непогрешимому» в Лондоне и Берлине. Так зародились папизм, отнимающий у Христа все, и протестантизм, требующий от Христа совсем немногого, а часто и вообще не требующий ничего. И в папизме, и в протестантизме на место Богочеловека поставлен человек — и как высшая ценность, и как высший критерий. Произведена болезненная, удручающая «корректировка» Богочеловека, Его дела и Его учения. Папизм упрямо и настойчиво стремился заменить Богочеловека человеком, пока в догмате

* См.: Ин. 14, 6.— *Ред.*

о непогрешимости папы-человека не произвел на все века подмену Богочеловека тленным «непогрешимым» человеком. Ибо этим догматом папа решительно и недвусмысленно провозглашен чем-то не только превосходящим человека, но и поставлен превыше святых апостолов, святых отцов и Святых Вселенских Соборов. В таком своем отступлении от Богочеловека, от Вселенской Церкви как Богочеловеческого организма папизм превзошел даже Лютера, основателя протестантизма. И действительно, первый радикальный протест против Богочеловека Иисуса Христа во имя гуманизма и против Его Богочеловеческого организма — Церкви — нужно искать в папизме, а в не в лютеранстве. Папизм — это, по существу, первоначальный и самый древний протестантизм.

Не следует обольщаться: папизм — это и есть самый радикальный протестантизм, ибо основание христианства он перенес с вечного Богочеловека на тленного человека. И провозгласил это высочайшим догматом, а значит — основополагающей истиной, первейшей ценностью, самым главным мерилом всего сущего и на небе, и на земле. А протестанты лишь ухватились за существо этого догмата и развили его до ужасающих размеров и деталей. По сути дела, протестантизм есть не что иное, как папизм, нашедший свое всеобщее применение. Ведь в протестантизме фундаментальный принцип папизма проводится в жизнь каждым отдельным человеком. По примеру «непогрешимого» человека в Риме каждый протестант — новый «непогрешимый» человек, ибо каждый претендует на личную безошибочность в вопросах веры. Допустимо сказать, что протестантизм — это вульгаризированный папизм, только лишенный мистики, авторитета и власти.

После того как христианство со всеми его бесконечными Богочеловеческими истинами было низведено к

человеку, свершилось то, что западное христианство превратилось в гуманизм. Это может показаться парадоксальным, но это — истина, базирующаяся на ясных и неустранимых исторических фактах. Ведь в своей сущности западное христианство — это самый решительный гуманизм, так как и человека оно провозгласило непогрешимым, и Богочеловеческую религию переиначило в гуманистическую. А что это так, очевидно из того, что Богочеловек оттеснен на небо, а на Его освободившееся на земле место поставлен Его наместник, заместитель, Vicarius Christi — папа. Какая трагичная нелогичность — поставлять заместителя вездесущему Богу и Господу! Но именно эта нелогичность и реализовалась в западном христианстве: Церковь превращена в государство, папа стал правителем, епископы провозглашены князьями, священники стали лидерами клерикальных партий, верующим определено место папских подданных, на место Евангелия возведен ватиканский сборник «канонического права», евангельский путь любви и смирения заменен казуистикой, иезуитством и «святой» инквизицией. А это значит — систематическим устранением, истреблением всего того, что не поклоняется папе, и даже насильственным обращением в папскую веру и сжиганием грешников «во славу кроткого и благого Господа Иисуса Христа»!

Без всякого сомнения, все эти факты сами собой слагаются в один предельно логичный вывод: на Западе нет Церкви, нет Богочеловека, а поэтому нет и настоящего Богочеловеческого со-общества, в котором человек человеку бессмертный брат и вечный собрат. Гуманистическое христианство — это, собственно, самый решительный протест и мятеж против Богочеловека Христа и всех евангельских, Богочеловеческих ценностей и мерил. Правда, и в этом обнаруживается страстное желание европейского человека свести все к человеку как к глав-

ной ценности и к основному критерию. А за всем этим стоит один идол: Menschliches Allzumenschliches*. В силу своего сведения к гуманизму христианство, конечно, упрощено, вульгаризировано и в то же время — погублено. После осуществления «гляйхшалтунга» (то есть насильственного приобщения) христианства к гуманизму сейчас кое-где в Европе думают о возвращении к Богочеловеку Христу. Призывы одиночек в протестантском мире: «Zurük zum Jesus!», «Back to Jesus!»** — всего лишь немощные крики в мрачной ночи «гуманизированного» христианства, оставившего Богочеловеческие ценности и мерила и теперь задыхающегося в отчаянии и изнеможении. А из глубины веков громогласно доносятся горькие слова печального Божия пророка Иеремии: *проклят человек, который надеется на человека****...

В широкой исторической перспективе западный догмат о непогрешимости человека есть не что иное, как попытка оживить и обессмертить умирающий гуманизм. Это последнее превращение и возвеличивание гуманизма. После рационалистического «просвещения» восемнадцатого века и близорукого позитивизма девятнадцатого века европейскому гуманизму не оставалось ничего другого, как расписаться в своей немощи и под бременем своих противоречий поддаться внутреннему разложению. Но в этот трагический момент ему на помощь пришел гуманизм религиозный и своим догматом о непогрешимости человека спас европейский гуманизм от ужасной смерти. Но и будучи догматизирован, западный христианский гуманизм не мог не сохранить в себе всех

* «Человеческое, слишком человеческое» *(нем.)* — название работы немецкого философа Ф. Ницше и один из важнейших принципов «новой философии».— *Ред.*

** «Назад к Иисусу» *(нем., англ.)*.— *Ред.*

*** Иер. 17, 5.— *Ред.*

пагубных антиномий* европейского гуманизма, устремленных к одному как бы единодушному намерению: к изгнанию Богочеловека с земли на небо. Ведь самое главное для гуманизма — то, чтобы именно человек был главенствующей ценностью и высочайшим мерилом. Человек, а не Богочеловек.

Мы, православные, живо ощущаем, что христианство — это христианство Богочеловеком, Его Богочеловеческим учением и Богочеловеческой жизнью в Церкви. Это основная истина, в ущерб которой не могут быть заключены никакие компромиссы. Ведь Христос — высшая ценность и высшее мерило лишь как Богочеловек. Нужно быть искренним и последовательным до конца: если Христос не Богочеловек, то он лишь самый бессовестный обманщик, провозглашающий себя Богом и Господом. Но евангельская, историческая действительность предельно ясно раскрывает и доказывает, что Иисус Христос — это совершенный Богочеловек, с какой бы точки зрения мы Его ни рассматривали. Поэтому нельзя быть христианином без веры во Христа как Богочеловека и в Церковь как Его Богочеловеческое Тело,— в Церковь, в которой Он оставил всю Свою Личность. Спасительная и животворящая сила Христовой Церкви заключается в вечноживом и вездесущем Лице Богочеловека. Любая подмена Богочеловека каким бы то ни было человеком и любой отбор из христианства только того, что нравится индивидуальному человеческому вкусу и разуму, выхолащивает христианство, низводя его к поверхностному и беспомощному гуманизму.

Исключительная важность христианства для человеческого рода состоит в его животворящей и вечной Бо-

* Антиномия (греч. ἀντινομία) — противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается логически доказуемыми.— *Ред.*

гочеловечности, благодаря чему оно дает оправдание любой человечности, то есть бытию человека вообще, и переводит его из тьмы небытия в свет Все-бытия. Только своей Богочеловеческой силой христианство есть соль земли, предохраняющая человека от растления в грехе и лукавстве. Однако стоит только христианству расплыться и раствориться в разного рода гуманизмах, как тотчас оно делается пресным; соль теряет вкус и уже никуда не годится, кроме как выбросить ее вон на попрание людям*.

Любая попытка приноровить христианство к духу времени, уравняв его с конформистскими движениями и режимами тех или иных исторических эпох, и осуществить его Gleichschaltung с ними отнимает у него ту специфическую ценность, которая как раз и делает его единственной Богочеловеческой религией в мире. В православной философии общества существует правило всех правил: не приспосабливать Богочеловека Христа к духу времени, но, напротив, подчинять дух времени духу Христовой вечности, духу Христовой Богочеловечности. Только так Церковь сможет соблюсти животворящую и незаменимую Личность Богочеловека Христа и пребыть Богочеловеческим со-обществом, в котором люди живут и общаются в Божественной любви и правде, в молитве и посте, в кротости и смирении, в доброте и мудрости, в милости и вере, в боголюбии и братолюбии и в других евангельских добродетелях.

Согласно Богочеловеческой философии жизни и бытия мира вообще, и человек, и общество, и народ, и государство должны врастать в Церковь как в свой вечный идеал, но Церковь ни в коем случае не должна перед ними пресмыкаться, а тем более — отдавать себя им в рабство. Народ обладает истинными ценностями лишь настолько, насколько живет евангельскими добродетелями и

* См.: Мф. **5**, 13; Мк. **9**, 50; Лк. **14**, 34.— *Ред.*

претворяет Богочеловеческие ценности в свою историю. То же самое относится и к государству. Цель народа как единого целого — та же, что и цель любого человека в отдельности: воплотить в себе евангельскую правду, любовь, святость; стать *народом святым, народом Божиим*, история которого отражает в себе Божественные ценности и добродетели (ср.: 1 Пет. 2, 9–10; см. также: 1, 15–16).

***

Вы спросите нас: где конкретные плоды этого Богочеловеческого общества? Отчего именно в Православии возникло явление «самого радикального секуляризма человеческой истории» (Йозеф Пипер)? Разве не существует и «восточного гуманизма» (например, цезарепапизма и др.)? Успех обезбоженного социального гуманизма на почве Православия не есть ли доказательство «неспособности Православия» решить самые элементарные общественные проблемы? Факт то, что этот мир лежит во грехе и зле. Низведение всего к человеку — вот та атмосфера, в которой живет и дышит и к которой тяготеет зараженное грехом человеческое естество и человек вообще, где бы он ни находился. Поэтому неудивительно, что приливы этой греховности, равно как и волны европейских псевдохристианских ядов, заливали и заливают подчас и православные народы. Между тем неоспоримой истиной остается одно: Православная Церковь экклезиологически никогда не возводила в догмат какой бы то ни было гуманизм, будь то цезарепапизм или иной «-изм». Силой своей истинной и неискаженной Богочеловечности и евангельской истинности, а также своим неумолкаемым призывом к покаянию во всем, что не от Богочеловека и не по Богочеловеку, она — силой Духа Святого — соблюла целомудрие и непорочность своего

сердца и своей души. И потому была и осталась *солью** мира, человека и общества. Трагедия же западного христианства именно в том, что, «исправляя» образ Богочеловека или Его отрицая, оно вновь покусилось [и небезуспешно! — *Пер.*] впрыснуть демонизированный гуманизм, характерный для зараженного грехом человеческого естества, и причем куда? — в самое сердце Богочеловеческого организма — Церкви, смысл бытия которой заключается как раз в освобождении от такого гуманизма. А через него — во все области жизни, личности и общества, провозгласив его верховным и всеобъемлющим догматом. Тем самым бесовское высокоумие (букв. «гордоумие» человека.— *Пер.*), сокрытое под покровом «церкви», становится догматом веры, без которого нет спасения! Страшно об этом подумать, а тем более выразить словами, но единственная «кузница спасения» и обо́жения в этом мире исподволь превращается в демоническую «фабрику» насилия над совестью и рас-человечивания, в «лабораторию» обезображивания Бога и человека через обезображивание Богочеловека!

Православная же Церковь никакой яд, никакой грех, никакой гуманизм, никакую приземленную общественную систему не провозглашала догматом: ни на Соборах, ни через Тело Вселенской Церкви. А Запад, увы, только это и делает. Самое «свежее» тому доказательство — Второй Ватиканский собор. Православная вера: покаяние в ней — это необходимая святая добродетель; она всегда призывает к покаянию. На Западе же: лжехристианская вера в человека к покаянию не призывает; напротив, исповедующие ее «священно» обязуются остаться при ее пагубном для людей человекопоклонничестве, при ее псевдохристианском гуманизме любого рода, при ее «непогрешимостях» и ересях. Она же в собственном упое-

* Ср.: Мф. 5, 13; Мк. 9, 50; Лк. 14, 34.— *Ред.*

нии считает, что это ни в коем случае не то, в чем нужно каяться.

Современный обезбоженный социальный гуманизм как идеологически, так и методологически является продуктом и открытием псевдохристианской Европы, повенчанной с нашей греховностью. Нас спрашивают: откуда же он тогда на почве Православия? Ответ: это Бог испытывает терпение праведных, посещает детей за грехи их отцов и являет силу Своей Церкви, проводя ее через огонь и воду. Ибо, по словам богомудрого Макария Египетского, это и есть единственный путь подлинного христианства: «Где Дух Святой, там, как тень, следует гонение и брань... Истине необходимо быть гонимою»[45]. Каковы же плоды Богочеловеческого общества? Святители, мученики, исповедники. В этом и его цель, и его смысл, и оправдание, и доказательство его неуничтожимой, вечной силы. Не книги и библиотеки, не системы и города, которые сегодня есть, а завтра их нет. Лжехристианский гуманизм в своих различных проявлениях наполняет мир книгами, а Православие — святыми подвижниками. Тысячи, сотни тысяч и даже миллионы мучеников и новомучеников, пострадавших за православную веру,— вот плоды Богочеловеческого общества. Вот почему знаменитый Франсуа Мориак*, католик, на мрачном горизонте современного мира, изо дня в день все более погружающегося во мглу порожденного в Европе душепагубного человекопоклонства, видит лишь одну светлую точку, вселяющую надежду на будущее этого мира,— православную веру, как бы вновь крестившуюся в крови мучеников и новомучеников. А на Западе? На Западе не знают ни Церкви, ни пути, ни выхода из этого безвыходного положения; все погрузилось в душепагубное идолослужение, сластолюбие, себялюбие и страстолюбие. Поэто-

* Франсуа Мориак (1885–1970) — французский писатель.— *Ред.*

му в Европе — ренессанс многобожия. «Лжехристы», ложные боги наводнили Европу; и вывезенные из нее на рынки всего мира, все они служат одной цели: убить в человеке душу — эту уникальную драгоценность, которую только и имеет человек на земле, а тем самым исключить и самую возможность бытия единственного истинного общества.

Повествуя обо всем этом, мы не пишем ни историю Европы с ее достоинствами и недостатками, ни хронику существования европейских псевдоцерквей. Мы излагаем лишь энтелехию* их онтологии, нисходя к сущности европейского высокоумия и спускаясь в его демоническое подземелье, где бурлят его черные источники, ядом которых оно грозит отравить весь мир. Это не суд над Европой, но исходящий от всего сердца молитвенный призыв вернуться на единственный путь спасения — через покаяние.

* Энтелехия (греч. ἐντελέχεια) — здесь: целенаправленность. — *Ред.*

Гуманистическое и Богочеловеческое просвещение

Просвещение представляет собой факт, удостоверенный и постоянно поверяемый всем опытом человеческого рода: ведь человек – это существо несовершенное и незаконченное. Об этом свидетельствуют все философии и религии, все науки и культуры. Человек есть нечто, требующее дополнения, завершения. Поэтому главная цель просвещения – направить человека к совершенству. Но здесь со всей жесткостью встает непреодолимый вопрос: чем и как возвести человека к его совершенной полноте?

Человек, с какой стороны мы бы его ни рассматривали, своим существом открыт другим мирам и созданиям. Он никоим образом не есть замкнутая монада Лейбница. Всей своей жизнью – и физической, и душевной – человек, сознательно или бессознательно, вольно или инстинктивно и в то же время непрестанно, вплетает себя в грандиозную и необозримую ткань макромира. Просвещение, если оно подлинно человеческое, должно проистекать из этого очевидного факта как из основной логической предпосылки. Когда же в истории человеческого рода начинаются поиски совершенного, полнозначного человека, то в нашем сознании, подобно буйному вихрю и горящему пламени, проносится один и тот же жгучий

вопрос: кто же такой этот совершенный человек, достигший предела духовного роста?

Может быть, Платон? Но от гнетущего сознания своего несовершенства и незаконченности Платон устремился к миру высшему — к миру вечных идей и идеалов. Значит, он — несовершенный человек.

Или Будда? Но преследуемый по-адски безжалостным чувством своего человеческого несовершенства, Будда все порывы человеческого существа к преуспеянию вверг в потустороннее царство вечного бесчувствия и несоощутимости — в нирвану. Значит, и он — человек, чуждый совершенства.

Или же Моисей? Но измученный страшными бедствиями своего народа и своими личными немощами, Моисей непрестанно вопиял к небу о помощи и неутолимую горечь своего человеческого существа растворял в пророческих видениях о грядущем Мессии и Спасителе. Значит, и он — человек, не достигший совершенства.

Может быть, это Магомет? Но истязаемый кровожадностью своего ада и сладострастием своего рая, Магомет пронесся по этой планете, огнем и мечом воплощая на практике свои «пророческие сновидения» и с восторженным фанатизмом попирая трупы «неверных». Поэтому и он — человек, далекий от совершенства.

А если Кант? Но измученный ущербностью и несовершенством человеческого существа, Кант, будучи неспособен высвободиться из тесной пробирки рационалистического критицизма, низверг все человеческое в пропасть иррациональной «вещи в себе», оставив его тем самым на милость неизвестному, непознанному, ужасному. Значит, и он — отнюдь не совершенный человек.

Или Шекспир? Но движимый своей ненасытной жаждой чего-то совершенного и законченного, Шекспир пережил человеческое несовершенство и незавершенность в

невыразимо адском трагизме своих героев; попытавшись было возвести человеческое существо к мирам горним, но покинул его где-то на полпути смущенным и растерянным. Значит, и он — человек, не вкусивший совершенства.

Ну, а если Гёте? Но широко и глубоко осознавая драму человеческого существа, в которой главную роль играет Мефистофель, Гёте своим предсмертным криком: «Licht, mehr Licht!»* — ясно показал, каким несчастным отошел он на тот свет. Значит, и он — несовершенный и незаконченный человек.

Или Толстой? Но в своей неослабной и беспощадной брани с несовершенством и неполнотой человеческого существа Толстой впал в такое душевное смятение, что перед смертью в невыносимой агонии духа оставил все, что имел в этом мире, и удалился из дома, намереваясь убежать от себя самого, от своего мучительного несовершенства и трагической ущербности. Значит, и он — вовсе не совершенный человек.

Или, наконец, Ницше? Но по-вулкански бурно ощущая трагическое несовершенство и невыносимую порочность человеческого существа во всех масштабах и реальностях этого мира, Ницше, мучимый своей необузданной жаждой высшего, совершенного и полноценного человека, помрачился разумом. Значит, и он — человек, далекий от совершенства и полноты развития.

Так, по порядку, от первого до последнего человека, перед нами проходит целая вереница ущербных, не познавших совершенства людей. А посреди них — Он, та́инственный и досточудный Богочеловек: Божественно совершенный и по-человечески реальный. Божественно совершенно Его человеческое добро, Божественно совершенна Его человеческая истина, Божественно совершенна Его человеческая любовь; равно как и Его правда, Его

* «Света, больше света» *(нем.)*.— *Ред.*

милосердие, Его сострадание, Его бессмертие, Его вечность, Его красота,— все это не только по-человечески реально, но и Божественно совершенно. Не удивляйтесь этому: ведь все человеческое Он преобразил в Божие, возвел к совершенству и завершил Божиим. Одним словом — в Нем весь человек Божественно совершенен и закончен.

Вы не верите? Попробуйте вообразить или более совершенного Бога, или более совершенного человека, чем Христос. Но вам это не удастся. Ни вы, ни коллективный человеческий разум не могут даже представить себе ни более совершенного Бога, нежели Христос, ни более совершенного человека. А исключительно и уникально во всем этом то, что все Божественные совершенства во Христе по-человечески реальны и осязаемы. И Божественная истина, и Божественная любовь, и Божественная правда, и Божественная благость, и Божественная красота присутствуют в Нем как самая очевидная человеческая действительность и земная конкретика. Нет такого совершенного блага, или предельной истины, или законченной красоты, которые человек не нашел бы воплощенными в Его Лице и осуществленными в Его жизни. Поэтому Он и есть тот самый совершенный и полнозначный человек, которого человеческий род, человеческая мысль и человеческое сердце так настойчиво ищут в своих религиях, философиях, науках, искусствах, культурах. Применительно к просвещению этот вывод гласил бы так: Христос — это тот идеальный человек, которого человеческое просвещение ищет как свою цель, как свой смысл, как свой идеал. Пребывая с Ним и взирая на Него, мы, люди, знаем, что такое настоящий, идеальный, совершенный человек. В Нем мы имеем образец, по которому каждый человек может созидать себя в идеально доброго, в идеально праведного, в идеально совершенного человека, достигающего полноты своего преуспеяния. И причем

без больших и непреодолимых трудностей, потому что каждому труждающемуся Он подает Божественные силы, дабы все Ему присущее: и Его Божественную правду, и Его Божественную истину, и Его Божественную любовь, и Его Божественную благость — истинные подвижники соделали своим собственным.

Вы чувствуете, что мы находимся уже на главном пути Богочеловеческой философии просвещения. Проанализируйте серьезно и объективно внутреннюю архитектонику этого просвещения: в нем и замысел, и строительный материал, и программа, и душа, и дух,— все евангельское, все Богочеловеческое. Все его ценности — Божественные, все стези этого просвещения — евангельские. Бог всегда в нем на первом месте, а человек на втором: человек живет, и мыслит, и чувствует, и действует Богом, а значит — человек просвещается Богом. И причем Богом не каким-то абстрактным, трансцендентным, наднебесным, платоновско-кантовским, а Богом непосредственной земной действительности и человеческой конкретности,— Богом, Который стал человеком и все человеческое наделил всем Божественным, бессмертным, вечным. Поэтому в человеческом роде лишь Он, Богочеловек Христос, имел право требовать от людей совершенства Божественного: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный,* Бог (Мф. 5, 48), поставив это Божественное совершенство и целью жизни, и целью просвещения, и целью культуры, и целью любой человеческой деятельности. Поступая так, Он в то же время преподает людям все необходимые средства и все потребные им силы, с помощью которых они могут осуществить эту Божественную цель, то есть достигнуть Божественного совершенства. Каковы же эти средства и силы? Святые евангельские добродетели: вера и любовь, пост и молитва, кротость и смирение, милосердие и доброта, надежда и терпение, правда и истина. Будучи осуще-

ствлены, эти добродетели делают человека святым. А это значит — совершенным и полноценным. Такой человек ведает и истинный смысл мира, и истинную логику жизни, всем своим существом устремляясь к воплощению поставленной цели во всех областях человеческого бытия. Сотканный из святых добродетелей, он главной аортой своего существа постоянно почерпает все бессмертные силы из вечноживого Богочеловека. Посему уже на этом свете он ощущает себя бессмертным и вечным; посему и в каждом другом человеке видит он бессмертное и вечное существо. Евангельские добродетели суть как бы проводники Божественного света. Каждая из них низводит в человека луч этого света Божества. Поэтому святой источает свет: светит и просвещает. Он носит в себе *Свет мира**, освещающий ему весь мир, так что он зрит его вечный смысл и вечную ценность. *Свет мира* — это в то же время и *Свет жизни*, который освещает путь, вводящий человека в бессмертие и вечную жизнь. В человеческом мире свет и жизнь суть синонимы, как в противоположность им синонимами являются тьма и смерть.

Обратимся за примером к истории сербского православного народа. Святой Савва — самый великий сербский просветитель, ибо он — самый великий сербский святой. Просвещение — это всего лишь проекция святости, ее сияние: святой светит и тем самым освещает и просвещает. Просвещение во всей своей полноте обусловлено святостью: настоящим просветителем может быть, собственно, только святой. Без святого нет просветителя, без сияния святости нет просвещения. Святость — это святость Божественным светом. Истинная просвещенность есть не что иное, как источение святости; лишь святые истинно просвещены. Ведь, подвизаясь в евангельских

* Ср.: Ин. 9, 5.— *Ред.*

добродетелях, они Божественным светом преисполнили все свое существо, вытеснив тем самым из себя всякий мрак греха и тьму порока. Евангельская святость, евангельская праведность и живет, и дышит, и сияет, и действует светом. Освящая, она в то же время наполняет светом, просвещает. Об этом свидетельствует нам и сама этимология сербского слова «прóсвета», которое происходит от церковнославянского слова «светъ»; отсюда — «просвещение», то есть «прóсвета», означает: про-свет-ление.

Да, «прóсвета», в сущности, значит «про-свет-ление», и причем это сопричастие свету происходит через освящение Духом Святым, Духом Христовым, Который есть Творец, Носитель и Податель святости и света. Поэтому освященные и просвещенные Духом Святым святые суть просветители. Святой Савва Духом Святым породил и возродил своих духовных чад — сербов — и освятил их светом евангельских добродетелей. Об этом выразительно свидетельствует тропарь святому Савве: «Пути, вводящаго в жизнь, наставник, и первопрестольник, и учитель был еси: первее бо пришед, святителю Савво, отечество твое просветил еси и, породив тое Духом Святым, яко древа маслинная, в мысленнем раи насадил еси всеосвященная твоя чада. Тем, яко апостолом и святителем сопрестольна чтуще тя, молим: моли Христа Бога даровати нам велию милость». Наученный святым Саввой, наш народ навсегда отождествил понятие просвещения с понятием святости, усвоив истину о том, что просветителем может быть только святой. И все это олицетворил в святом Савве как в своем первом и самом великом святителе и просветителе, непременно первом и на веки величайшем; поэтому в нашем святосаввском народном сознании Церковь и школа подобны неразлучным близнецам: и живут они, и растут, и вообще существуют один при посредстве другого.

***

Просвещение же без святости, просвещение без освящения Духом Святым, просвещение без совершенствования и довершения человека Богочеловеком, просвещение без Бога — выдумала Европа в своем гуманистическом идолослужении. Не имеет значения, проявляется ли этот идолопоклоннический культ в обожествлении папы или же в обожании культуры, науки, цивилизации, техники, политики, моды. Во всем этом главное одно: стремление обустроить и человека, и общество, и весь мир без Бога, без Христа. Точно так же и в просвещении главная амбиция — это «просветить» человека и человечество без Христа Бога. Действуя в этом направлении, гуманистическое «просвещение» принялось за создание нового человека. План этого нового индивида классически прост и недвусмыслен: в новом человеке не должно быть ни Христа, ни чего-либо Христова. И Европа всецело включилась в работу: начала творить человека без Бога, общество без Бога, человечество без Бога.

Ренессанс вселил обильную надежду во многие сердца. Ведь до того латинство (букв. «ватиканизм».— *Пер.*) практически полностью иссушило человека: своим вампирским схоластицизмом в философии и людоедским иезуитством в этике оно высосало у европейского человека все творческие жизненные силы. Первейшей потребностью «ренессанса» было обновить европейского человека гуманистическим духом древней Эллады и, таким образом, предотвратить его смерть. Этого можно было достичь, удалив, во-первых, европейского человека от Христа и, во-вторых, устранив все связи, соединяющие его с миром горним, невидимым.

Появляется Руссо: человека нужно возвратить природе и изгнать из него все «сверхъестественное»; что естественно — то и благо; естественный человек — самый

лучший человек,— в этом вся этика и педагогика проповедей Руссо.

Руссо многое позаимствовал у природы и внес в человека. Но встает вопрос: что составляет природу, естество самого человека? Органы чувств, отвечает сенсуалистическая философия в лице Локка. Человек как живое чувство — вот настоящий человек. Вся природа человека выводится из чувств и к ним же сводится. Если отбросить все для человека не нужное, то останутся чувства, которые и делают человека человеком.

Однако человек, сведенный к чувствам, слишком примитивен, неотесан, груб, непосредственен. В противовес ему рационалистическая философия во главе с Декартом и Кантом предлагает новый тип индивида. Это человек как разум. Человек, прежде всего и превыше всего, есть существо рациональное; именно разум и делает человека человеком; все же остальное в нем слишком посредственно и второстепенно, чтобы претендовать на главное место в его бытии.

«В человеке упущено самое главное!» — протестуют философские волюнтаристы во главе с Шопенгауэром* и Штирнером**; человека нельзя свести ни к чувствам, ни к

* Шопенгауэр Артур (1788–1860) — немецкий философ, представитель волюнтаризма — течения, провозгласившего волю главным принципом бытия. Оказал значительное влияние на раннего Ницше.— *Ред.*

** Штирнер Макс (наст. имя и фам. Каспар Шмидт) (1806–1856) — немецкий философ, принадлежал к школе младогегельянцев. В своем главном труде «Единственный и его достояние» (1845) проводил идеи последовательного эгоцентризма: единственная реальность — «Я», индивид. К идеям М. Штирнера обращался И.А. Ильин, посвятивший разбору его философских построений отдельный очерк. См.: *Ильин И.А.* Идея личности в учении Штирнера (опыт по истории индивидуализма) // *Евлампиев И.И.* Божественное и человеческое в философии И. Ильина. СПб., 1998. С. 299–348.— *Ред.*

разуму; он не есть ни то ни другое; он прежде всего — воля. Да, человек как воля — вот настоящий, подлинный человек; и причем человек новый.

Затем в поисках нового индивида Европа обратилась к существам низшим и среди них начала отыскивать происхождение человека: может быть, удастся, отталкиваясь от мира животных, так или иначе сотворить человека без Бога. Было немало и радости, и истеричного визга, когда над Европой прогремела гипотеза, что человек произошел от обезьяны и других млекопитающих. Тогда в атмосферу косного и болезненного европейского мышления ворвался Ницше со своими молниями, бурями и потрясениями. И с восторженным самоупоением пророка, граничащим с болезненным бредом, и горячностью поэта возвестил миру свое «евангелие» о сверхчеловеке. Более страстный в мыслях, чем в чувствах, он из волюнтаризма Шопенгауэра и эволюционизма Дарвина сделал смелый и логичный вывод: если обезьяна — переходная ступень к человеку, то почему и человек не может быть промежуточной фазой к сверхчеловеку? Ведь и впрямь, человек есть нечто такое, что нужно преодолеть и превзойти. «Что означает обезьяна для человека? Посмешище и жалкий позор. Точно таким же должен быть и человек для сверхчеловека». Сверхчеловек — вот смысл земли и цель истории. Из чего же он состоит? Из четырех главных принципов. Первый: нужно убить Бога. «Вы — высшие люди,— обращается к своим ученикам Заратустра,— этот Бог был для вас самой большой опасностью». Но не бойтесь: «Бог умер»,— говорит Заратустра, нет больше для вас объекта для опасений, нет больше препятствий к явлению сверхчеловека. Второй принцип — не щади ближнего: то, что падает, ударь еще раз. Третий принцип: главное — это моя воля к могуществу, дерзкая и беспощадная жажда силы и власти. Четвертый — все

дозволено; для сверхчеловека не существует ни благого, ни худого; он живет по ту сторону добра и зла, по ту сторону истины и заблуждения, по ту сторону совести и ответственности.

Соберемся с духом, завершена драма гуманизма: сотворен новый индивид — сверхчеловек. Из эмбриона Руссо гуманистический человек развился в сверхчеловека; именно в нем нашел свое завершение человек эпохи «возрождения». Но что такое собственно сверхчеловек, из чего он устроен? Лишь из одного побуждения — из инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, разве из одного влечения может быть создана хоть и малейшая букашка, а тем более самое сложное на земле существо — человек? Ведь во всем животном мире, насчитывающем более шестисот тысяч видов живых существ, нет ни одного мотылька, жизнь которого сводилась бы к одному-единственному мотиву, будь он и инстинктом самосохранения. А Ницше этот самый один-единственный инстинкт провозгласил — сверхчеловеком. Следовательно, сверхчеловек — это, на самом деле, под-человек, а это значит — не-человек. Если хотите, сверхчеловек — это самая удачная карикатура человека на нашей помраченной планете.

Относящееся к сверхчеловеку затрагивает и всех его гуманистических предков. «Естественный» человек Руссо есть не что иное, как лишь наполовину человек, ибо у него отнято все сверхъестественное; а человек наполовину — это то же самое, что и под-человек, ибо в нем беспрепятственно возросло и приумножилось все естественное зло, к тому же взлелеянное гуманистическим «просвещением».

А локковский человек как живое чувство, что он такое? Это осколок человека, провозглашенный существом полнозначным. Но это уже новый под-человек, новый

уродец. Ведь что такое чувства без души? Скрипка с пятью струнами, но без скрипача.

Или кантовский человек как разум, что он собой представляет? Всего лишь фрагмент человека, принятый за целого человека. Где же тогда тот бесконечный мир человеческих чувств, в котором и наш рай, и наш ад? Разве без этого человек может быть самим собой? Нет и еще раз нет; поэтому и кантовский человек есть не более чем пародия на человека.

А человек Шопенгауэра—Ницше, сводимый лишь к воле, чем он походит на человека? Где здесь душа с ее бесконечностями, где совесть, где сострадание? А без этого разве может человек быть человеком? Нет, и это издевка над человеком, только в новом обличье.

Посетите гуманистическую выставку «новых людей»: повсюду полу-человеки в ряду себе сродных, под-человек с под-человеком, не-человек с не-человеком, а значит — сплошные злые шаржи и пародии, один безобразный уродец подле другого. Разве не замечаете: гуманистическое европейское «просвещение» сотворило каких-то человекообразных гномов и заселило ими Европу. Именно таков «естественный человек» Руссо, таков и человек как чувство, и человек как разум, таков и сверхчеловек. Повсюду лишь застывшие призраки людей, повсюду обломки и осколки человека; нигде нет человека целого, цельного. Мы наблюдаем бесконечную вереницу живых трагедий: европейский человек без Бога — при содействии гуманистического «просвещения» — дегенерировал в бездушного приземленного гуманоида.

Здесь нужен плач Иеремии, ведь европейский гуманизм завершил свою миссию: он сотворил нового индивида, человека без Бога и души. Но где он — этот новый человек, где он — этот сверхчеловек? Увы, как индивидуальная личность он не существует, но зато присутству-

ет как коллективная сила, опустошающая Европу и гуманистической философией, и гуманистической наукой, и гуманистическим просвещением, и гуманистической культурой, и гуманистической техникой, и гуманистической цивилизацией. Так сложился специфический тип европейца: гольбаховский l'homme-machine, homo faber, homo technicus, человек без Бога, без души. Другими словами — человек обезбоженный и обездушенный, робот. Ведь робот тем и робот, что не признаёт ни Бога, ни души. И в этом его особенно поддерживает знаете кто? — экспериментальная психология, Psychologie ohne Seele (психология без души)*. Это европейская гуманистическая наука о душе. Наука о душе, не признающая бытия души! Может ли быть бóльшая несуразица? И тем не менее этот абсурд есть некий неприкосновенный дворец, в котором обитает ее божественное величество: европейская гуманистическая Psychologie ohne Seele. И перед ней как перед непогрешимым божеством преклоняются многочисленные европейцы-роботы.

И впрямь приходится констатировать, что за период от «ренессанса» до наших дней Европа превратилась в завод по выпуску людей с механизированным сознанием. А таковые представляют собой самый жалкий тип человека. Имеющий очи видеть да видит: на этой плане-

---

* «Психология без души» — общая методологическая установка так называемой «физиологической» школы немецкого ученого В. Вундта (конец XIX — нач. XX века). Не отрицая прямо религиозных представлений о душе, она вынесла их за рамки своих исследований. Как писал русский последователь школы Вундта психолог Г. Челпанов, «хотя психология, как обыкновенно принято определять ее, и есть наука о душе, но мы можем приняться за изучение ее "без души", то есть без метафизических предположений о сущности, непротяженности ее, и можем в этом держаться примера исследований в области физики» (*Челпанов Г.* Психология и школа: Сб. статей. М., 1912. С. 9). — *Ред.*

те не было более несчастного, более искалеченного, более «нечеловеческого» человека, чем европеец, обращенный в машину. Стыд и срам, вечный стыд и вечный срам Европы — этот ее «новый человек», человек без Бога и души, человек-робот.

После убийства Бога и истребления собственной души европейский человек уже несколько десятилетий совершает постепенное самоубийство. Ибо самоубийство неуклонно следует за богоубийством... «Просвещение» без Бога погрузило Европу в такую тьму, в которой никогда не оказывался ни один континент. В этом мраке никто никого не может распознать и никто никого не признаёт за брата...

Спросим самих себя, какова цель просвещения, если не просветить человека, то есть не наполнить светом все его бездны и пропасти и не изгнать из него всю тьму? А человек без Бога, без Христа, без этого единственного Света,— как сможет он рассеять вселенский мрак, охватывающий его со всех сторон, и как вытеснит из себя все темное? Ведь человек без Бога, со всем своим «просветительским потенциалом»,— лишь светлячок в беспредельном мраке этой вселенной. И вся его наука, вся его философия, все его образование, вся его культура, вся его техника, вся его цивилизация суть лишь огарки, зажигаемые им во тьме земных и космических событий. Да и что значат все эти фонарики в беспросветной ночи как индивидуальных, так и социальных, национальных, интернациональных проблем и катаклизмов? Разве все они уже не погасли, разве не сгустился над Европой непроницаемый и тяжкий мрак и разве не объяла ее непроглядная тьма?

С безумием граничит наивная, легкомысленная вера во всемогущество гуманистической науки, культуры, техники, просвещения, цивилизации. Под ее пагубным влиянием европейское гуманистическое просвещение посея-

ло в нашей среде конфликт между Церковью и школой, который для нашего православного народа означает — да и всегда означал — катастрофу. Под его пагубным влиянием и наш человек начал превращаться в машину, в робота.

Дабы мы смогли избежать окончательной катастрофы, существует лишь один выход. Какой? Принять Богочеловеческое просвещение и полностью ввести его во всех школах, от начальной до высшей, во всех учебных, народных и государственных учреждениях, от первого до последнего. Богочеловеческое просвещение сияет, освещает и просвещает единственным на небе и на земле, истинным и неугасимым светом — Богочеловеком Христом. Его никакая тьма, включая и мрак Европы, не может ни угасить, ни объять. Лишь свет Богочеловека Иисуса Христа изгонит всю тьму и из человека, и из общества, и из народа, и из государства. Он, единственный истинный Свет, до сокровенных глубин освещает каждого человека и в каждом открывает для нас нашего бессмертного, нашего божественного брата и вечного собрата. И этот свет научает нас, что и проблема человека, и проблема общества, и проблема нации, и проблема человечества в целом могут быть легко и ясно поняты и разрешены лишь тогда, когда и человек, и общество, и нация, и человечество будут рассматриваться в едином контексте с Богочеловеком Христом.

Главные направления и особенности Богочеловеческого просвещения можно было бы сформулировать так:

1. Человек — это существо, которое наиболее идеально и наиболее реально можно привести в совершенство и довершить Богочеловеком.

2. Совершенствование человека Богочеловеком осуществляется с помощью евангельских добродетелей.

3. Просвещенный человек в каждом человеке видит своего бессмертного брата и вечного собрата.

4. Любая человеческая деятельность: философия, наука, ремесло, земледелие, искусство, просвещение, культура — получает свою непреходящую ценность лишь тогда, когда будет освящена и оправдана Богочеловеком.

5. Истинная просвещенность достигается святой жизнью по Христову Евангелию.

6. Святые — это самые совершенные просветители; чем выше у человека подвиг святости, тем лучший он воспитатель и просветитель.

7. Школа — это [как бы] вторая половина сердца Богочеловека, а Церковь — первая.

8. В средоточии всех центров, всех идей и всех родов деятельности стоит Богочеловек Христос и Его Богочеловеческое Тело — Церковь.

Человек или Богочеловек

1. Человек — это, бесспорно, самое та́инственное и загадочное после Бога существо во всех мирах, о которых только ведают люди. В бездонных бесконечностях человеческого существа живут и бушуют непримиримые противоречия: жизнь и смерть, добро и зло, Бог и диавол, и все им присущее и их окружающее. Посредством всех своих религий, философий, наук, культур, цивилизаций человеческий род, по сути дела, пытался разрешить одну-единственную проблему — проблему человека. И во всех своих муках и страданиях он выковал себе верховное божество и служил ему как своей высшей все-ценности и абсолютному всеобъемлющему критерию. Каково же это верховное божество? Вот оно: ἄνθρωπος μέτρον πάντων = «человек — мера всего». Но этим «его божественное величество человек» не решил проблему человека. Ведь, измеряя себя самим собой, он не постиг ни самого себя, ни окружающего мира (см.: 2 Кор. **10**, 12). Вообще говоря, он занимался напрасным трудом, рассматривая зеркало в зеркале. И все эти муки самотворчества вылились в душераздирающий вопль и страшную исповедь: *Ничего не знаю собою* — οὐδὲν γὰρ ἐμαυτῷ σύνοιδα (ср.: 1 Кор. **4**, 4): не знаю ни что такое человек, ни что такое Бог, ни что такое смерть, ни что такое жизнь. При этом я всем существом чувствую, что я — раб смерти, раб зла, а через грех и раб диавола. В процессе человеческой деятельнос-

ти из всецелого человеческого рода сложилось одно тело: *тело смерти.* И каждый человек стал его членом, сопричастником. А в этом теле смерти, что в нем таится? — смрад, гной, червоточина. *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?* — ἐκ τοῦ σώματος τοῦ θανάτου τούτου (Рим. 7, 24).

Никто, кроме Богочеловека. Ибо Богочеловек Христос, победив смерть Воскресением, разрушил *тело смерти* как онтологическую реальность (см.: Откр. 20, 14, 10), избавил человеческий род от смерти и даровал ему вечную жизнь, вечную истину, вечную любовь, вечную правду, вечную радость и вообще все вечные Божественные блага, которыми может наделить только Бог любви и человеколюбия. И, таким образом, Он решил проблему человека, этот самый тягостный вопрос. И действительно, с тех пор как Бог соделался человеком, явился как Богочеловек и Своим Телом, Церковью, пребыл как Богочеловек в земном мире, Он поистине стал и навсегда остался верховной все-ценностью и абсолютным все-критерием для человеческого рода. Он — Единый истинный Бог и Единый истинный Человек, единственный совершенный Бог и единственный совершенный Человек неба и земли. Как таковой Он — единственная верховная все-ценность и единственное высшее все-исчерпывающее мерило и самого человека в его психофизической реальности и Богочеловеческой потенциальности, а также всего присущего человеку, всего людского. Лишь в Богочеловеке человек впервые узрел себя совершенным и вечным и познал себя от начала до конца. Отсюда — новый аксиоматический и гносеологический все-принцип человеческого рода: «Богочеловек — мера всего» (Θεάνθρωπος μέτρον πάντων). Однако принцип «человек — мера всего» и впредь царствует и господствует, чаще всего ferro ignique («огнем и мечом») в безбожном, многобожном и

нехристианском мире. Поэтому познавший и человека, и Богочеловека богомудрый апостол все философии человеческого рода сводит к двум: к философии по человеку и к философии по Богочеловеку (см.: Кол. 2, 8).

2. Только Богочеловек — совершенный и полнозначный Человек. Он в то же время и совершенный Бог, и совершенный Человек. Ипостась Бога Слова здесь самый важный фактор. Это богодухновенно исповедали и истолковали святые богомудрые отцы Четвертого Вселенского Собора. В Богочеловеке Христе человек достиг всех своих высших качеств: Богом он совершил и достроил и свою душу, и свою совесть, и свою волю, и свой ум, и свое сердце, и свое тело; одним словом — всего себя. И свершилось самое важное и самое умилительное чудо: Богочеловек оставил Себя в нашем земном мире и во всех мирах как Церковь, как Свое Тело, дабы каждый человек мог стать сопричастником этого Богочеловеческого Тела и таким образом достигнуть всех своих совершенств (см.: Еф. 3, 6). Лишь в Богочеловеке и Богочеловеком каждое человеческое существо может стать настоящим, полноценным, совершенным человеком; и лишь в Нем — Церковью и через Церковь — *со всеми святыми* может оно прийти *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 3, 18; 4, 11–16). В Богочеловеке Христе *обитает вся полнота Божества телесно* — **πᾶν τὸ πλήρωμα τῆς Θεότητος σωματικῶς** (Кол. 2, 8–10), дабы каждый из нас в Церкви и Церковью насытил, наполнил себя этой полнотой Божества. И действительно, каждый из нас может достигнуть этого только *со всеми святыми*, через Святые Таинства и святые добродетели, предводимые святой верой и святой любовью (Еф. 3, 17–20).

Без Богочеловека человек, по правде говоря, без головы; и еще: он без самого себя, вечного и бессмертного, богоподобного. Вне Богочеловека нет человека, а всегда

лишь под-человек, лишь его жалкое подобие, лишь нечеловек. Вместе с этим заявляет о себе и следующая истина: без Богочеловека человек — всегда раб смерти, раб греха, раб диавола. Только Богочеловеком человек достигает своей богопоставленной цели, делаясь «богом по благодати» и тем самым восходя к совершенной полноте своего бытия и своей личности. Через Бого-человечность Он вступает в свою божественную вечность. Жительствуя в Богочеловеческом Теле Церкви *со всеми святыми*, человек постепенно — при содействии Святых Таинств и святых добродетелей — преобразуется в «богочеловека по благодати». И его окрыляет радость святого благовестия и устремленной к небу истины, возвещенной святым Василием Великим: «Человек — это существо, которому заповедано стать богом»[46]. Сотворенный потенциальным богочеловеком, человек в Богочеловеческом Теле Церкви подвизается уподобить свой ум уму Бога, преобразить его в Бого-ум (*мы имеем ум Христов* — 1 Кор. **2**, 16); свою совесть и свою волю сообразовать с Божественной волей и достигнуть их преображения силой Божественной благодати; свое тело уподобить телу Богочеловека и преобразовать в Бого-тело (*тело... для Господа, и Господь для тела* — ср.: 1 Кор. **6**, 13). Созревая в Церкви и Церковью в «богочеловека по благодати», человек возвращает себя к догреховному богоподобию[47], преизобильно восполняя себя божественной красотой Христова образа (см.: Рим. **8**, 29; Гал. **3**, 27; **4**, 19). Без Богочеловека и вне Богочеловека человек всегда находится в опасности уподобиться диаволу, потому что грех несет в себе и силу, и свойства диавола. Рабствуя вне Богочеловека греху, человек добровольно становится диаволо-подобным, так что диавол считает его своим; *кто делает грех, тот от диавола* (1 Ин. **3**, 8). Нельзя забывать, что главная цель диавола — отнять у человека бого-

подобие и благодать Бого-человечества, сделать его чуждым Богу, превратив тем самым в существо, себе свойственное. Гуманистический антропоцентризм — это, по существу, диаволо-центризм, потому что и тот и другой стремятся к одному: быть лишь своими собственными в самих себе и для самих себя. Так, по сути дела, они ввергают себя в царство *второй смерти*, где нет ни Бога, ни чего-либо Божиего (ср.: Откр. **20**, 14; **21**, 8).

Все вышесказанное есть не что иное, как евангельское, апостольское, святоотеческое, православное учение о Богочеловечестве, теоантропоцентризм (θεανθρωπισμός), теогуманизм.

3. Европейский гуманизм во всех своих проявлениях: от самого примитивного до самой сложного и утонченного, от фетишистского до папистского — основан на вере в человека, и причем в такого человека, каков он в своей психофизической данности и историчности. Вся суть любой формы гуманизма — это человек = homo. Сведенный к своей отнологии, любой гуманизм — это не что иное, как «хоминизм» (homo — hominis). Человек — высшая всеохватывающая ценность, верховный абсолютный критерий; «человек — мера всего». В этом, in nuce*, любой гуманизм, любой «хоминизм». Поэтому всякий гуманизм в той или иной форме имеет по своей сути языческое, политеистическое происхождение. Все типы европейского гуманизма, зародившиеся как до «эпохи возрождения», так и после нее, вплоть до наших дней: все его протестантские, философские, религиозные, социальные, научные, культурные, политические подвиды — преднамеренно или не осознавая того — служили и непрестанно служат только одному: заменить верой в человека веру в Богочеловека, «благой вестью» по человеку — Еванге-

* Букв. «в орехе, скорлупе» (зародыше) *(лат.)*.— *Ред.*

лие Богочеловека, императивом по человеку — философию по Богочеловеку, субкультурой по человеку — культуру по Богочеловеку; одним словом — кодексом человека заменить жизнь по Богочеловеку. Все это так продолжалось столетиями, пока в прошлом веке, в 1870 году, на Первом Ватиканском соборе, не воплотилось в догмат... о «непогрешимости папы». С тех пор этот догмат стал высшим догматом папизма. Поэтому на Втором Ватиканском соборе в наши дни так настойчиво и изощренно защищалась его неприкосновенность и неизменность. Этот догмат имеет эпохальное значение для всей судьбы Европы, а в первую очередь — для ее апокалипсиса, в который она уже вступила. В этом догмате все разноликие формы европейского гуманизма обрели свой идеал, своего идола: человек провозглашен верховным божеством, все-божеством. Европейский гуманистический пантеон получил своего Зевса.

Искренность — это язык Истины; Истина же свидетельствует о том, что догмат о непогрешимости папы-человека есть не что иное, как ренессанс язычества, многобожия. Ренессанс языческой аксиологии и критериологии. Horribile dictu*, но сказать это нужно: догматом о непогрешимости папы догматизирован языческий гуманизм, в первую очередь — эллинский. Догматизирована все-ценность, догматизировано все-мерило эллинской культуры, эллинской цивилизации, поэзии, философии, искусства, политики, науки: πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος («мера всех вещей — человек»). Что же все это означает? Возведенное в догмат язычество. Тем самым догматически узаконена автаркия (самодостаточность, самодовольство) европейского человека, к чему веками стремились все типы европейского гуманизма.

* Страшно сказать *(лат.)*.— *Ред.*

Догмат о непогрешимости папы — это «Ja-Sagung»* Ницше всему творчеству европейского гуманизирующего человека. «Ja-Sagung» его культуре и цивилизации. А они и по целям, и по методам преимущественно языческие. Богочеловек благовествует и заповедует: *Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). А европейская гуманистическая культура и цивилизация? Что только не провозгласили они целью человеческого существования и методом его деятельности! Богочеловек — единственный Спаситель человека от греха, смерти и диавола; только Он восстановил человеческое существо, ввел его в бессмертие и вечность, воскресил от смерти, вознес превыше небес, обо́жил и возвысил к благодатному Бого-человечеству. Перед человеческим существом и человеческой жизнью Он ставит четкую и ясную задачу: сделаться совершенным, как Бог (см.: Мф. 5, 48). А европейский гуманизированный человек? Что только не поставил вместо этого и не узаконил в качестве цели человеческого бытия! Неопровержима евангельская истина: *Весь мир лежит во зле* — даже и после подвига Богочеловека в нашем земном мире (ср.: 1 Ин. 5, 19–21). Более того, по слову святого апостола Павла, диавол — это *бог века сего* (2 Кор. 4, 4). Между таким миром, который добровольно *лежит во зле*, и последователями Богочеловека нет компромисса. Сторонник Богочеловека не может, в ущерб евангельской Истине, соглашаться на сделку с гуманистическим человеком, все это [зло] оправдывающим и догматизирующим. Здесь всегда роковая, все-судьбоносная диле́мма и выбор: Богочеловек или человек. Ведь гуманизированный человек во всех родах своей деятельности выступает и поступает как делатель автаркичный, как самодостаточная верховная ценность и верховное

* «Согласие» *(нем.)*. — *Ред.*

мерило. Здесь нет пространства для Богочеловека. Поэтому в гуманистическом царстве место Богочеловека Христа занимает Vicarius Christi (наместник Христа, заместитель Христов), а Богочеловек оттеснен на небо. Как бы то ни было, все это — своего рода развоплощение Богочеловека Христа. Разве не так?

Присвоив себе, человеку,— через посредство догмата о непогрешимости — всю власть и все права, принадлежащие одному только Богочеловеку, Господу Иисусу Христу, папа, по сути дела, провозгласил себя в латинстве «церковью с большой буквы» и соделался в ней всем и вся. Неким вседержителем. Поэтому догмат о непогрешимости папы и стал верховным догматом папизма. И потому папа, пока он понтифик гуманистического папизма, не сможет отречься от него никакой ценой.

4. История человеческого рода знает три главных грехопадения: Адамово, Иудино и грехопадение папизма. Сущность грехопадения всегда одна: желание собственными силами достигнуть блага, совершенства, стать Богом. Хотя тем самым человек, не осознавая того, уравнивает себя с диаволом. Ведь и тот хотел, опираясь лишь на самого себя, сделаться Богом и заменить собою Бога. Но в этой гордости ума он тотчас же стал диаволом, всецело чуждым Бога, и весь ополчился против Бога. В этом гордом самопрельщении и состоит суть греха, греха изначального. В этом же и сущность самого диавола, сатаны. А все это есть не что иное, как желание пребыть при своем естестве и нежелание иметь в себе ничего другого, кроме самого себя. Ведь диавол весь в том, что вообще не хочет иметь в себе Бога, желая всегда быть один, принадлежать самому себе, быть — всем в себе, всем для себя, неизменно оставаясь герметически закрытым к Богу и ко всему Божиему. А что это такое? Эгоизм в объятьях с самолюбием на всю вечность. Таков в своей сущности и

гуманистический человек: он весь пребывает в себе, он при себе, для себя; он всегда высокомерно замкнут по отношению к Богу. В этом — любой гуманизм, любой «хоминизм». Вершиной же бесовского гуманизма является желание с помощью зла стать добрым, с помощью диавола соделаться Богом. Отсюда и диавольское обещание нашим прародителям в раю, что при его поддержке они *будут, как боги* (ср.: Быт. **3**, 5).

Всечеловеколюбивый Бог сотворил человека потенциальным богочеловеком: дабы в силу богообразия своего существа он добровольно, с Божией помощью, возрастил себя в богочеловека. Но человек по своему свободному выбору, через грех, ринулся в «безгрешность» и через диавола — к «божественности». И конечно же, на этом пути он тоже стал бы своего рода бесом, если бы Бог, по Своему безмерному человеколюбию и по Своей великой милости, не вмешался в этот разрушительный процесс, не соделался человеком, то есть Богочеловеком, и не обратил бы человека к Богочеловеку: не ввел бы его Церковью — как Своим Телом — в подвиг обогочеловечения через Святые Таинства и святые добродетели. И не дал бы таким образом человеку возможность возрасти *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. **4**, 13). И тем самым достигнуть своего Божественного предназначения: добровольно стать благодатным богочеловеком.

Грехопадение папизма — это желание заменить Богочеловека человеком.

5. В нашем человеческом мире, по словам святого тайновидца Иоанна Дамаскина, только Богочеловек Христос — «единственное новое под солнцем». И причем вечно новое: и Своим Богочеловеческим Лицом (Личностью), и Своим Богочеловеческим подвигом, и Своим Богочеловеческим Телом — Церковью. Но и человек нов — только

в Богочеловеке; и причем всегда и вечно нов: во всех своих богочеловеческих чувствах и со-бытиях на пути ко спасению, освящению, преображению, обóжению, обогочеловечению. В земном мире все тлеет и умирает; не стареет и не подвержен смерти лишь человек, сподобившийся обóжения и вошедший в благодать богочеловечества, то есть «сопричастник Христов» в едином Теле Церкви,— человек, воцерковленный Богочеловеком и вступивший с Ним в Церкви в благодатное единение; ведь таковой соделался живой, органической частичкой святого и вечного Богочеловеческого Христова Тела, Церкви, в которой личность развивается и непрестанно растет *возрастом Божиим* (Кол. 2, 19) — *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13). А это значит, что человек растет и совершенствуется бесконечно и безгранично, простираясь в богоподобные меры божественных бесконечностей и широт, вложенных в человеческое естество Трисолнечным Господом при сотворении человека по Своему образу.

Богочеловек Христос настолько исключительно нов, уникален и единственен, что *Истина*, по существу, произошла от Него (ср.: Ин. 1, 17) и благодаря Ему осталась в нашем человеческом мире. Во всем, чтó прежде Него и без Него — и ныне, и всегда,— Истины словно и нет. Да и в самом деле, ее там нет, ведь Истина — это Богочеловеческая Ипостась: *Я есмь истина* (Ин. 14, 6). Оттого и нет для человека Истины без Богочеловека. Ведь без Богочеловека нет и человека.

Все новое — в Богочеловеке и от Богочеловека: сначала Он Сам, а затем — и спасение, и учение о спасении, и путь деятельного спасения. Исключительно ново в человеческом роде Богочеловеческое благовестие: отделять грех от грешника; грех ненавидеть — но грешника любить; истреблять грех — но спасать грешника, не отождествлять

грешника с грехом, не убивать грешника за грех, но избавлять его от греха. Потрясающая тому иллюстрация — женщина, взятая в прелюбодеянии. Всемилостивый Спаситель отделил грех женщины от ее богообразного существа и, осудив грех, помиловал грешницу: *и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши* (Ин. 8, 11). Вот «догматизированный» метод Православия в спасении грешника от греха; принцип Священного Предания, богомудро разработанный и узаконенный в Православной Церкви всеми святыми отцами, метод богодухновенно выраженный святым Симеоном Новым Богословом: «Добро, сделанное не добрым образом, не есть добро (**καλός**)».

Убивать грешника за грех — в свете этого евангельского Священного Предания — противно благовестию, это кошмар, порожденный антихристом. Никакая инквизиция не может здесь быть названа святой. Да и все типы гуманизма так или иначе убивают за соделанный грех, истребляя человека вместе с его беззаконием. Ибо не хотят они Богочеловека, в Котором только и возможно спасение человека от греха, смерти и диавола. Кто не за Богочеловека, тот тем самым против человека; и еще: тот в силу этого — убийца человека, а равно и самоубийца. Ведь он оставляет человека на «милость» греху, смерти и диаволу, от которых может спасти лишь Богочеловек и никто другой под небом. Поступая так с грешником, гуманистический человек неминуемо совершает самоубийство: убивает свою душу, предает себя самого аду для вечного дружества с диаволом, этим *человекоубийцей от начала* (ср.: Ин. 8, 44). А через посредство всего этого со всею силою абсолютизма царствует и господствует извращенный гуманистическо-иезуитский этический вседогмат: «Цель оправдывает средства».

6. Что такое дарует человеку Богочеловек, чего никто другой не может дать? Победу над смертью, грехом и

диаволом, вечную жизнь, вечную истину, вечную правду, вечное благо, вечную любовь, вечную радость — всю полноту Божества и Божественных совершенств. Так об этом свидетельствует святой апостол: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. **2**, 9).

Поэтому воистину только Он, досточудный Богочеловек, и есть *единое на потребу* человеку и на земле, и на небе (ср.: Лк. **10**, 42). Отсюда следует, что только Богочеловек имеет право требовать от людей того, на что не осмеливался никто другой: чтобы каждый человек любил Его больше, чем родителей, братьев, сестер, детей, друзей, землю, Ангелов или кого бы то ни было или что бы то ни было на небе и на земле (см.: Мф. **10**, 37–39; Лк. **14**, 26; Рим. **8**, 31–39).

7. Второй Ватиканский собор знаменует собой возрождение всех форм европейского гуманизма, эксгумацию всех трупов. Ведь с той поры, как в земном мире пребывает Богочеловек, любой гуманизм — труп. Все дело обстоит именно так, потому что собор в своем упорстве остался при «догмате» о непогрешимости папы = человека. С точки зрения вечноживого Богочеловека, исторического Господа Иисуса Христа, все проявления гуманизма, в большей или меньшей степени, кажутся преступными утопиями, ибо во имя человека они так или иначе убивают и уничтожают именно человека в его душевно-телесном существе. Все они заняты одной и той же безумно трагичной работой: отцеживая комара, проглатывают верблюда. А догматом о непогрешимости папы эта безумная работа возведена в норму. Все это жутко, крайне ужасно. Почему? Потому что догмат о непогрешимости человека есть не что иное, как повергающее в дрожь отпевание всякого рода гуманизма: от ватиканского догматизированного до сартровского сатанизированного.

В гуманистическом пантеоне Европы все боги — во главе со своим «Зевсом» — мертвы. Мертвы они до тех пор, пока в их угасшем сердце не воссияет самоотверженное покаяние, с присущими ему голгофскими молниями и мучениями, воскрешающими землетрясениями и преображениями, плодоносными грозами и вознесениями. И что тогда? Тогда не было бы скончания их славословиям присно животворящему и чудотворящему Богочеловеку, воистину Единому Человеколюбцу неба и земли.

8. В чем суть догмата о непогрешимости папы = человека? В отрешении человека от Бого-человечества. Над этим трудятся все формы гуманизма, в том числе и религиозный. Они возвращают человека к язычеству, к многобожию, к сугубой — духовной и физической — смерти. Удаляясь от Богочеловека, всякий гуманизм постепенно вырождается в нигилизм, пока не сольется с ним бесповоротно. Об этом красноречиво свидетельствует наблюдаемый ныне крах всех разновидностей гуманизма во главе с папизмом — прямым и косвенным, вольным и невольным прародителем всех его [то есть гуманизма] европейских исчадий. Собственно катастрофа, фиаско, коллапс папизма и лежит в догмате о «непогрешимости папы». Ведь этот догмат знаменует собой вершину, апогей нигилизма. Приняв его, европейский человек решительно и неумолимо провозгласил непререкаемый закон самодостаточности европейца, заявив тем самым открыто, что Богочеловек ему не нужен и что Богочеловеку нет места на земле: ведь Vicarius Christi Его полностью замещает и восполняет. Вообще говоря, этим догматом живет, его блюдет и упрямо исповедует любой европейский гуманизм.

Все формы гуманизма человека-европейца суть не что иное, как перманентное восстание против Богочеловека Христа. Всевозможными способами совершается пагуб-

ный Umwertung aller Werte*: Богочеловек повсюду замещается человеком; гуманизирующий европеец возводится на все престолы континента. В результате Vicarius Christi уже не одинок, таковых уже несметное множество, только в разных облачениях и костюмах. Ведь в конечном итоге в догмате о «непогрешимости папы» провозглашен безгрешным всякий человек вообще. Оттого-то во всей Европе бесконечное число пап. И ватиканских, и протестантских. Между ними нет существенной разницы, потому что папизм — это первый, изначальный протестантизм, по словам проницательного зрителя Истины А.С. Хомякова.

9. Непогрешимость — это естественное Богочеловеческое свойство и естественная Богочеловеческая функция Церкви как Богочеловеческого Тела Христа, вечная Глава которого — Истина = Всеистина: Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, Богочеловек, Господь Иисус Христос. Между тем папа в силу догмата о своей «непогрешимости» провозглашен, по существу, Церковью; и он — человек — занял место Богочеловека. В этом финальный триумф гуманизма. Но в то же время это и *вторая смерть* (Откр. 20, 14; 21, 8) папизма, а вместе с ним и любого гуманизма. В отношении же истинной Христовой Церкви, которая начиная с явления Богочеловека Христа имеет в нашем земном мире бытие как Богочеловеческое Тело, догмат о «непогрешимости папы» есть не только ересь, но и ересью всеобъемлющая, всепагубная. Ведь ни одна ересь так решительно и сплоченно не восставала против Богочеловека и Его Церкви, как это сделал папизм через догмат о «непогрешимости» папы-человека. Несомненно, это ересь всех ересей. Это ужас всех ужасов. Это неслыханный бунт против Богочеловека Христ-

* Переоценка всех ценностей (*нем.*) — принцип, провозглашенный Ф. Ницше.— *Ред.*

та. Это — увы! — самое злостное изгнание Господа Иисуса Христа с земли. Это новое предательство Христа. Это новое распятие Господа Иисуса Христа, только не на деревянном кресте, а на золотом кресте папского гуманизма. А ведь это — ад, это преисподняя, это губительная бездна для жалкого земного существа, именуемого человеком.

10. Есть ли выход из этого бездонного и беспредельного гуманистического ада? Есть ли воскресение из этих бесчисленных европейских могил? Есть ли врачевство от этих бесчисленных смертоносных болезней?

Конечно же, есть: это — покаяние. Таково бессмертное благовестие вечного Евангелия Богочеловека: *покаяние — к познанию истины* — **μετάνοια εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας** (ср.: 2 Тим. 2, 25). Иначе и невозможно уверовать во всеспасительное благовестие Богочеловека: *покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15). Покаяние перед Богочеловеком — это единственное лекарство от всякого греха, даже вселенского. Несомненно, именно в покаянии — путь к уврачеванию и этого великого, вселенского грехопадения папизма, вытекающего из гордого догмата о «непогрешимости папы». А потому покаяние — это и целебное средство против всякого греха всякого гуманизма и всех его проявлений, вместе взятых. Да, именно так, от своего столь дорогого и любезного ему всегубительного греха «непогрешимости» европейский «непогрешимый» человек, европеец-гуманист может спастись лишь через всеусердное и всепреобразующее покаяние перед удивительно всемилостивым и всеблагим Господом Иисусом Христом, Богочеловеком, воистину единственным Спасителем человеческого рода от всякого греха, от всякого зла, от всякого ада, от всякого беса, включая и самого диавола, от всякого гуманизирующего рационализма и вообще от всех беззаконий, которые только может придумать человеческая фантазия.

По сей причине святые богоносные отцы всех семи Вселенских Соборов сводят все вопросы бытия Христовой Церкви к истине о Личности Богочеловека Христа и свидетельствуют о Нем как о величайшей и единственной ценности для каждого человеческого существа на земле и на небе. Да, для них Богочеловек Христос — всё и вся в человеческом мире. Вопросы христологии являются для них основными. Богочеловек Христос для них — единственная и высшая ценность Христовой Церкви на небе и на земле. Их вечное и бессмертное правило гласит: «Всё для Христа, Христа же — ни для чего!» А вокруг этого их святого правила громогласно раздается их неумолчное благовестие: «Не гуманизм — а теогуманизм! Не человек — а Богочеловек! Христос прежде всего и превыше всего!»

7 Зак. 3002

Гуманистический экуменизм

Экуменизм – это общее название всех видов лжехристианства и всех лжецерквей Западной Европы. В нем нашла свое отражение сущность всех типов гуманизма с папизмом во главе. Все же эти разновидности лжехристианства и все эти лжецеркви суть не что иное, как одна ересь подле другой. Их общее евангельское наименование – всеересь. Почему? Потому что на протяжении всей истории разные ереси отрицали или искажали отдельные свойства Богочеловека, Господа Иисуса Христа, а эти европейские ереси устраняют всего Богочеловека и на Его место ставят европейского человека. Здесь нет существенного различия между папизмом, протестантизмом, экуменизмом и прочими сектами, имя которым легион.

Православный догмат о Церкви отвергнут и заменен католическим еретическим все-догматом о первенстве и непогрешимости папы, а из этой ереси непрестанно, подобно пчелиному рою, в несметном количестве множатся и другие ереси: Filioque [хотя оно и было узаконено ранее.– *Пер.*], отвержение «эпиклезы»*, введение твар-

---

* Эпиклеза (ἐπίκλησις) – молитва призывания Святого Духа на Святые Дары для их преложения в Тело и Кровь Христовы. Это древнейшая по своему происхождению молитва литургии. Как и всякое сакраментальное действие, преложение Святых Даров совершается Духом Святым. Отсюда православное понимание необходимости эпиклезы в отличие от католического, согласно

ной благодати, опресноки, чистилище, «банк» избытка добрых дел*, механизированное учение о спасении и вытекающее из него аналогичное учение о жизни вообще, папоцезаризм, инквизиция, индульгенции, предание смерти грешника за грех, иезуитство, схоластика, казуистика, теократия по подобию монархии, социальный гуманизм...

А протестантизм? Это самое родное и верное чадо папизма; своей рационалистической схоластикой он веками ниспадает из одной ереси в другую, постоянно задыхаясь под действием различных ядов своих же еретических заблуждений. При этом папистская гордость ума и «непогрешимое» безумие царствуют поистине абсолютистски и опустошают души своих адептов. В принципе любой протестант — это тот же папа, независимый и непогрешимый папа во всех вопросах веры. А это всегда втягивает его из одной духовной смерти в другую. И нет конца этому умиранию, так как число духовных смертей человека бесконечно.

При таком положении вещей папистско-протестантский экуменизм со своей лжецерковью и со своим псевдохристианством не имеет выхода из тупика своих мучений и смертей без чистосердечного покаяния перед Богочеловеком, Господом нашим Иисусом Христом, и Его Православной Церковью. Покаяние же — это средство от всякого греха, средство, данное богообразному человеческому существу Единым Человеколюбцем.

Без покаяния и вступления в истинную Церковь Христову неестественно и бессмысленно говорить о некоем объединении «церквей», о диалоге любви, об intercommunio.

которому освящение Даров совершается установительными словами Христа, сказанными Им на Тайной вечери (см.: Мф. **26**, 26–28).— *Ред.*

* Вероятно, имеется в виду римско-католическое учение о так называемых «сверхдолжных» заслугах святых.— *Ред.*

Главное, самое главное — это стать членом, сопричастником Богочеловеческого Тела Христовой Церкви, а тем самым и общником души Церкви, Духа Святого, и сонаследником всех бессмертных Богочеловеческих благ.

1. Современный «диалог любви», ведущийся в форме неприкрытого сентиментализма, означает, на самом деле, маловерный отказ от спасительного *освящения Духа и веры истине* (ср.: 2 Фес. **2**, 13). Сущность любви есть Истина; и любовь живет, пребывая в Истине (букв. «истинствуя».— *Пер.*). Истина — сердцевина любой Богочеловеческой добродетели, включая и любовь. И каждая из них являет в себе и благовествует Богочеловека, Господа Иисуса Христа — воплощение и олицетворение Божественной Истины = Всеистины. Если бы Истина была чем-то иным, а не Богочеловеком Христом, то она оказалась бы слишком мелкой, ущербной, тленной, смертной. Именно такой она бы и была, если бы представляла собой некое понятие, или идею, или теорию, или схему, или разум, или науку, или философию, или культуру, или человека, или все человечество, или видимый мир, или все мироздание вкупе, или кого бы то и что бы то ни было, или все это в совокупности. Но Истина — это Лицо, Лицо Богочеловека, Господа Иисуса Христа, Второе Лицо Пресвятой Троицы, и поэтому она и совершенна, и нетленна, и вечна. Ибо в Господе Иисусе Христе истина и жизнь единосущны: Он — и вечная Истина, и вечная Жизнь (см.: Ин. **1**, 4, 17; **14**, 6). Верующий во Христа постоянно возрастает Его истиной в ее Божественные бесконечности: возрастает всем своим существом, всем умом, всем сердцем, всей душой. Во Христе жительствуют *истинною любовью* (букв. «истинствуя в любви» — ἀληθεύοντες ἐν ἀγάπῃ.— *Пер.*), ибо только так мы можем *все возращать в Того, Который есть Глава Христос* (Еф. **4**, 15). Причем совершается это всегда вместе *со всеми святыми* (Еф. **3**,

18), всегда в Церкви и с Церковью, ведь иначе невозможно *все возращать в Того, Который есть Глава* Тела Церкви. Безмерные силы, необходимые для такого возрастания всех христиан в Богочеловеческом Теле Церкви, Церковь непосредственно приемлет от своей Главы — от Господа Иисуса Христа. Ибо только Он, Бог и Господь, обладает этими бесчисленными и беспредельными силами и богомудро ими распоряжается.

Впрочем, не следует заблуждаться: существует и «диалог лжи», когда участники собеседований — с умыслом или не осознавая того — лгут друг другу. Такой диалог свойствен *отцу лжи* — диаволу (ср.: Ин. 8, 44). Присущ он также и всем его вольным или невольным сотрудникам, пытающимся с помощью зла реализовать свое «благо» и посредством лжи обрести свою «истину». Однако не может быть «диалога любви» без диалога Истины. Другими словами, такой диалог неестественен и фальшив. Отсюда и заповедь Христо-носного апостола: *Любовь да будет непритворна* (Рим. 12, 9).

Еретическое, гуманистическое разделение и расчленение Любви и Истины — это лишь признак недостатка Богочеловеческой веры и утраченного духовного Богочеловеческого равновесия и здравомыслия. Этот путь, во всяком случае, никогда не был путем святых отцов. Православные же, укорененные *со всеми святыми* в Истине и Любви, имеют и являют — со времени апостолов до сего дня — эту Богочеловеческую спасительную любовь к миру и ко всему Божественному творению. Пустой же моральный минимализм и гуманистический пацифизм современного экуменизма трудятся только над одним: раскрывают свои тлетворные гуманистические корни, обнажая тем самым свою болезненную философию и беспомощную этику «по человеку» (ср.: Кол. 2, 8 — *по преданию человеческому*). И еще: они сами свидетельствуют

о кризисе своей гуманистической веры в Истину, предавая забвению историю Церкви, ее непрерывную соборную и апостольскую жизнь в Истине и Благодати. А апостольско-святоотеческое богомудрие и здравомыслие устами преподобного Максима Исповедника благовествует истину Богочеловеческой веры: «Вера — это основание надежды и любви... Ибо вера дает утверждение и самой истине»[48].

Несомненно, святоотеческое и унаследованное от святых апостолов мерило любви к людям, а также принцип отношения к еретикам всецело Богочеловеческие. Это богодухновенно выражено в следующих словах святого Максима Исповедника: «Я не желаю, чтобы еретики мучались, и не радуюсь их злу,— Боже, упаси! Но весьма радуюсь и вкупе веселюсь при их обращении. Ибо что может быть более умилительным для верных, нежели видеть, что рассеянные Божии чада собрались воедино. Я не утратил рассудок, чтобы скорее поощрять немилосердие, чем человеколюбие. Напротив, я советую со вниманием и рассуждением творить и оказывать благо всем людям и для всех быть всем, как и кому это потребно. Но при этом я только хочу и настаиваю, чтобы не оказывалась помощь еретикам как таковым для утверждения их безумного верования; напротив — здесь нужно быть жестким и непримиримым. Ибо называю то не любовью, а человеконенавистничеством и отпадением от Божественной любви, если кто-то помогает еретическому заблуждению, к вящей же погибели тех людей, которые этого заблуждения придерживаются»[49].

2. Учение Православной, Богочеловеческой, Христовой Церкви о еретиках, переданное через святых апостолов, через святых отцов, через Святые Соборы, следующее: ереси — это не Церковь, и они не могут ею быть. Посему у еретиков не может быть Святых Таинств вообще, а в частно-

сти — Святой Евхаристии, этого Таинства всех Таинств. Ибо Святая Евхаристия — это и есть всё и вся в Церкви: и Сам Богочеловек, Господь Иисус Христос, и сама Церковь как Его Тело, и вообще всё Богочеловеческое.

Intercommunio, общение с еретиками в Святых Таинствах, особенно в Святой Евхаристии,— это самое бессовестное, Иудино предательство Господа Иисуса Христа, а также предательство всей Христовой Церкви, Церкви Богочеловеческой, Церкви Апостольской, Церкви Святоотеческой, Церкви Священного Предания, Церкви Единой. Здесь свое преображенное во Христе сознание и совесть нужно с благоговением обратить на некоторые святые истины, святые благовестия, святые заповеди.

Прежде всего следует задать вопрос: на какую экклезиологию опирается и на каком богословии о Церкви утверждается так называемое «intercommunio»? Ведь все православное, церковное богословие о Божией Церкви основывается и зиждется не на intercommunio, а на Богочеловеческой общности, на Богочеловеческом общении (**κοινωνία**, см.: 1 Ин. **1**, 3; 1 Кор. **1**, 9; **10**, 16–17; 2 Кор. **13**, 13; Евр. **2**, 14; **3**, 14), в то время как понятие «intercommunio», «меж-общение» само в себе противоречиво и абсолютно бессмысленно для православной экклезиологии. Вторая истина, святая истина православной веры гласит: в православном учении о Церкви и о Святых Таинствах единым и единственным Таинством является сама Церковь — Тело Богочеловека Христа; так что именно она и есть как единственный источник, так и содержание всех Божественных Таинств.

Вне этого всеобъемлющего Богочеловеческого Таинства Церкви, Все-Таинства, нет и не может быть «таинств», а поэтому нет и не может быть и какого бы то ни было в них «межобщения» (intercommunio). Отсюда следует, что речь о Таинствах может идти лишь в Церкви — в этом

единственном Христовом Все-Таинстве. Ибо Православная Церковь как Тело Христово и есть источник и критерий Таинств, но никак не наоборот. Не могут Таинства ставиться выше Церкви и рассматриваться вне Тела Церкви.

Отсюда вытекает, что, согласно православной экклезиологии и всецелому православному Преданию, Православная Церковь не признает вне себя никаких других «таинств» и не рассматривает их как таинства до тех пор, пока кто-то из еретической «церкви», то есть из лжецеркви, не приступит к Православной Церкви с покаянием. Дотоле же, то есть пока некто пребывает вне Церкви, не соединенным с ней через покаяние, для Церкви он остается еретиком и неминуемо находится вне церковного спасительного общения — κοινωνία = communio. Ибо *какое общение* — μετοχὴ — *праведности с беззаконием? Что общего* (букв. «какова общность» — κοινωνία.— *Пер.*) *у света с тьмою?* (2 Кор. 6, 14).

Первоверховный апостол властью Богочеловека повелевает: *Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся* (Тит. 3, 10). А если кто еретика не только не отвращается, но и Самого Господа Иисуса Христа преподает ему в Святой Евхаристии,— разве пребывает тот в святой апостольской Богочеловеческой вере? Более того, любимый ученик Христов, апостол любви, заповедует человека, не верующего в воплощение Господа Иисуса Христа и не признающего евангельское учение о Нем как о Богочеловеке, *не принимать в дом* (ср.: 2 Ин. 10).

Правило 45 святых апостолов громогласно заповедует: «Епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен. Аще же позволит им действовать что либо, яко служителям Церкви: да будет извержен» (ср.: Правило 33 Лаодикийского Собора). Эта заповедь понятна и для комариной совести. Разве не так?

Правило 65 святых апостолов повелевает: «Аще кто из клира, или мирянин, в синагогу иудейскую или еретическую войдет помолитися: да будет и от чина священнаго извержен, и отлучен от общения церковнаго». И это ясно и для самого примитивного сознания. Разве нет?

Правило 46 святых апостолов: «Епископа, или пресвитера, приявших крещение или жертву еретиков, извергати повелеваем. *Кое бо согласие Христови с велиаром, или кая часть верному с неверным?* (ср.: 2 Кор. 6, 15)». Очевидно и для не имеющих очей: эта заповедь строго повелевает не признавать у еретиков никакого Святого Таинства и считать их недействительными и безблагодатными.

Богодухновенный громоглашатай апостольского и святоотеческого соборного Предания Христовой Церкви, святой Иоанн Дамаскин, благовествует от сердца всех святых отцов, всех святых апостолов, всех святых церковных Соборов следующую святую Богочеловеческую истину: «Хлеб Евхаристии (Святого Причащения) не есть простой хлеб, но соединенный с Божеством... Очищаясь им, мы соединяемся с Телом Господа и Духом Его и делаемся телом Христовым — **σῶμα Χριστοῦ** (Церковью)... Таинство Евхаристии называется Причащением (**μετάληψις**) потому, что им мы причащаемся Божества Иисуса. Называется оно и общением (**κοινωνία**) и поистине есть то, ибо через него мы вступаем в общение со Христом и приемлем удел как в Его плоти, так и в Его Божестве; с другой стороны, через него мы вступаем в общение и соединяемся друг с другом. И так как все мы причащаемся от единого хлеба, то все и делаемся единым Христовым телом и единою кровию, и членами друг другу, будучи составляющими одно тело со Христом — **σύσσωμοι Χριστοῦ**. Поэтому всею силою да храним себя, чтобы как не принимать нам причащения от еретиков

(αἱρετικῶν) — так и не давать его им. Ибо Господь говорит: *Не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиниями* (Мф. **7**, 6), чтобы не стать нам участниками их зловерия (злоучения, **κακοδοξίας**) и осуждения. Ибо если действительно совершается соединение со Христом и друг с другом, то мы произволением соединяемся и со всеми теми, кто вместе с нами причащается. Соединение же это происходит добровольно, не без нашего согласия. Ибо все мы *едино тело есмы*, потому что *от единаго хлеба причащаемся*, как говорит божественный апостол (1 Кор. **10**, 17)»[50].

Преподобный Феодор Студит, неустрашимый исповедник Богочеловеческих православных истин, громогласно возвещает всем людям, где бы они ни находились: «...причащение от еретика, или явно осужденного по жизни, отчуждает от Бога и предает диаволу»[51]. В Евхаристии «..хлеб еретический и не есть Тело Христово»[52]. «Каково различие света и тьмы, таково же и православного причащения от еретического общения. Первое просвещает, второе омрачает; одно соединяет со Христом, другое — с диаволом; одно оживляет душу, второе — убивает»[53]. «Причащение из (рук) еретиков — есть яд»[54].

***

Это наше хождение по раю и аду закончим Богочеловеческими благовествованиями современного православного епископа, поистине Златоуста Сербской Православной Церкви, [епископа] Николая Жичского († 1956). Смиренно и молитвенно желаем, чтобы евангельский свет его богомудрых рассуждений по-святоотечески осветил и разъяснил все проблемы, о которых мы говорим.

Подобно святым отцам погруженный в тайны истории человеческого рода, он благовествует: «Славный про-

рок Исаия прорек следующее: *Когда восстанет Господь потребить землю, тогда поникнут гордые взгляды человека, и высокое людское унизится; и один Господь будет высок в тот день* (ср.: Ис. 2, 11).

И в древние времена неоднократно восставал Господь потребить землю из-за обожествления людей вместо поклонения Ему, Единому Богу; из-за навязываемых надменных человеко-богов. Восстал Он и в наше время и воистину поразил землю в Своем праведном гневе, дабы сокрушить человеческую гордыню и унизить искусственное возвеличивание человека.

Такое восстание Бога против людей часто и неизбежно следовало за мятежом людей против Бога. Еретические народы нашей эпохи посадили Господа Иисуса Христа на последнее место за трапезой мира сего, как последнего нищего, тогда как на первые места посадили своих "великих деятелей": политиков, писателей, философов, баснословцев, ученых, финансистов и даже туристов и спортсменов. Все взоры этих народов были пристально обращены на этих "выдающихся личностей", на этих современных богов, тогда как Христу, Победителю смерти, мало кто уделял внимание. После столь гнусного возмущения крещеных, но еретических народов против Всевышнего Бога должно было последовать и восстание оскорбленного Бога против беззаконных людей и народов. И поистине восстал Бог потребить землю. И нагрянули на земные народы небывалые страдания, которые довелось нам увидеть нашими же глазами и вынести на собственном хребте. И не только все обожаемые человеческие величины оказались потухшими кострами, у которых никто даже не пытался согреться, но случилось и то еще более ужасное, о чем прорек Исаия: *И войдут люди в расселины скал и в пропасти земли от страха Господа и славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю* (Ис. 2, 19).

Разве не буквально все это исполнилось в минувшей войне? Разве не бежали люди на нескольких континентах, как и в нашей стране, в каменные пещеры и земные расселины, чтобы найти убежище для своей жизни от европейских сеятелей смерти? А этими сеятелями смерти как раз и оказались те "выдающиеся деятели", те человеческие идолы, восседавшие на почетном месте за трапезой мира сего и смеявшиеся в лицо Христу, как убогому нищему, на последнем месте этой трапезы.

Тогда, как далее пророчествует Исаия, люди и народы от страха перед славой величия Единого Бога Небесного разобьют всех своих идолов, отвергнут всех своих ложных богов и перестанут поклоняться, кротам и летучим мышам. Ясно, что под кротами пророк подразумевает здесь "великих деятелей", не желающих знать ни Бога, ни Небесного Царства, но учащих людей обитать во тьме мира сего, мысля землей и питаясь землей. А под летучими мышами разумеет пророк тех людей, которые боятся света Христова и убегают в темноту своих идейных пещер, тесных, мрачных и холодных. И наконец, заканчивает Исаия свое страшное свидетельство таким предупреждением: *Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его, ибо что он значит?* (Ис. 2, 22). Хочет он сказать всем желающим слушать и уразуметь: перестаньте надеяться на немощных и смертных людей. Вернитесь к Богу Живому, в Котором — спасение. Кто обольстил вас, сербов, загнать Христа Спасителя на последнее место своей трапезы, а первые места предложить светским гордецам, пустозвонам и сеятелям смерти? Или вы вновь хотите дать себя обмануть? Итак, изберите жизнь или смерть. И знайте, что если вы опять взбунтуетесь против Бога и воздадите Его славу своим ложным богам "культуры", то и Бог восстанет против вас. И тогда дети ваши, трясясь от страха в пещерах и пропастях земных, позна-

ют силу и величие Господа Бога, Творца и Вседержителя. Но познают они это дорогой ценой, намного превышающей вашу».

Христо-носный Владыка с печалью и надеждой благовествует: «Наши крещеные братья, соблазнившиеся католической и лютеранской ересью, сделались в собственных глазах весьма мудрыми без Христа. И презрели нас, православных христиан, как немудрых и некультурных. Но поистине и на них сбылось слово апостола Павла: *называя себя мудрыми* (букв. "строя из себя мудрых".— *Пер.*), *обезумели* (Рим. 1, 22). Ибо отвергли духовную премудрость по Христу, шествующую в скромном облачении смирения и любви, и облеклись, под стать языческим философам, в мудрость плотскую и светскую, суть которой в горделивости и злобе.

И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку... и поклонялись, и служили твари вместо Творца (Рим. 1, 23, 25). То есть совлекли всю славу с Господа Иисуса Христа и возложили ее на рамена смертных людей, которых воздвигли себе как новых мессий. Таким, под влиянием безбожного мудрования, стало для них понятие славы. А понятие культуры сводится у них к почитанию твари, то есть видимой природы, и в служении ей более, нежели ее Творцу. Смертные боги и обожествленная природа! К настоящему времени это — конечная станция в неудержимом и многовековом ниспадении с Христовых высот в сатанинский тартар. Это вершина отождествления людей на Западе с древним язычеством римским и современным азиатским. Массу книг ежегодно выпускают они в прославление "великих людей" и в похвалу своей культуре и с тысячами газет ежедневно совершают служение той же самой тленной и ложной славе, а равно и похвале дел человеческих под напыщенным названием "культура". Поэтому и предал

их Бог срамным сластям (см.: Рим. 1, 26, 28), так что они находят удовольствие лишь в земном, а не в небесном, лишь в том, чтó вызывает смех у диавола и плач у Христовых Ангелов. Их услады — в изнеживании плоти, в присвоении чужого, в насильственном похищении у малых и слабых, в умножении земных благ и в расширении своего господства и власти, в вероломном завоевании чужого отечества, в веселье и танцах, в отвержении любой веры как суеверия, в отрицании Бога, в полностью биологической жизни, в бессовестном именовании обезьяны своим предком, в погружении антропологии в зоологию.

Вы спросите, может ли это самое заблудшее в истории поколение когда-либо вернуться к истине и порядочности? Может. Пусть же оскорбленный ими Христос сотворит это как можно скорее. Но когда же это будет?

Это будет тогда, когда наши западные братья начнут ежегодно писать тысячи книг во славу Христа, Бога нашего. И когда тысячи их газет ежедневно будут писать похвалы христианским подвигам и христианским добродетелям, вместо того чтобы извещать о преступлениях, и об оскорблении Божия величия, и о торговле, понукаемой плотскими инстинктами. Когда же свершится это преображение, тогда западное еретическое человечество явится пред видимыми небесами омытым, очищенным и исполненным благоуханий от небесного ладана.

Тогда и мы, православные, возрадуемся, ибо снова приобретем наших возвращающихся братьев.

Тогда возлюбят Христа и языческие народы и будут просить, чтобы и их вписали в число детей Христовых. Ведь христиане уже не будут мешать им быть Христовыми.

Тогда не будет ни злобы среди людей, ни войн между народами. Но воцарится Христов мир, превосходящий всякий разум, и Христова слава, равной которой нет ни во времени, ни в вечности».

Богодухновенный Владыка сказует Богочеловеческую истину:

«Превеликое счастье для людей — явление Бога во плоти. Превеликое же несчастье — отпадение от этого Бога и возврат на службу сатане. Это несчастье пришло от западных неправославных народов, и причем по двум причинам. Первая причина — неприязнь к еретическому священству, а вторая — враждебность к евреям. И та и другая ненависть возросли в сердце западного человечества из единого семени. Семя это — попытка как христианского клира, так и евреев установить свое полное господство над жизнью народов и государств во всех сферах. Отвращение к такому клиру переросло в озлобление на Церковь, а злоба на евреев воплотила в себе и гнушение Христом как евреем. На самом же деле Христос был евреем лишь по Матери и по народу, в котором сперва явился. Но именно этим народом Он и был отвергнут и умерщвлен страшной смертью. Что же отсюда следует? Если кто-то против евреев, то как он может быть и против Христа, против Которого евреи ратуют две тысячи лет? Но где впиваются сатанинские когти, там о логике не спрашивают.

Возбужденные злобой против клира и евреев западные народы постепенно отвергали Христа, пока в недавнее время не исключили Его из всех областей и из народных и государственных учреждений, ограничив Его присутствие исключительно храмами. Присутствие Того, Кто после Своего славного воскресения из мертвых сказал: *дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18). Ослепленные люди насильно отняли у Него всякую власть. И не только власть, но и любое влияние на земле: в школе, в обществе, в государстве, в политике и искусстве, в межчеловеческих и международных отношениях, в науке, в литературе и во всем остальном.

Но Бог поругаем не бывает*. Когда люди, будучи гостями за Божией трапезой, теряют всякую меру приличия, должно как предупреждение от Домовладыки прийти наказание. Двумя страшными Божиими предупреждениями современному поколению являются две последние мировые войны, отстоящие одна от другой всего лишь на двадцать лет. Пусть же христианские народы падут на колени перед оскорбленным Христом и вернут Ему ту власть, честь, славу и почтение, которые только Ему и подобают. Поступайте так и вы, православные братья, если хотите оградить себя от третьей мировой войны, которая будет намного страшнее, чем две предыдущие».

Апостольская печаль Владыки по Европе: «Что такое Европа? Вожделение и разум. Людям присуще и то и другое, то есть человеческое вожделение и человеческий разум. Эти двое олицетворены и в папе, и в Лютере. Что же такое, значит, Европа? Папа и Лютер. Окончательно измельчавшие страстные порывы людей и полностью выхолощенный разум. Европейский папа — это людская алчность власти. Европейский же Лютер — людская решимость объяснить все собственным разумом. Папа как властитель мира и ученый как властитель мира. Такова в своей сущности Европа: как онтологически, так и исторически. Одно означает ввержение человечества в огонь, другое — в воду. Но и то и другое знаменует собой отчуждение человека от Бога. Ведь одно означает отрицание веры, другое же — отвержение Христовой Церкви. Так в теле Европы вот уже несколько веков бесчинствует демон. Кто же может изгнать из Европы этого лукавого духа? Никто, кроме Того, Кто красными буквами отмечен в истории человечества как единственный Изгонитель бесов из людей. Вы угадываете, о Ком я мыслю. Я мыслю

* См.: Гал. 6, 7.— *Ред.*

о Господе Иисусе Христе, Мессии и Спасителе мира, от Девы рожденном, от евреев убиенном, Богом воскрешенном, веками удостоверенном, небесами оправданном, Ангелами прославленном, святыми засвидетельствованном и праотцами нашими принятом.

Пока Европа держалась за Христа как за Солнце правды и за Его апостолов, мучеников, святителей и бесчисленных угодников и праведников, она была похожа на площадь, освещенную сотнями и тысячами больших и малых светильников. Но когда человеческая похоть и человеческий разум, подобно двум страшным ветрам, налетели на Христа, то светильники погасли, и на площади воцарился мрак, сродный тьме в подземных ходах кротов.

Движимый человеческой похотью, каждый народ и каждый человек — подражая римскому папе — жаждет власти, и наслаждения, и славы. По своему чисто человеческому разуму каждый народ и каждый человек мнит себя самым умным и заслуживающим всех земных благ. Как тогда не быть войнам между народами и отдельными людьми? Как не присутствовать в среде людей сумасшествию и бешенству? Как не случаться болезням, и засухам, и наводнениям, и язвам, и чахотке, и революциям, и войнам? Всему этому надлежит быть, как надлежит гною исходить из воспаленной раны и отвратительному смраду распространяться от наваленных нечистот.

Папизм использует политику, потому что только так можно прийти к власти. Лютеранство же прибегает к философии и науке, пытаясь именно так обрести разум. Так жажда власти развязала войну против разума, а разум — против жажды власти. Это новая вавилонская башня, это Европа. В наше же время восстало новое европейское поколение, атеизмом увенчавшее и похотливую жажду власти, и разум — и отвергшее и папу, и Лютера. И теперь уже никто не скрывает своей похоти и не хва-

лит разум. Человеческая похоть и человеческий разум заключили в наши дни брак — не католический и не лютеранский, но очевидно и явно сатанинский. Сегодняшняя Европа уже не папская и не лютеранская. Она по ту сторону и того и другого. Во всей своей полноте она плотская, приземленная и не имеющая ни малейшего желания взбираться на небо: ни с паспортом "непогрешимого" папы, ни по лестнице протестантского разума. Она вообще отказывается покидать этот мир. Она хочет остаться здесь. Она желает, чтобы могила ее была там же, где и ее колыбель. Она не ведает мира иного. Не ощущает небесного озона. Не видит во сне Ангелов и святых. О Богородице не может даже и слышать. В ненависти против Ее девства пропагандирует разврат. Вся площадь — во мраке. Все светильники потухли. О, какая жуткая тьма! Брат брату вонзает меч в грудь, считая его врагом. Отец отрекается от сына и сын от отца. Волк волку более верный друг, чем человек человеку.

Ах, братья мои, неужели вы всего этого не видите? Неужели и все вы на своей собственной спине не почувствовали помрачения и злодеяний антихристианской Европы? С кем хотите вы быть: с Европой или со Христом? Со смертью или с жизнью? И то и другое предложил некогда Моисей глазам своего народа. А мы представляем это вашим глазам. Знайте: Европа — это смерть, Христос — жизнь. Изберите же жизнь, чтобы пребыть вам навеки живыми».

Поразительные рыдания нашего Владыки над Европой:

«Ах, братья мои, восемнадцатый век — это отец девятнадцатого века, а девятнадцатый век — отец века двадцатого. Отец погряз в больших долгах, сын не только не заплатил долгов своего отца, но и еще более их приумножил, так что весь долг пал на внука. Отец был заражен тяжкой болезнью, сын же не только не исцелил в себе это-

го злокачественного недуга своего отца, но и еще более его усугубил — и болезнь с троекратной силой ударила по внуку. Внук — это двадцатый век, в котором мы живем.

Восемнадцатый век означал собою бунт против церкви и священства римского понтифика. Девятнадцатый же век ознаменовался мятежом против Бога. Двадцатый век запечатлевает союз с диаволом. Долги возросли, и болезнь еще более усилилась. А Господь сказал, что грехами отцов посещает потомков даже до третьего и четвертого колена. Не видите ли, как посетил Господь внуков за грехи их европейских дедов? Не видите ли розги на спинах внуков за неоплаченные грехи этих же самых прародителей?

Царь-антихрист знаменует начало девятнадцатого века. Папа-антихрист символизирует середину девятнадцатого века. Европейский философ-антихрист (из дома умалишенных) венчает собой конец девятнадцатого века. Бонапарт, Пий, Ницше. Три роковых имени трех самых тяжелых больных, страдающих недугом, унаследованным от предков.

Победители ли они девятнадцатого века? Нет, они лишь самые опасные переносчики болезни, доставшейся им от века восемнадцатого. Самые тяжелые больные. Цезарь, понтифик и философ... и не в языческом Древнем Риме, а посреди крещеной Европы! Не победители они, а самые что ни есть побежденные. Когда Бонапарт надругался над святынями в Кремле, когда Пий провозгласил себя непогрешимым и когда Ницше заявил о своем служении антихристу — тогда солнце померкло на небе. И будь оно не одно, а тысяча их, то и все они потускнели бы от скорби и позора. Ибо вот — диво, какое мир еще не видел: атеист-царь, атеист-понтифик и атеист-философ. Во времена Нерона по крайней мере один из трех, а именно философ, не был атеистом. Восемнадцатый век — это век Пилата: он осудил Христа на смерть.

Девятнадцатый — век Каиафы: он вновь распял Христа. Двадцатый век — век синедриона, составленного из иуд крещеных и иуд некрещеных. Этот синедрион провозгласил, что Христос навеки мертв и не воскресал. Отчего, братья, вы тогда удивляетесь, что европейство приняло на себя небывалые удары — вплоть до крови, костей и костного мозга — от мятежей, революций и войн?

Кто же тогда победитель, если не цезарь, не понтифик и не философ отвергшейся Христа Европы?

Победитель — это русский мужик и сербский крестьянин, по слову Христову: *кто из вас меньше всех, тот будет велик* (Лк. 9, 48). Кто был самым неизвестным, незначительным и малейшим в девятнадцатом веке; в веке “великого” Бонапарта, “непогрешимого” Пия и “неприступного” Ницше, кто — если не русский мужик, паломник по святым местам, и не сербский крестьянин, борец против полумесяца и освободитель Балкан?

Диавольское поле битвы, диавольское священство и диавольское мудрование — вот кто такие царь, папа и философ девятнадцатого века. Сербский же крестьянин противопоставил всему этому как раз противоположное: первому — крестоносный героизм, второму — мученическое священство и третьему — рыбарскую апостольскую премудрость. К нему же опять относятся молитвенные слова Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа: *славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам* (Мф. 11, 25). Что же такое открыл Бог простым крестьянам? Мужескую храбрость, небесную святость и Божественную премудрость. Открыл Он им все то, что́ противостоит западному царю, и папе, и философу, то есть что́ абсолютно противоположно, как день и ночь».

Возлюбивший Христа Владыка повествует о богоубийственных идолах европейской культуры:

«Если бы Европа оставалась христианской, то хвалилась бы Христом, а не культурой. И великие народы Азии и Африки, хоть и некрещеные, но духовно настроенные, поняли бы это и начали ценить. Ведь и эти народы хвалятся каждый своей верой, своими божествами, своими религиозными книгами — Кораном, Ведами и другими. И превозносят они не дела рук своих, не свою культуру, а только то, что считают высшим себя, то есть величайшим в мире. И лишь европейские народы не хвалятся ни Христом, ни Христовым Евангелием, но надмеваются своими опасными машинами и дешевыми поделками, то есть именуя их своей культурой. Последствия этого европейского самовосхваления навязываемой культурой таковы, что все нехристианские народы возненавидели Христа и христианство. Гнушаясь европейскими товарами и вообще европейцами, они озлобились и на европейского Бога. Но, увы, Европа от этого не страдает. Ведь она прежде всех других прониклась неприязнью к своему Богу и отвергла Его. К такому незавидному положению привело европейское человечество его порочное развитие под влиянием лжецеркви за последние девятьсот лет. Европейские народы в этом невиновны, вина лежит на их духовных лидерах. Неповинно стадо, повинны пастыри.

Напротив, если бы развитие Европы было счастливым, то она хвалилась бы христианством как своим самым драгоценным наследием и величайшим достоянием. Этому и подобало быть; это и было в первые века после Христа, то есть Европа тогда была тезоименитой христианству и отождествляла себя с ним. Прославление Христа и Его проповедь всем народам — вот в чем заключалась миссия европейского континента, возложенная на него Богом. А вне христианства Европе похвалиться нечем. Европа без Христа — самый последний нищий и самый бессовестный грабитель мира сего».

Просвещенный Христом Владыка сказует горькую истину о европейском просвещении:

«Европейская школа изолировала себя от веры в Бога. В этом суть ее превращения в отравительницу, в этом же и смерть европейского человечества. Никогда даже в языческих культурах наука не отделялась от веры, хоть вера была ошибочной и неразумной. Это случилось только в Европе; в той Европе, которая приняла самую совершенную веру. Но из-за столкновения с церковными князьями Европа ожесточилась и отвергла самую совершенную веру, тогда как самую "передовую" науку удержала. Ах, братья мои, отвергла она Божие знание и ухватилась за человеческое невежество! Какая глупость и какой мрак!»

Богомудрый Владыка повествует о добровольном ослеплении западного человечества:

«Запад впал в детство. В этом — его сумасшествие, вызывающее чувство отвращения. На протяжении своей христианской эпохи, пока Запад был православным, он провидел духом и прозревал умом. Но чем более он удалялся от христианской истины и добродетели, тем сильнее тускнело его духовное зрение, пока в двадцатом веке оно совсем не угасло. Теперь остались у него лишь плотские глаза для чувственного восприятия. Он же вооружил их многими хитроумными приборами, чтобы лучше и отчетливее наблюдать за материальным миром, определяя его облик, цвет, число, меру, масштабы. Так, склоняется он над микроскопом и различает мельчайших червей и микробов, как не видел их никто никогда. И он же смотрит в телескоп и наблюдает звезды так близко, как если бы они висели прямо над дымоходом, то есть так, как никому из людей никогда их созерцать не приходилось. И это все, ничего более. Что же касается умного ви́дения и духовного прозрения в сокровенную сущность вещей и в смысл и значение всего сотворенного в великой

окружающей нас вселенной, то — о, братья мои — в этом западное человечество сейчас более слепо, чем мусульманская Аравия и брахманская Индия, чем буддийский Тибет и обожествляющий духов предков Китай. И в самом деле, за два минувших тысячелетия Христос не претерпевал большего позора, чем тот, когда крещеные люди оказались более незрячими, чем некрещеные.

То, в чем апостол Павел обличал крещеных галатов, изрек бы он и ныне о впавшем в детство и состарившемся Западе. Так писал он галатам: *О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?.. Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью?* (Гал. 3, 1, 3). И Европа когда-то начинала Духом, а теперь оканчивает плотью, то есть плотскими воззрениями, плотскими рассуждениями, плотскими вожделениями и плотскими завоеваниями. Точно заколдованная! Ведь в наше время все ее бытие обращается лишь в двух измерениях: между длиной и шириной. Ей знакома лишь плоскость, то есть та же самая длина и ширина. Не ведает она ни глубины, ни высоты. Потому-то и воюет за землю, за расширение, за простор. За пространство, только за пространство!

Отсюда одна война за другой, ужас за ужасом. Но Бог сотворил человека не для того, чтобы он был лишь животным, обитающим в пространстве, а чтобы умом проникал в глубины тайн, восходя сердцем в Божественные высоты. Борьба же за землю — это и есть война против истины. А война против истины и есть не что иное, как ожесточенная брань против Божиего и человеческого естества.

О, скорбь, горчайшая полыни: сколько люди страдают, бедствуют и жертвуют собой за тленное и обманчивое земное царство! Если хоть сотую часть этих лишений и мук они захотели бы претерпеть ради Царства Небесного,

то война на земле стала бы им смешной до слез. Впрочем, Христу они скрепя сердце уделяют две лепты, а в храме демона Марса оставляют и все свое имущество, и всех своих детей!

Пусть же осенит себя Европа крестным знамением и обратится ко Христу. Пусть вспомнит Пресвятую Богородицу и двенадцать великих апостолов — и тогда чешуя спадет с ее глаз. И будет она опять такой же прекрасной, какой тысячелетие назад была православная Европа Христова. И будет она счастлива, и мы вместе с нею. И возрадуются растроганные европейские народы, и воспоют вместе с нами вечное славословие Богу: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея. Аминь"».

Смиренный во Христе Владыка говорит о надменных европейских народах:

«Властолюбивые и высокомерные народы Европы никак не могут признать своей вины. Утратили они самое понятие о грехе, о грехе и покаянии. В любом совершающемся в мире злодеянии обвиняют они кого угодно иного, только не самих себя. Да и как могли бы они совершить грех, если воссели на Божием престоле, провозгласив самих себя непогрешимыми богами! Сначала это сделал их религиозный вождь, папа. Его примеру, часто наперекор ему самому, последовали западные князья и короли. Все провозгласили себя непогрешимыми: как носящие крест, так и носящие меч».

Христолюбивый Владыка повествует о суде между Христом и Европой:

«Если бы истории последних трех столетий, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого, можно было дать единое верное наименование, то самым подходящим было бы следующее: "Протокол суда между Европой и Христом". Ведь за последние триста лет в Европе не про-

исходило чего-либо такого, что́ не имело бы связи со Христом — с Богом.

На суде между Христом и Европой дело обстоит следующим образом:

Христос говорит Европе, что она крещена в Его имя и потому должна оставаться верной Ему и Его Евангелию. На это обвиняемая Европа отвечает:

— Все веры одинаковы. Об этом нам поведали французские энциклопедисты. И никого нельзя принуждать верить в то или иное. Европа лишь из-за своих империалистических интересов проявляет терпимость ко всем верам как народным суевериям, но сама не принадлежит ни к одной из них. Когда же достигнет своих политических целей, то очень быстро разделается с этими народными предрассудками.

Услышав это, Христос печально спрашивает:

— Как можете вы, люди, жить только империалистическими, то есть материальными, интересами, сводящимися лишь к животным вожделениям плотской пищи? Я хотел сделать вас богами и Божиими сынами, но вы вырываетесь из Моих рук и убегаете от Меня, чтобы уравнять себя с тягловым скотом.

На это Европа отвечает:

— Ты устарел. Вместо Твоего Евангелия мы ввели зоологию и биологию. И теперь знаем, что мы потомки не Твои и не Твоего Небесного Отца, а орангутангов и горилл, обезьян. И теперь мы сами себя совершенствуем, чтобы стать богами. Ибо не признаем других богов, кроме нас самих.

На это Христос говорит:

— Вы упрямее древних евреев. Я вознес вас из варварского мрака в небесный свет, а вы вновь хотите во тьму, как свиньи в грязь. Я отдал за вас Кровь. Я явил вам Свою любовь тогда, когда от вас отворачивались все

Ангелы, будучи не в силах выносить исходящего от вас адского смрада. И вот, когда вы были лишь мраком и смрадом, Я единственный за вас вступился, чтобы освятить вас и очистить. Не будьте же Мне теперь неверными, иначе вы опять возвратитесь в тот невыносимый мрак и смрад.

На это Европа с издевкой усмехается:

— Уходи от нас. Мы не знаем Тебя. Мы признаём лишь эллинскую философию и римскую культуру. Мы хотим свободы. У нас есть университеты. Наука — вот наша путеводная звезда. Наш лозунг: свобода, равенство, братство. Наш разум — вот бог богов. Ты азиат. Мы от Тебя отрекаемся. Ты не больше чем древняя легенда наших неученых пращуров.

Христос отвечает на это со слезами в глазах:

— Я сейчас уйду, и вы это увидите. Вы оставили путь Божий и пошли путем сатанинским. Благословение и счастье взято от вас. В Моей руке ваша жизнь и ваша смерть, ибо Я добровольно распялся за вас. И все-таки Я буду карать не вас лично, а лишь ваши грехи и ваше отпадение от Меня как вашего Спасителя. Я открыл Отчую любовь ко всем людям и всех намеревался спасти любовью.

Европа отвечает на это с колкой укоризной:

— Какая любовь? Здоровая и мужская ненависть ко всем с нами несогласными — вот наша программа. Твоя любовь лишь басня. Вместо этой небылицы мы выставили национализм, интернационализм, этатизм*, прогресс, эволюцию, науку, культуру. В этом наше спасение, а Ты оставь нас.

Братья мои, судебное разбирательство закончено: Христос покинул Европу, как некогда страну Гадаринскую, уступая просьбе ее жителей**. Но стоило Ему уйти, как

---

* Этатизм (фр. Etát — государство) — направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития, признающее его приоретет во всех сферах общественной жизни.— *Ред.*

** См.: Мф. 8, 28–34; Мк. 5, 1–20; Лк. 8, 40–56.— *Ред.*

нагрянула война, беснование, ужасы, разрушения, истребление. В Европу вернулось дохристианское варварство: аварское, гуннское, лонгобардское, африканское — только во стократ более жестокое. Христос же удалился, взяв Свой Крест и благословение. Остался мрак и смрад. А теперь вы решайте, за кем идти: за мрачной и смрадной Европой или за Христом».

С апостольской ревностью Владыка повествует о «белой демонии» — о Европе:

«Что вы думаете о Европе? Африка и Азия называют европейцев белыми демонами. Соответственно этому Европу можно было бы назвать “белой демонией”: “белой” за цвет кожи, а “демонией” — за помрачение души. Ведь Европа отреклась от единого истинного Бога и заняла престол римских цезарей, усвоив их мировоззрение. Подобно тому как эти самые римские цезари перед упадком и гибелью Рима возвестили всем народам на земле, что каждый может поклоняться своим богам, как знает и умеет, так и Европа проявляет такую же веротерпимость, с тем только условием, чтобы все поклонялись и ей самой же как верховному божеству: либо под именем Европы, либо под именем Культуры.

Так, братья мои, в наши дни превратился в вампира сатанинский Рим; он опять стал тем Римом до царя Константина, который преследовал христиан огнем и мечом, препятствуя Христу вступить в Европу. Впрочем, “белая демония” впала в еще более тяжкий недуг, нежели языческий Рим: если языческий Рим был мучим одним бесом, то “белая демония”, помимо того одного, истязаема еще семью новыми бесами, злейшими того римского. Итак, вот новый языческий Рим, вот и новое христианское мученичество. Будьте же готовы принять страдания за Христа, которым подвергнет вас эта “белая демония”.

Новая языческая Европа не хвалится ни одним божеством превыше себя. Она надмевается лишь самой собою, своим разумом, своим богатством, своей силой. Современная антихристианская Европа, "белая демония" — это надувшийся пузырь, это созревшая язва, которые чуть было не лопнули на смех Азии и Африке и не заполнили вселенную своим зловонием.

Европа живет в зачарованном кругу открытий. Кто бы ни заявил о чем-то вновь изведанном — его возвеличивают как гения. Описывающий же чужие изыскания провозглашается доктором наук. Много у Европы открытий, несть им числа. Но ни одно из них не делает человека лучше, порядочнее или светлее. За последнее тысячелетие Европа не сделала ни одного открытия в области моральной или духовной, а только в материальной. Причем эти европейские изобретения уже подвели человечество к самому краю пропасти, ввергнув его в такое духовное помрачение и в такую беспросветную ущербность, какой еще не было в истории христианства. Ведь все свои открытия Европа обратила против Христа; по своему ли скудоумию (букв. "кривоумию".— *Пер.*) или же по подсказке иудеев — это нам неведомо.

Когда был создан телескоп для наблюдения за удаленными звездами, европейские ученые истолковали результаты этих наблюдений во вред Христову Евангелию.

Создан микроскоп — опять насмешки над Христом.

Построена железная дорога, сооружена паровая фабрика, открыты телефон и телеграф,— весь воздух сотрясается от европейского самовосхваления в укоризну Богу и Его Христу.

Создали люди приспособления для плавания под водой, для полета в воздухе, для ведения переговоров на больших расстояниях — и Христос для Европы сделался столь же ненужным и несовременным, как и египетские мумии.

Впрочем, все свои открытия в течение последних двухсот лет Европа использовала для собственного же самоубийства в мировых войнах, для преступлений, для разжигания ненависти, для разрушений, для обманов, для вымогательств, для осквернений народных святынь и благочестивых обычаев, для лжи и фальши, для разврата и безбожия во всем мире. На самом же деле Европа обманула не иного кого, как только самою себя. Ведь нехристианские народы, увидев, что представляет собой Европа, чтó приносит она с собой и к чему стремится, назвали ее "белой демонией".

Послушай, что говорит царь Давид: *Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся**. И эти хвастуны уснут на мягких ложах своей переменчивой славы, а мы восстанем и исправимся. Апостол Павел взывает еще сильнее: Человек! *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?* (1 Кор. 4, 7). Знай же, что все открытия сделаны в Божием владении и перед Божиими очами. И научись стыду и почтению».

---

* Пс. 19, 8.— *Ред.*

Выход из всех безвыходных положений

Выход из гуманистических = экуменических = «хоминистических» = папистских тупиков — это исторический Богочеловек, Господь Иисус Христос, и Его историческое Богочеловеческое творение — Церковь, для которой Он — вечный Глава, а она — Его вечное Тело. Апостольская, святоотеческая, согласная со Священным Преданием, святособорная, вселенская, православная вера в эту Церковь и есть воскресение из всех еретических смертей, как бы ни именовались эти ереси. В конце концов, любая ересь — от человека и «по человеку»; каждая их них возводит человека на место Богочеловека, заменяет Богочеловека человеком. И тем самым отрицает и отвергает Церковь, которая вся в Богочеловеке, вся от Богочеловека, вся по Богочеловеку. Есть ли от этого избавление? Да, это — апостольская, Богочеловеческая вера: всесторонее возвращение на Богочеловеческий путь святых апостолов и святых отцов[55]; то есть возврат к их истинной православной вере в Богочеловека Иисуса Христа, к их благодатной Богочеловеческой жизни в Церкви Духом Святым, к их свободе во Христе, дарованной нам Христом, к их Богочеловеческому благодатному опыту в Духе Святом, к их Богочеловеческим святым добродетелям. Это — и только это —

может спасти и освободить [людей] от рабствования разным проявлениям гуманистическо-«хоминистического» человекоугодия, человекослужения и человекопоклонничества и омыть все грехи. Ведь это рабствование равно идолопоклонству, служению ложным богам нашего анархистско-нигилистического века. Другими словами, без апостольско-святоотеческого пути, без апостольско-святоотеческого решительного следования за единым истинным Богом неба и земли и без служения единому истинному и вечноживому Богу — Богочеловеку и Спасителю Иисусу Христу, Главе Православной Церкви, все еретики безвозвратно утонут в мертвом море европейского «культурного» идолопоклонства и, вместо Бога Живого и Истинного, будут служить ложным кумирам мира сего, в которых нет спасения, нет воскресения, нет обо́жения для печального существа, называемого человеком.

Избавленные Богочеловеком, Господом Иисусом Христом, от идолопоклонства во всех его видах святые отцы семи Вселенских Соборов вот что нам благовествуют, заповедуют и завещают в качестве единственного православного пути, пути Богочеловеческого, по которому нужно безбоязненно следовать через все исторические перипетии и помрачения мира и века сего: «Святые отцы наши, исполняя Божественную заповедь Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, не скрывали под сосудом дарованного Им (Иисусом Христом) светильника Божественного знания, но ставили его на подсвечнике самого полезного дела — учительства, чтобы светил он всем находящимся в доме, то есть прославляющим Бога в Православной Вселенской Церкви, дабы ни один из православно (εὐσεβῶς) исповедующих Господа не споткнулся о камень еретического зловерия. Ибо святые отцы прочь изгоняют всякое еретическое заблуждение

и отсекают гнилые члены, если они неизлечимо больны; и, имея лопату-веялку в своих руках, они очищают гумно, причем пшеницу, то есть всякое питательное слово, укрепляющее сердце человека, собирают в житницу Православной Вселенской Церкви, а плевелы еретического злоучения выбрасывают вон и сжигают огнем неугасимым... И мы, всячески содержа догматы и деяния богоносных отцов наших, проповедуем едиными устами и единым сердцем то, что́ они нам передали, ничего не добавляя и ничего не убавляя из того; но в том утверждаясь и укрепляясь, так исповедуем и так учим, как определили и утвердили шесть Святых Вселенских Соборов. И мы веруем... что *нас спас не ходатай, не Ангел, но Сам Господь* (см.: Ис. **63**, **9**); и, Ему последуя и усвояя себе Его зов, мы громогласно взываем: не собор, не императорская власть и не злоумышление богопроклятых спасли Церковь от идолов, как пустословил иудейский синедрион, но Сам Господь славы — вочеловечившийся Бог — спас и освободил Церковь от идолопоклоннического заблуждения. Сего ради — Ему слава, Ему благодать, Ему благодарение, Ему похвала, Ему величание, ибо Ему принадлежит искупление и спасение; ибо Он один может совершенно спасти, из смертных же земных людей — никто... Итак, следовательно, как провидели пророки, как научили апостолы, как приняла Церковь, как возвели в догмат учители, как согласилась вселенная, как воссияла благодать, как засвидетельствовала Себя Истина, как была изгнана ложь, как смело явила Себя Премудрость, как утвердил Христос — так мы мыслим, так говорим, так проповедуем Христа, истинного Бога нашего... Это вера апостольская, это вера отеческая, это вера православная! Это вера утвердила вселенную» (Акт Седьмого Вселенского Собора, заседание 4; и Синодикон Православия).

Примечания

1. *Святитель Иоанн Златоуст.* In Ep. I ad Tim. Hom. XI, 1 // PG. T. 62. Col. 553–556.

2. *Блаженный Феофилакт Болгарский.* Ex. in Ep. I ad Tim. Cap. 3, ver. 15 // PG. T. 125. Col. 49B.

3. De fide orth., III, 1 // PG. T. 94. Col. 984B.

4. *Преподобный Иоанн Дамаскин.* In Eph. Cap. 4, ver. 5–6 // PG. T. 95. Col. 840D.

5. In Eph. Hom. X, 1 // PG. T. 62. Col. 75–76; Hom. XI, 1. Col. 79–80.

6. In Isai. Cap. III // PG. T. 30. Col. 289D.

7. Contra haer. III, 24, 1 // PG. T. 7. Col. 966.

8. Акафист Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу; ср.: Ин. **14**, 26; **15**, 26; **16**, 7–17.

9. *Икумений.* Comment. in Eph. ad loc. // PG. T. 118. Col. 1220C.

10. *Святитель Иоанн Златоуст.* In Eph. Hom. XI, 3 // PG. T. 62. Col. 83.

11. *Блаженный Феофилакт Болгарский.* Ex. ad Eph. // PG. T. 124, ad loc. Col. 1088A.

12. *Он же.* Ex. ad Ep. I ad Tim. Cap. 3, ver. 15 // PG. T. 125. Col. 49C.

8 Зак. 3002

13. *Преподобный Иоанн Дамаскин.* In Eph., ad loc. Col. 844A.

14. *Святитель Иоанн Златоуст.* In Ep. I ad Cor. Hom. 24, 2 // PG. T. 61. Col. 200.

15. «Истолкование литургии». Cap. 38 // PG. T. 150. Col. 452C–453A.

16. Or. 37, 8 // PG. T. 36. Col. 292B.

17. «О Пречистом Теле», 2 // PG. T. 95. Col. 408.

18. *Святитель Иоанн Златоуст.* In Ep. ad Eph. Hom. III, 3 // PG. T. 62. Col. 27; In Matth. Hom. 82, 5 // PG. T. 58. Col. 743.

19. Ep. XV // PG. T. 91. Col. 544D: **ἐμὸν μὲν οὐδὲν ἐρῶ παντελῶς ὅ δὲ παρὰ τῶν Πατέρων ἐδιδάχθην, φημὶ...**

20. De fide orth., I, 1 // PG. T. 94. Col. 792A.

21. De imagin. Or. III, 41 // PG. T. 94. Col. 1356CD.

22. Неделя 7 по Пасхе, Святых Отцов Первого Вселенского Собора, на утрени, стихира на «Хвалитех» — святых отцов.

23. Молитва по Акафисте Иисусу Сладчайшему.

24. Октоих: Глас 1, в Неделю утра, на полунощнице, Канон Пресвятой Троице, песнь 1.

25. Триодь Цветная: Во вторник, на утрени, стихиры на стиховне.

26. Там же. Во вторник Пятдесятницы недели, Трипеснец, песнь 9; и в пяток, Трипеснец, песнь 8.

27. Октоих: Глас 3, в Неделю утра, Антифон 3.

28. In Isai. Cap. III // PG. T. 30. Col. 289D.

29. De vita in Christo, lib. I // PG. T. 150. Col. 504A.

30. По преподобному Феодору Студиту, Святая Евхаристия — это средоточие всего домостроительства спасения. См.: *Преподобный Феодор Студит*. Творения: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 126.

31. Точно также это выражено и в конце литургии святителя Иоанна Златоуста.

32. Οὐσία γὰρ πάντων τῶν ἀρετῶν αὐτὸς ἐστιν ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς (Ambig. lib. // PG. T. 91. Col. 1081D).

33. Προέκθεσις ὁμολογίας καὶ πίστεως (Opuscules et lettres // Sources Chret. № 81. P. 460).

34. *Святитель Григорий Нисский*. De vita Moysis // PG. T. 44. Col. 301A.

35. *Он же*. De anima et resurrect. // PG. T. 46. Col. 104A.

36. *Он же*. De beatitud. // PG. T. 44. Col. 1200C.

37. *Он же*. De vita Moysis // PG. T. 44. Col. 300D.

38. Святитель Киприан: «Episcopus est in Ecclesia, et Ecclesia in episcopo».— Ep. 66 (al. 69).

39. Священномученик Игнатий Богоносец: «ὅπου ἂν ᾖ Ἰησοῦς Χριστός, ἐκεῖ ἡ καθολικὴ ἐκκλησία».— Послание к Смирнянам, VIII, 2.

40. *Он же*. Послание к Траллийцам, III.

41. В субботу, на литургии, Блаженны (Глас 4, Октоих).

42. ...τῶν ἀρετῶν ταῖς ἰδέαις ἀστραπτόμενοι... (Глас 6, Октоих).

43. Тропарь святых мучеников Сергия и Вакха, Минея, 7 октября.

44. *Николай (Велимирович), епископ*. Слова о все-человеке. С. 334.

45. Hom. XV, 11–12 // PG. T. 34. Col. 584AB.

46. См.: PG. T. 36. Col. 560A.

47. Парастас: «...на еже по подобию возведи = εἰς τὸ καθ ὁμοίωσιν ἐπανάγαγεή».

48. Cap. cent. Centuria I // PG. T. 90. Col. 1189A.

49. Ep. XII // PG. T. 91. Col. 465C.

50. De fide orth., IV, 13 // PG. T. 94. Col. 1149, 1152, 1153.

51. *Преподобный Феодор Студит*. Творения. Т. 2. СПб., 1908. С. 323.

52. Там же. С. 596.

53. Там же. С. 742.

54. Там же. С. 780.

55. «Тринадцатый апостол», «отец Православия»,— святой Афанасий Великий, по-апостольски и по-святоотечески богомудро благовествует об истинной вере: «Мы храним веру Вселенской Церкви — τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας, которую передал Господь, проповедали апостолы, соблюдали отцы. Ибо на ней основана Церковь — ἡ ἐκκλησία τεθεμελίωται, и кто отпадет от нее, тот не может быть и даже именоваться христианином» (К Серапиону Послание первое, 28 // PG. T. 26. Col. 593C–596A).

Содержание

Часть I. Православное учение о Церкви 11

Все-благовестие: Богочеловек 7
Богочеловек: «единственное новое под солнцем» 9
Церковь — все-тайна человека 14
Богообразное триединство человека 20
Возрастание «в мужа совершенного» 32
Истина? 42
Богочеловеческая Кровь и ее сила 58
Евхаристия: кровное сроднение с Богом 60
Свойства Церкви 68
1. Единство и единственность Церкви 68
2. Святость Церкви 70
3. Соборность Церкви — кафоличность = καθολικότης Церкви 71
4. Апостоличность Церкви 73
Пятидесятница 79
Благодать 83
Святые Таинства 86
а) Святое Таинство Крещения 89
б) Святое Таинство Миропомазания 90
в) Святое Таинство Евхаристии 90
Святые добродетели 93

Церковная иерархия 99
Церковное богослужение и праздники 102
О Боге-Судии 110

Часть II. Экуменизм 115

Гуманистический и Богочеловеческий прогресс 119
Гуманистическая и Богочеловеческая культура 127
Гуманистическое и Богочеловеческое общество 144
Гуманистическое и Богочеловеческое просвещение 162
Человек или Богочеловек 178
Гуманистический экуменизм 194
Выход из всех безвыходных положений 222
Примечания 225

Диакон Андрей Кураев. Экуменический вызов и православный ответ 229